

СОСО ПАВЛИАШВИЛИ:

*«Мои главные творческие планы —
по возможности делать
этот мир лучше!»*

О жизни четы Лавуазье и портрете, написанном художником Жаком Луи Давидом, читайте на стр. 60

Неизвестное об известномСветлана Марлинская **Вознесенный судьбой** 4**Это интересно**Александр Ралот **Графская крепостная** 19**Эссе**Юрий Осипов **Никита Михалков: «Свой среди своих»** 24**Житейские истории**Лариса Новосельская **Баба Таня** 35**Замечательные современники**Дарья Парчинская **Сосо Павлиашвили: «Мы в семье тратим время на любовь, на доверие, на счастье и улыбки...»** 46**Российские музеи**Дмитрий Зелов **Аромат былой эпохи** 55**Шедевры**Ирина Опимах **Жак Луи Давид. Портрет Антуанна Лорана Лавуазье и его жены** 60**Звезды не гаснут**Евгения Гордиенко **Ефим Копелян на сцене, в кадре и за кадром** 68**Фантастика**Ольга Александрова **Счастье робота** 76**Эксклюзивный репортаж**Георгий Кричевский **Возвращение Мастера** 88**Новое имя**Дарья Останина **Стихи** 96**Неизвестное об известном**Алла Зубкова **Сказочник** 100**Молодые таланты**Елена Воробьева **Артур Мкртчян: «Я люблю говорить, что мне нравится "купаться" в партии. Если ты этого не ощущаешь, тогда нет смысла танцевать»** 110**Мир увлечений**Елена Чулкова **Станичный Кулибин** 117**Детектив**Лариса Королева,
Алексей Лапин **Все и ничего** 124**Кроссворд. Эрудит** 188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Певец и композитор Сосо Павлиашвили
Фото Гоар Мурадян

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью**
**«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

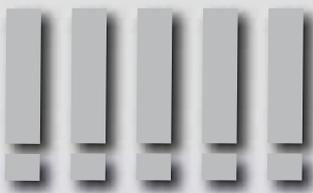
Зак. №

Цена свободная

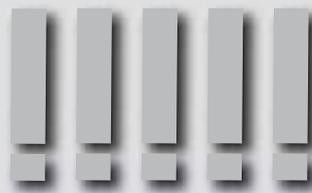
Номер подписан в печать: 15.05.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2025 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Светлана Марлинская

Вознесенный судьбой

Русский поэт и полководец **Денис Васильевич Давыдов** оставил след в мировой истории как лидер отряда «летучих» гусар. Соратник **Михаила Кутузова** и **Михаила Барклая де Толли** отпраздновал десятки побед над врагами под крики толпы звуки фанфар, и о его «эскадроне гусар летучих», его храбрости и удачливости в народе ходили легенды.

Герой войны 1812 года **Денис Давыдов** был не только **бравым гусаром**, но и теоретиком военного искусства, а также признанным поэтом русского литературного Золотого века.

Представитель старинного дворянского рода **Давыдовых**, **Денис** родился в Москве, в семье бригадира **Василия Денисовича Давыдова**, служившего под командованием **А.В. Суворова**, и его жены **Елены Ев-**

докимовны Щербининой. Крещен был 23 июля 1784 года в церкви Неопалимой купины близ Девичьего поля при восприемстве дяди **Льва Денисовича Давыдова** и бабушки **Александры Осиповны Щербининой**. Был

потомственным военным, по материнской линии приходился кузеном А.П. Ермолову и родственником не менее известного генерала Н.Н. Раевского.

Значительная часть детских лет его прошла в военной обстановке, где служил его отец, командовавший Полтавским легкоконным полком, и где была родина его матери, дочери Харьковского генерал-губернатора Евдокима Щербинина. Денис рано приобщился к военному делу, хорошо выучился верховой езде. Но его постоянно мучила его невзрачная внешность: маленький рост (в отца, который был заметно ниже матери) и маленький курносый нос «пуговкой».

В конце XVIII века по всей России гремела слава Суворова. Однажды, когда мальчику было девять лет, знаменитый полководец приехал к ним в имение в гости. Оглядев двух сыновей Василия Денисовича, Суворов сказал про Дениса: «Этот удалый будет военным, я не умру, а он уже три сражения выиграет, а Евдоким пойдет по гражданской службе». Эта встреча запомнилась Денису на всю жизнь.

После смерти Екатерины II и восшествия на престол Павла I, который недолюбливал Суворова, благополучию Давыдовых пришел конец. Проведенная ревизия Полтавского полка, которым командовал отец, обнаружила недостачу в 100 тысяч рублей, и Давыдова-старшего уволили, обязав по суду

выплатить эту сумму. Пришлось продать имение.

Со временем, выбравшись из долгов, отец купил небольшую подмосковную деревню Бородино около Можайска. (В 1812 году во время Бородинского сражения деревня вместе с барским домом сгорела.)

Он решил определить сыновей в соответствии со словами Суворова: Дениса — в кавалергарды, а его брата Евдокима — в архив Иностранной коллегии.

В 1801 году Давыдов поступил на службу в Кавалергардский полк, находившийся в Петербурге. Сначала дежурный офицер наотрез отказался его принять из-за маленького роста. Тем не менее, Денис добился, чтобы его приняли. За обаяние, остроумие и скромность его вскоре очень полюбили офицеры полка и составили ему протекцию. 28 сентября 1801 года он стал эстандарт-юнкером.

Вскоре стараниями князя Бориса Четвертинского, Александра Каховского и других приятелей столь заботившее Дениса дело было улажено. Позднее в автобиографии он сам весело обрисует себя (ведя речь о себе в третьем лице):

«Наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою».

Александр Каховский взялся за восполнение пробелов в образова-

нии Давыдова. Он составил для Дениса специальную учебную программу, подобрал книги по самым различным отраслям знаний — от военной истории, фортификации и картографии до экономических теорий английских экономистов и словесности. В сентябре 1802 года Давыдов был произведен в корнеты, а в ноябре 1803 — в поручики. В это же время он начал писать стихи и басни, в которых едко высмеивал первых лиц государства.

Из-за сатирических стихов последовал перевод Дениса из гвардии в Белорусский гусарский полк, который дислоцировался в Подольской губернии в Малороссии, с переемацией в ротмистры. Так с кавалергардами поступали очень редко и только за большие провинности — трусость в бою, казнокрадство или шулерство в картах.

Однако Денису в гусарах понравилось. Он познакомился с героем своих «зачашных песен» поручиком Бурцовым. Лихие пирушки, буйные шутки — все это он теперь воспевал в своих «зачашных песнях», оставив сочинение басен.

Денис чуть было не пропустил первую войну с Наполеоном. Гвардия принимала участие в сражениях с французами, а его гусарский полк — нет. Молодой кавалерийский офицер, мечтавший о ратных подвигах, был вынужден оставаться в стороне от этих событий, в то время как его брат Евдоким, бросив гражданскую службу в Иностранной коллегии, по-

ступил в кавалергарды и успел прославиться под Аустерлицем. Он был тяжело ранен (пять сабельных, одна пулевая и одна штыковая рана) и попал в плен. Наполеон, навещая лазарет, где лежал Евдоким, побеседовал с ним, и эту беседу описали все европейские газеты...

Тем временем Денис всеми правдами и неправдами, во что бы то ни стало, решил попасть на фронт. В ноябре 1806 года он ночью проник к фельдмаршалу М.Ф. Каменскому, назначенному главнокомандующим русской армией. Каменский, маленький, сухонький старичок в ночном колпаке, чуть не умер от страха, когда перед ним появился Давыдов и потребовал отправить его на фронт. Но Каменский всего неделю командовал армией. Он был уволен, так как помутился рассудком. Вышел к войску в заячьей тулупе, в платке и заявил:

— Братцы, спасайтесь, кто как может!..

(По одной из версий, Каменский сошел с ума после появления перед ним ночью Дениса Давыдова...)

Между тем, слава об отчаянном гусаре дошла до Марии Антоновны Нарышкиной, фаворитки государя, и она помогла ему попасть на фронт. В начале 1807 года Давыдов был назначен адъютантом к генералу П.И. Багратиону. Как-то в одном из своих стихов Денис поиздевался над длинным носом Багратиона, поэтому немножко побаивался первой встречи с ним. Багратион, завидев

Дениса, сказал присутствующим офицерам:

— Вот тот, кто потешался над моим носом.

На что Давыдов, не растерявшись, ответил, что писал о его носе только из зависти, так как у самого его практически нет. Шутка Багратиону понравилась. Потом он часто, когда ему докладывали, что неприятель «на носу», переспрашивал:

— На чьем носу? Если на моем, то можно еще отобедать, а если на Денисовом, то — по коням!

ку от Багратиона и трофейную лошадь. Храбрость Дениса Давыдова в кампании 1807 года была отмечена золотым Прейсиш-Эйлауским крестом, орденом святой Анны 2-го класса, золотой саблей с надписью «За храбрость» и прусским орденом «За достоинство».

В самом конце кампании Давыдову довелось увидеть Наполеона. Тогда в Тильзите заключался мир между французским и русским императорами, и многие его не одобряли. Багратион сказался боль-

В 1801 году Давыдов поступил на службу в Кавалергардский полк в Санкт-Петербурге. Сначала дежурный офицер наотрез отказался принять его из-за маленького роста, но помогли друзья, офицеры полка, составившие ему протекцию, так как очень любили его за обаяние, остроумие и скромность. Денис стал эскадрон-юнкером, а в начале 1807 года был уже назначен адъютантом к генералу П.И. Багратиону

Уже с января 1807 года Денис Давыдов участвовал в боях с французами. В сражении при Прейсиш-Эйлау он находился при Багратионе, который появлялся со своим адъютантом на самых опасных и ответственных участках. Один бой, по мнению Багратиона, был выигран только благодаря Давыдову: он в одиночку бросился на отряд французских улан, и те, преследуя его, отвлеклись и упустили момент появления русских гусар.

За этот бой Денис получил орден Святого Владимира IV степени, бур-

ным и послал вместо себя Давыдова.

В 1809 году, состоя при князе Багратионе, командовавшем войсками в Молдавии, Давыдов участвовал в различных боевых операциях против турок, а затем, когда Багратиона сменил граф Каменский, поступил в авангард молдавской армии под начальство Кульнева и за подвиги был награжден алмазным знаком ордена Святой Анны 2-го класса.

Накануне Отечественной войны он писал: «1812 год стоял уже посреди

нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть», и попросил разрешения Багратиона «стать в рядах Ахтырского гусарского полка». По представлению генерала, 8 апреля 1812 года Давыдов был произведен в подполковники и назначен командиром 1-го батальона Ахтырского гусарского полка.

С первых дней войны 1812 года Ахтырский гусарский полк, которым командовал генерал-майор князь

кновениях с неприятелем. 24 августа Ахтырские гусары отличились в схватке у Колоцкого монастыря, которая переросла в ожесточенный многочасовой бой.

«Бой ужасный! — писал он. — Нас обдавало градом пуль и картечей, ядра рыли колонны наши по всем направлениям».

21 августа 1812 года в деревне Бородино, где вырос Давыдов и где уже торопливо разбирали родительский дом на фортификационные

Наполеон ненавидел Давыдова и приказал при аресте расстрелять его на месте. Ради его поимки он выделил один из лучших своих отрядов в две тысячи всадников. Но Давыдов, у которого было в два раза меньше людей, сумел загнать наполеоновский отряд в ловушку и взять в плен вместе со всеми офицерами

Васильчиков, постоянно находился в соприкосновении с неприятелем, прикрывая отход 2-й Западной армии Багратиона. Ахтырские гусары совместно с Харьковским, Черниговским, Киевским и Новороссийским драгунскими полками, а также с Литовским уланским полком входили в состав 4-го кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора К.К. Сиверса, воевавшего в арьергарде 2-й Западной армии, которым командовал донской атаман М.И. Платов.

Вместе с полком Денис Давыдов принял участие в серьезных стол-

укрепления, за пять дней до великого сражения Денис и предложил Багратиону идею собственного партизанского отряда.

Первый партизанский отряд в ходе Отечественной войны 1812 года был создан по инициативе Баркляя де Толли 22 июля 1812 года под командованием генерала Ф.Ф. Винцингероде. Вспомнили историю и уставы Петра Великого, где применялись ертаул и корволант. Логика была простая: Наполеон надеялся победить Россию за двадцать дней — на столько и взял с собой провианта. И если отбирать обозы, фураж и ло-

мать мосты, то это создаст ему большие проблемы. Из письма Давыдова князю генералу Багратиону:

«Ваше сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбия, вступая в гусарский полк, имел предметом партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности, и, если смею сказать, по отваге моей... Вы мой единственный благодетель; позвольте мне предстать к вам для объяснений моих намерений; если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надежны, что тот, который носит звание адъютанта Багратиона пять лет сряду, поддержит честь сию со всею ревностью, какой бедственное положение любезного нашего Отечества требует».

Приказ Багратиона о создании летучего партизанского отряда был одним из его последних перед Бородинским сражением, где его смертельно ранили. (Именем отца Давыдова, кроме

родовой Денисовки, было и село Бородино, сожженное во время Бородинского сражения. Незадолго до своей кончины Давыдов ходатайствовал о перезахоронении своего начальника П.И. Багратиона на Бородинском поле, что и было исполнено по Высочайшей воле императора Николая I после смерти Дениса Васильевича).

Отряд состоял из 50 ахтырских гусар и 80 донских казаков, которых Давыдов отбирал лично.

Сразу же по завершении боя за Шевардинский редут отряд Давыдова отделился от действующей армии и отправился в рейд по тылам французской армии. В первую же ночь отряд попал в засаду, устроенную крестьянами, и Денис Васильевич чуть не погиб. Крестьяне плохо раз-

бирались в деталях военной формы, которая у французов и русских была похожей, к тому же офицеры говорили, как правило, по-французски.

После того случая Давыдов надел мужицкий кафтан и отпустил бороду. На портрете кисти А. Орловского (1814 г.) он одет по кавказской моде: чекмень, явно нерусская шапка, черкесская шашка.

На оккупированной неприятелем территории Давыдов с радостью обнаружил «общее и добровольное ополчение поселян». Он вооружал крестьян отобранным у врага оружием и нередко действовал совместно с ними. К середине сентября активные действия отряда, который насчитывал более 300 всадников, между Гжатском и Вязьмой вынудили противника направить на его ликвидацию 2 тысячи карателей. А пока каратели искали отряд, Давыдов разгромил пехотный батальон, захватил артиллерийский парк, освободил из плена 400 русских солдат, из которых 250 включил в свой отряд, и ухитрился даже разгромить провиантский и артиллерийский обозы.

Первое боевое крещение партизаны Давыдова получили 2 сентября около села Токарево, уничтожив крупный отряд мародеров и захватив в плен около ста человек. Отряд наносил ощутимый урон неприятельской армии, громя и перехватывая транспорты с фуражом и провиантом. Вот как описывал Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий» одно из дел своего отряда:

«...На рассвете мы атаковали в виду города неприятельский отряд, прикрывавший транспорт. После стремительной атаки большая часть прикрития рассыпалась, успех превзошел мое ожидание: 270 рядовых и 6 офицеров сложили оружие, до 100 человек легло на месте. Сей транспорт состоял в новой одежде и обуви на весь 1-й Вестфальский гусарский полк и (по найденной накладной) стоил 17 тысяч франков».

Второй раз Давыдов видел Наполеона, когда со своими партизанами находился в лесу в засаде, и мимо него проехал дормез с Наполеоном. Однако у него в тот момент было слишком мало сил, чтобы напасть на охрану императора.

Наполеон ненавидел Давыдова и приказал при аресте расстрелять его на месте. Ради его поимки выделил один из лучших своих отрядов в две тысячи всадников при восьми обер-офицерах и одном штаб-офицере. Давыдов, у которого было в два раза меньше людей, сумел загнать отряд в ловушку и взять в плен вместе со всеми офицерами.

В октябре отряд Давыдова, увеличившийся до 700 человек, разгромил пехотный батальон, взяв 200 пленных, захватил 41 фуру с продовольствием и транспорт с обмундированием на целый полк, снова атаковал гонявшегося за ним противника, уничтожив около 800 солдат и офицеров и столько же взяв в плен. На ликвидацию отряда Давыдова

противник направил крупные силы, но партизаны внезапно атаковали и рассеяли их авангард.

Одним из выдающихся подвигов Давыдова за это время было дело под Ляховым, где он взял в плен двухтысячный отряд генерала Ожеро. 3 ноября отряд Давыдова взял в плен трех генералов, до 900 солдат, четыре орудия и большой обоз. На другой день снова был отбит значительный обоз и захвачено около 500 солдат и офицеров.

Из воспоминаний Дениса Давыдова:

«... В сем деле мы овладели магазином и гошпиталем в Белыничах. В первом найдено четыреста четвертей ржи, сорок четвертей пшеницы, двести четвертей гречихи и пятьдесят четвертей коноплей, а в последнем взяли двести девяносто человек больных и пятнадцать лекарей. Взят один подполковник, четыре капитана и сто девяносто два рядовых, весь обоз и сто восемьдесят ружей».

Наградами за кампанию 1812 года Денису Давыдову стали ордена Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 4-го класса:

«Ваша светлость! Пока продолжалась Отечественная война, я считал за грех думать об ином чем, как об истреблении врагов Отечества. Ныне я за границей, то покорнейше прошу вашу светлость прислать мне Владимира 3-й степени и Георгия 4-го класса» — писал он фельдмаршалу М.И. Кутузову после перехода границы.

О партизанском периоде боевой деятельности Дениса Давыдова в его послужном списке скупое сказано, что он командовал «партией» в окрестностях Вязьмы, Дорогобужа и Гжатска, взял в плен 3560 нижних чинов, 43 штаб- и обер-офицера и много транспортов с боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

С переходом в Германию, Давыдов со своей партией шел впереди корпуса генерал-адъютанта Винценгероде. В сущности это был уже не партизанский отряд, а авангард передового корпуса. 8 марта 1813 года он с тремя казачьими полками (всего не более 500 кавалеристов) вышел к стенам Дрездена, разложил огромные костры, чтобы ввести неприятеля в заблуждение, и послал требовать сдачи города.

После длинных переговоров французский генерал Дюрют с пятитысячным отрядом согласился, наконец, очистить весь Дрезден и отступить за Эльбу. В полдень 10 марта отряд Давыдова торжественно вошел в город.

Однако на рассвете 13 марта в Дрезден спешно прибыл лично генерал Винценгероде. Он обвинил Давыдова в том, что тот самовольно подошел к городу и осмелился вступить в переговоры, тогда как существовал приказ, строго запрещающий входить с неприятелем в какие бы то ни было условия и переговоры.

Давыдову было приказано сдать свой отряд и отправляться в главную квартиру русской армии в ожи-

1817 год. Александр Пушкин, Денис Давыдов и Василий Львович Пушкин

дании суда. Однако при рассмотрении дела Александр I сказал:

— Как бы то ни было, а победителя не судят.

Фельдмаршал распорядился вернуть Давыдову отряд, которым он командовал, но к этому времени он уже был распущен, и Давыдов остался при армии без должности. Позже он был назначен командиром Ахтырского гусарского полка.

В апреле 1815 года ахтырцам вновь суждено было побывать во Франции, куда они прибыли в составе армии Баркляя де Толли. На этот раз ахтырские гусары были лишь участниками знаменитого смотра в местечке Вертю в Шампани. Именно

с этим пребыванием ахтырцев во Франции связана одна из полковых легенд, которая действительно имела место и получила в последующем отражение в полковой песне.

После взятия Парижа Ахтырский полк находился в местечке Аррас. Осмотрев полк, Давыдов, тогдашний командир полка, нашел внешний вид своих гусар довольно плачевным, мундиры за время боевых действий изрядно обносились. Полк был расквартирован вблизи женского Капуцинского монастыря, монахини которого носили рясы «полкового» цвета, то есть коричневые. Решение подсказала сама жизнь, по приказу Давыдова с монастырского склада было изъято все сукно, необходимое для пошива новых мундиров. На параде ахтырцы выглядели блестяще и произвели впечатление на императора. После этого Александр I своим Указом повелел ахтырским гусарам на вечные времена носить коричневые мундиры.

После Отечественной войны 1812 года у Дениса Давыдова начались неприятности. Вначале его отправили командовать драгунской бригадой, которая стояла под Киевом. Как всякий гусар, Денис драгун презирал. Затем ему сообщили, что чин генерал-майора ему присвоен по ошибке, и он — полковник. В довершение всего, полковника Давыдова перевели служить в Орловскую губернию командиром конно-егерской бригады. Это стало последней ка-

плей, так как он должен был лишиться своих гусарских усов, своей гордости, так как егерям усы не полагались. Он написал письмо царю, что выполнить приказ не может из-за усов, и ждал отставки и опалы. Но император, когда ему докладывали, был в хорошем расположении духа и сказал:

— Ну что ж! Пусть остается гусаром — и назначил Давыдова в гусарский полк с возвращением чина генерал-майора.

В первые мирные дни Давыдов приступил к написанию «Дневника партизанских действий 1812 года». Получив длительный отпуск, он поспешил в Москву, где провел почти год в кругу литераторов, художников и артистов.

В конце 1815 года Давыдов был назначен членом Военного общества при гвардейском Главном штабе, где выступал с чтением своего военно-теоретического труда «Опыт теории партизанского действия».

Позже он занимал место начальника штаба сначала в 7-м, а потом в 3-м корпусе. Но служба в пехоте угнетала гусара, он называл ее «душной тюрьмой» и большую часть времени занимался своими записками и книгами. 17 марта 1820 года Давыдов был освобожден от всех должностей и определен «состоять по кавалерии», то есть в резерве.

Удалившись от военных дел, Денис Васильевич целиком отдался написанию партизанского дневника

«под звуки мирных сельских работ». Но это не продлилось долго. Через несколько лет он уже сражался на Кавказе и с успехом действовал против персов. Только смещение «неблагонадежного» А.П. Ермолова с должности начальника Кавказского корпуса вынудило его снова вернуться домой и взяться за плуг, охотничье ружье и за перо:

«Я теперь пустился в записки свои военные, пишу, пишу и пишу. Не позволяют драться, я принялся описывать, как дрались. Я переделываю мой партизанский опыт. Думаю, что это сочинение не потонет в лете и бесполезно не будет...»

Уезжая из армии, Денис Васильевич твердо знал, что закончил свою последнюю в жизни кампанию. Более воевать он не собирался. Взять снова в руки свою испытанную гусарскую саблю его теперь могла заставить лишь смертельная угроза любезному отечеству. Однако такой угрозы в обозримом будущем вроде бы, слава Богу, не предвиделось...

Личная жизнь Давыдова тоже как-то не складывалась. Первый раз он влюбился в Аглаю де Грамон, которая предпочла выйти замуж за его двоюродного брата — высоченного кавалергардского полковника А.Л. Давыдова.

Потом была юная балерина Татьяна Иванова. Несмотря на то, что Денис часами стоял под окнами балетного училища, она вышла замуж

за своего балетмейстера, и он сильно переживал по этому поводу.

Проходя службу под Киевом, Давыдов в очередной раз влюбился. Его избранницей стала киевская племянница Раевских — Лиза Злотницкая, дочь генерала Антона Осиповича Злотницкого.

В это же время Общество любителей российской словесности избрало Давыдова своим действительным членом. Он был очень горд,

Но тут он получил новый удар: пока хлопотал в Петербурге, Лиза увлеклась князем Петром Голицыным. Князь, картежник и кутила, к тому же его недавно выгнали из гвардии за темные дела, был необычайно красив, и девушка влюбилась в него без памяти. Давыдову был дан отказ. Причем Лиза даже не захотела с ним увидеться, передав отказ через отца.

Давыдов очень тяжело переживал отказ Лизы. Все друзья приня-

Последние годы жизни Денис Васильевич провел в селе Верхняя Маза, принадлежавшем его жене. Здесь он охотился, выписывал книги из-за границы, писал военно-исторические записки, занимался домашним хозяйством и воспитанием детей. Одним словом, жил в свое удовольствие

так как сам называть себя поэтом до этого момента не осмеливался.

Родители невесты поставили перед Денисом Васильевичем непременное условие: он должен исхлопотать у государя казенное имение в аренду (это была форма государственной поддержки лиц небогатых, но отличившихся на службе), и Давыдов поехал в Петербург хлопотать. В этом очень помог В.А. Жуковский, который его просто обожал. С его помощью достаточно быстро Давыдову было предоставлено «в связи с предстоящей женитьбой» в аренду казенное имение Балты, приносившее шесть тысяч рублей в год.

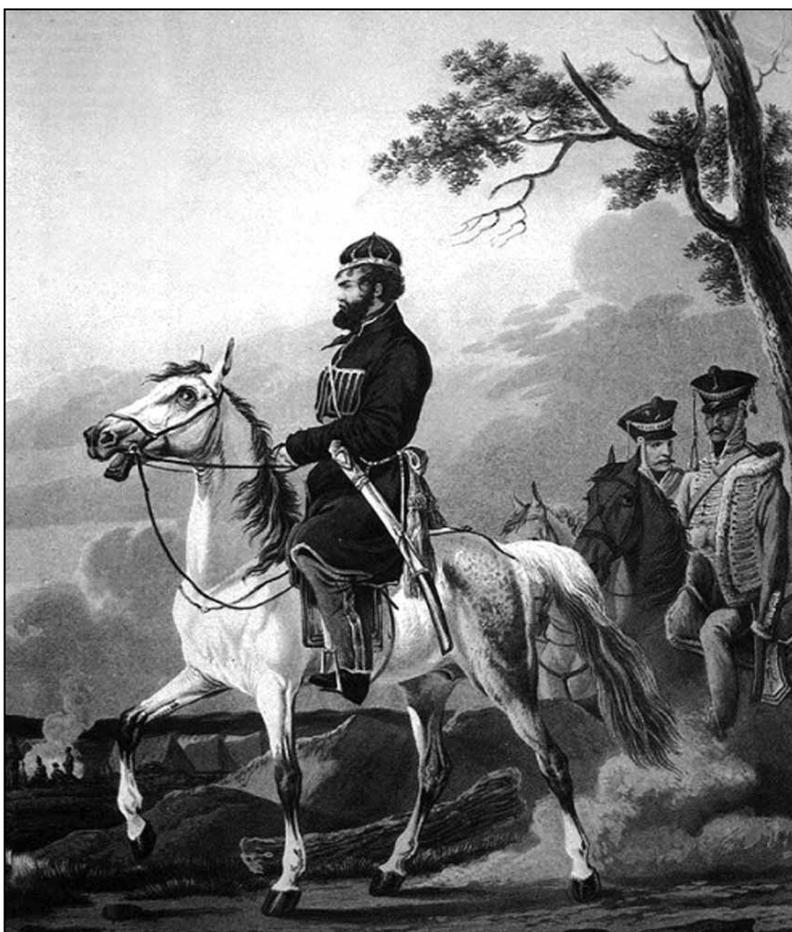
лись спасти его и для этого подстроили ему встречу с дочерью покойного генерала Николая Александровича Чиркова Софьей. Она была по тем временам уже в зрелом возрасте — 24 года, но друзья Давыдова наперебой ее нахваливали: милостива, скромна, рассудительна, добра, начитана. И он решился. Тем более, что ему уже было 35 лет.

Однако свадьба чуть не расстроилась, так как мать невесты, узнав про его «зачашные песни», велела отказать Давыдову как пьянице, беспутнику и картежнику. Друзья покойного мужа с трудом сумели ее уговорить, объяснив, что генерал Давыдов в карты не играет, пьет мало, и все

это — только стихи. Ведь он поэт! И в апреле 1819 года они обвенчались.

Как только у них с Софьей стали рождаться дети, у Давыдова пропало желание тянуть военную лямку. Он хотел находиться дома, возле жены, поэтому то и дело сказывался больным и уходил в многомесячные отпуска. Даже Кавказская война, куда он был направлен под начало генерала Ермолова, его не увлекла. Он пробыл в действующей армии всего два месяца, а затем выпросил у Ермолова шестинедельный отпуск для поправки здоровья. Заехав для вида на минеральные воды, разослав для убедительности несколько писем о своей болезни (в том числе и Вальтеру Скотту), Давыдов помчался на Арбат в Москву, где его в то время ждали уже три сына и беременная в очередной раз Софья. Всего в браке Дениса и Софьи родилось девять детей.

Когда ему исполнилось 47 лет, и он только и думал, что о покое, от него, наконец, отстали. В отставку, правда, так и не

Орловский А.О. Портрет Дениса Давыдова. 1814 год.

дали уйти, но не трогали, и вся его служба ограничивалась ношением генерал-лейтенантского мундира.

Последние годы жизни Денис Васильевич провел в селе Верхняя Маза, принадлежавшем его жене, Софье Николаевне Чирковой. Здесь он продолжал заниматься творчеством, вел обширную переписку с А.Ф. Воейковым, М.Н. Загоскиным, А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, другими писателями и издателями. Часто бывал в гостях у соседей — Языковых, Ивашевых, у А.В. Бестужева, Н.И. Поливанова. Выписывал книги из-за границы, охотился, писал военно-исторические записки, занимался воспитанием детей и домашним хозяйством: выстроил винокурный завод, устроил пруд и так далее. Одним словом, жил в свое удовольствие...

В 1831 году Давыдов поехал навестить сослуживца в Пензу и без памяти влюбился в его племянницу, 23-летнюю Евгению Золотареву, хотя был на 27 лет старше ее. Несмотря на то, что он очень любил свою семью, Денис Васильевич ничего не мог с собой поделаться. Кроме того, скрыть свое увлечение у него не получилось. Этот страстный роман продолжался три года. Потом Евгения вышла замуж за первого попавшегося жениха, а Давыдов, отпустив возлюбленную, в этот раз легко, без мук, вернулся в семью...

22 апреля 1839 года около 7 часов утра на 55-м году жизни Денис Давыдов скоропостижно скончался в своем имении Верхняя Маза Симбирской губернии. Убила его не пуля, не сабля, а апоплексический удар. Скончался он в окружении тех, кто его искренне любил... Софья Николаевна Давыдова пережила своего мужа более чем на 40 лет.

Жуковский на эту скорбную весть отозвался стихами:

*И боец — сын Аполлона,
Мнил он гроб Багратиона
Проводить в Бородино, —
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!..*

Как человек Давыдов пользовался большими симпатиями в дружеских кружках. По словам князя

П.А. Вяземского, он до самой кончины сохранил изумительную молодость сердца и нрава. Веселость его была заразительна и увлекательна; он был душой дружеских бесед.

Литературная деятельность Давыдова выразилась в целом ряде стихотворений и в нескольких прозаических статьях.

Успешные партизанские действия в войну 1812 года прославили его, и с тех пор он создавал себе репутацию «певца-воина», действующего в поэзии «наскоком», как на войне. Эта репутация поддерживалась и его друзьями, в том числе и Пушкиным. Однако «военная» поэзия Давыдова ни в какой мере не отражает войны: он воспеваает быт тогдашнего гусарства — с вином, любовными интригами, буйным разгулом и удалой жизнью...

P.S. Незадолго до своей кончины Денис Васильевич ходатайствовал о перезахоронении П.И. Багратиона на Бородинское поле. Государь не только согласился с этой идеей, но поручил именно ему возглавить конвой. Увы, Давыдов не успел этого сделать...

По настоянию безутешной вдовы тело ее покойного мужа перевезли из Симбирской губернии в Москву и погребли на кладбище Новодевичьего монастыря. Вышло так, что по пути в Москву экипаж с прахом Багратиона, который перевозили из Владимирской области на Бородинское поле, и экипаж с телом Давыдова...

встретились... Что это было — случайность или некий знак свыше, чтобы близкие друзья и соратники смогли бы сказать друг другу последнее «прости»? Увы, этого нам никогда не узнать...

Денис Давыдов

25 ОКТЯБРЯ

*Я не ропщу. Я вознесен судьбою
Превыше всех! — Я счастлив! Я любим!
Приветливость даруется тобою
Соперникам моим...
Но теплота души но все, что так люблю я
С тобой наедине...
Но девственность живого поцелуя
Не им, а мне!*

РОМАНС

*Жестокий друг, за что мученье?
Зачем приманка милых слов?
Зачем в глазах твоих любовь,
А в сердце гнев и нетерпенье?
Но будь покойна только ты,
А я, на горе отреченный,
Я оставляю все мечты
Моей души развороженной...*

*И этот край очарованья,
Где столько был судьбой гоним,
Где я любил, не быв любим,
Где я страдал без состраданья,
Где так жестоко испытал
Неверность клятв и обещаний, —
И где никто не понимал
Моей души глухих рыданий!*

Графская крепостная

Василий Андреевич Тропинин

Жена — Анна Ивановна Тропинина

1804 год. Кабинет генерала Моркова

— Учился, значит?! Академию посещал! Живописец! Художник! От слова худо! — Произнеся это, Иракий Иванович Морков подошел к

крепостному, схватил за лацканы поношенного сюртука, притянул к себе и продолжил: — Если мне память не изменяет, ты в столицу был отправлен на кондитера учиться. После чего свои Богом данные способности должен кремом на тортах да пирож-

ных рисовать, гостей кулинарными шедеврами в восторг приводить.

— Барин, но я, исполняя заказы на портреты господ знатных, немалые деньги вашей семье приносить стану. С навыков, в Санкт-Петербурге мною приобретенных, прибыль великая может образоваться, — робко возразил Василий Тропинин. — Опять же, фамилия Моркова, господина моего и повелителя...

— Наказать бы тебя, — бесцеремонно перебил юношу граф, — да уж больно много заступников у моего кулинару-художника сыскалось. И первейший из них — мой двоюродный братец, Алексей. А посему определяю тебя на должность личного кондитера и лакея. Кроме прямых обязанностей в свободное время будешь копии с картин западноевропейских и русских художников снимать — усадьба большая, ее украшать надобно. Согласись, сие занятие много лучше, чем барщину отработывать. А когда справишься с этим поручением, дам новое. Уверен, придется оно по душе тебе. И знания, полученные в Академии, в полной мере применить сможешь. — Граф подошел к окну и стал рассматривать простирающиеся до самого горизонта лесные угодья и поля. — Задумка у меня имеется. В Малороссии, в Подолье, владею имением Кукавка. Надобно местную церковь после пожара в должный порядок привести. Написать для нее иконы. Ежели осилишь, расстараясь, отблагодарю щедро. Как тебе этакая перспектива?

Поездка в Подольскую губернию

Художник был в пути не одну неделю. Повозка со скромным скарбом тащилась по европейской части России и пересекала Малороссию с севера на юг, ибо имение, принадлежащее графу, находилось между реками Днестр и Южным Бугом. Много лет назад щедрая императрица Екатерина II пожаловала эти места братьям Морковым, участвовавшим в подавлении восстания Тадеуша Костюшки.

Весь путь Василий предавался мечтам об Италии. Вот где можно было бы полностью отдаться искусству, воочию общаться с величайшими художниками Европы. Радовало лишь то, что, будучи руководителем работ по восстановлению старой церкви, он имел возможность по собственному усмотрению, без хозяйского пригляда, распоряжаться своим временем, не ожидая барского окрика.

1806. Подолье. Усадьба городского головы Степана Ивановича Митрополова

— Дорогие мои, имею для вас прекрасную новость, — хозяин дома весело взглянул на стоящих возле письменного стола приемных детей: иконописца Николая Катина и его сестру Аннушку, — граф Морков отправляет в наши края художника Тропинина, того самого, с коим ты познавал науку живописания в столичной академии. Отныне будете жить как добрые соседи и друзья. Да и ремеслу великому друг у дружки поучиться дело богоу-

годное, — произнес Степан Иванович, заметив, как вспыхнули щеки девушки и заблестели глаза. — Анна! Даже не думай! Немедля выбрось эту глупость! — в голосе Митрополова появились стальные нотки. — Он хоть и человек известный, и многие считают его гением, но все же крепостной! Ты — вольная селянка, ему не ровня.

— Дяденька Степан, дорогой наш! Я благодарна тебе по гроб жизни за то, что приютил нас после смерти маменьки. И брата Коленьку в столицу на учебу за собственный кошт определил. Но с Васенькой я еще в Петербурге... Словом, почитай, помолвлены почти... — всхлипнула Аннушка.

— Почти — не считается. Пред алтарем ведь не стояли? Свидетели помолвки имеются? — Степан Иванович кинул взгляд на Николая в поиске поддержки.

— Только брат, — еле слышно ответила девушка. — Он нас и познакомил. А Васе, рано или поздно, вольную обязательно дадут. Птицы в неволе плохо поют, а художники дурно рисуют.

— То одному Богу ведомо. Я же по должности своей хорошо знаком с документом! — Городской голова подошел к шкафу, извлек оттуда толстый фолиант и протянул Анне: — Чай, грамоте обучена, читай вслух.

— «Брак и семья. Законо-дательство всеро-ссийс-кое», — по слогам прочитала девушка.

— Пропусти три страницы, начни с середины, — перебил ее Митрополов, — там как раз про таких, как ты, сильно влюбчивых, писано!

— «Женщина — не дворянка, выйдя замуж за дворянина, становилась дворянкой, а дворянка, выйдя замуж за не дворянина, теряла свой статус. То же самое относится и к мещанскому сословию...»

— Это нас не касается, — вырвал у Аннушки книгу Степан Иванович и, нацепив на нос очки, нараспев произнес: — «Свободные женщины, вступающие в брак с крепостными, свободу теряют. Тако же, как и муж, становятся крепостной».

— Все равно я его люблю. Не позволите жениться по Закону Божьему, стану жить во блуде и ребеночка от Васеньки поимею... — Слезы ручьем полились из глаз девушки, и она, закрыв лицо руками, стремглав выбежала из комнаты.

Прежде чем приступить к работе, Тропинин детально изучил местные художественные традиции. Съездил в Каменец-Подольский, культурный центр Южной Малороссии. Поселился не в барском доме, а в крестьянской избе села Кукавка чтобы быть подальше от графских соглядатаев и полностью распоряжаться собственным временем. Закончил начатую еще в Академии работу «Портрет Яна Собесского»: встретив местного жителя со схожими чертами лица, дорисовал детали. И, конечно, как можно чаще виделся с ненаглядной Аннушкой.

— Выйдешь за меня? — Тропинин прижал к себе любимую.

Девушка молча кивнула и спрятала лицо на груди художника.

— Не страшишься, что подневольный я, крепостной покудова?

— И что с того? Бог дарит людям любовь, несмотря ни на что.

— Завтра же напишу графу письмо. Попрошу разрешения обвенчаться с тобой. Он не откажет, потому как ко мне с уважением стал относиться. Доверяет важные дела, всего здешнего имения касаемые. А посему полагаю, что подарками одарит щедро, а, может, и вольную...

— Не спеши, — возразила Аннушка, — ты же на этой стройке и маляр, и архитектор, и иконописец. Вот закончишь церковь восстанавливать, народу любо будет. В ней и повенчаемся, самыми первыми. Глядишь, барин на радостях похорошеет и отпустит на вольные хлеба. Заживем мы тогда счастливо. И будем жить долго-долго. Станешь портреты на заказ рисовать, а я детишек наших воспитывать...

1807 год. Село Кукавка

Церковь, восстановленная из руин и расписанная приезжим художником, удалась на славу. Теперь местные жители узнавали Тропинина издалека, снимали шапки, но он их почти не замечал, ибо голова была занята мыслями о незаконченном иконостасе и предстоящей свадьбе.

Вслед за освящением церкви состоялся долгожданный обряд венчания. Ираклий Иванович Морков поздравил молодых, после чего художника определил в персональные лакеи и помощники. А его законную супругу, в одночасье ставшую крепостной по

собственной воле, приказал без промедления внести в ревизские сказки.

1823 год. Москва.

Английский клуб

К графу Моркову подошла делегация.

— Генерал, позвольте полюбопытствовать, мы с вами в какой стране живем?

— То есть? Не понял? Вы что, все пьяны? Извольте взглянуть в окно. За ним увидите наш Кремль и двуглавого державного орла на шпилях башен. В какой еще стране кроме России-матушки этакую красоту можно лицезреть?

— Не о том спрашиваем, — выступил вперед дворянин и известный коллекционер Павел Петрович Свинын. — В цивилизованной стране обитаем или нет?

— К чему этот вопрос? Можете пояснить?

— А к тому, граф, что Наполеона более десяти лет назад победили. Европу освободили, а у себя дома подобное терпим! Портретисту вашему уж сорок семь лет стукнуло, а он все еще крепостной! Это нонсенс! Вот мы посоветались и решили, что будем ежедневно высказывать Моркову недовольство!

— Ах, вы опять об этом! Ну, подумаю я, подумаю. Обещаю. А сейчас разрешите откланяться. Спешу-с. Дела неотложные, знаете ли... — Произнеся эти слова, Ираклий Иванович развернулся на каблуках и поспешил к выходу, бормоча себе под нос: — Ишь, чего удумали. Да расставание с ним смерти близкого родственника подобно.

Но общественное мнение взяло верх. На Пасху в качестве подарка Морков, скрепя сердце, вольную знаменитому художнику подписал. Но на мольбы Тропинина дать также вольную жене Анне и сыну Арсению граф ответил категорическим отказом.

В сентябре того же года, за представленные в Академию живописные работы: «Портрет Скотникова», «Кружевница» и «Старик-нищий» — портретисту было присвоено звание «Назначенного в академики»

— Аннушка, — нежно обнял супругу художник, — а знаешь, намедни Иракий Иванович хлопотал за меня. Возжелал определить в школу рисования преподавателем, чтобы я имел при этом постоянный доход и ежедневно подле него пребывал.

— И ты согласился?

— Нет, любимая. Ответил, что «хочу теперь спокойной жизни, ваше сиятельство, и никакой официальной обязанности на себя не приму». Надумал я обеспечить семье полную финансовую независимость. Перерисую всю местную знать. Портреты купцов создам, в халатах, в домашней обстановке. Вельмож изображать стану без парадных мундиров. Накоплю денег и отправлюсь к графу. Бог даст, тебя и Арсенюшку нашего на волю выкуплю!

Пять лет спустя

Постоянные увещевания высшей знати Москвы и Петербурга возымели действие. Граф Иракий Иванович Морков подписал вольную молодому художнику Арсению и всем его

родственникам, включая мать Анну Тропинину, в девичестве Катину.

1855 год. Москва

На художника обрушились одновременно две беды. После пятидесяти лет совместной жизни скончалась любимая Анна Ивановна. А через некоторое время рядом с его жилищем обосновался гробовщик, и академик второпях съехал с насиженного места. Приобрел домик в Замоскворечье. Но зато именно там он написал свои самые известные картины: портрет Пушкина и автопортрет с видом на Кремль.

1858 год. Москва

В тот год Василий Андреевич Тропинин тихо скончался, пережив свою ненаглядную Аннушку всего на три года...

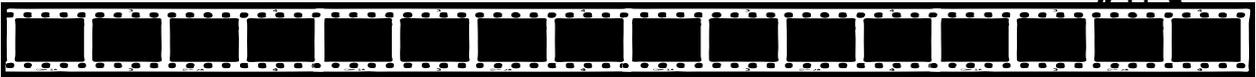
2019 год, Болгария, близ Бургоса. 6-й международный пленэр

Анна Владимировна Давыдченко, член Союза художников России, не спеша брела по узким улочкам старинного городка, придирчиво выбирая место для хорошей композиции, как вдруг вспомнила, что именно здесь сто девяносто лет назад в составе русской армии за свободу братьев-болгар бился ее предок, граф Аркадий Иракийевич Морков.

«Какая же интересная стезя у членов нашего рода, — подумалось ей. — Генерал сражался здесь мечом, а я, его праправнучка, подобно знаменитому Тропинину, покоряю эти земли холстом и кистью»... □

Никита Михалков

«Свой среди СВОИХ»

Известно, что идеологическая пропаганда в фильмах тем сильнее, чем более именит и авторитетен режиссер, их снявший. Причем яркие фильмы невольно меняют мировосприятие и миропредставления не только мыслящей части зрителей, но и самого создателя этих лент.

Все вышесказанное в полной мере относится к режиссерским работам Никиты Михалкова. Их, наверное, главной особенностью является на редкость органичный симбиоз очевидных художественных достоинств и тщательно завуалированной политической ангажированности, умение образно, убедительно сказать то, что в данный момент нужно обществу и что открыто декларирует правящая элита.

Причем способность искать и находить необходимый компромисс с властью — черта фамильная, она была присуща еще отцу мастера, знаменитому детскому писателю Сергею Михалкову. Присуща она и старшему брату Никиты Сергеевича, столь же выдающемуся кинорежиссеру Андрею Кончаловскому.

О лучших картинах обоих братьев всегда спорили их сторонники и противники, но смотрели их все. Никиту Михалкова многие ругают, еще больше людей его любят и ценят за действительно ставшие отечественной киноклассикой фильмы и бессознательно воспринимают заложенные в них идеологические взгляды и установки русского патриота-государственника, приверженного православию и гордящегося своим дворянским происхождением.

Кому-то подобные идейные принципы кажутся достаточно реакционными. Особенно, в сравнении с А. Кончаловским, позиционирующим себя «человеком мира». Никиту Михалкова нападки противников не смущают. Он стоит на своем и даже бесплатно ведет на ТВ полемическую авторскую программу «Бесогон», одно название которой весьма красноречиво. А еще — утверждает своим режиссерским творчеством

(не будем забывать замечательные актерские достижения Михалкова!) универсальные человеческие ценности, такие, как честь, достоинство, верность долгу. Против них возразить нечего!

Увы. Об оригинальном режиссерском творчестве Никиты Михалкова приходится говорить в прошедшем времени. В последние десятилетия оно уступило место многообразной общественной и предпринимательской деятельности. Но при этом есть у него действительно значительное и важное начинание — Академия кинематографических искусств, в которую он вкладывает душу и большие средства, преимущественно спонсорские, и в которой обучение бесплатное, а поступают в нее по реальному конкурсу.

Обойдем стороной пору безоблачного детства будущего мастера в элитном дачном поселке Николина гора (год рождения — 1945). Отец — упомянутый выше Сергей Михалков, первый секретарь Союза писателей РСФСР, автор культового «Дяди Степы» и текстов трех государственных гимнов нашей страны, Герой Соцтруда, лауреат всех мыслимых премий. Мать — Наталья Кончаловская, талантливый поэт-переводчик французских стихов и песен, дочь выдающегося русского художника-постимпрессиониста Павла Кончаловского и внука самого Василия Сурикова.

Учебу в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории (ЦМША) сменила театральная студия Драматического театра Станиславского. А затем было Щукинское училище — одна из главных кузниц наших актерских кадров. Учился там Никита легко. Тем более что сниматься в кино начал еще за три года до поступления в актерский

вуз, в 1959 году, сыграв сперва эпизодическую роль школьника в фильме К. Воинова «Солнце светит всем». Тогда ему было четырнадцать лет. Год спустя случилась в его творческой биографии еще одна роль школьника, пародирующего православного священника, в картине В. Ордынского «Тучи над Боровском». И, наконец, в 1961 году зрители увидели Никиту Сергеевича в одной из центральных ролей памятной ленты Г. Оганесяна «Приключения Кроша».

Ну а «звездный час» пришел к нему в 18 лет, когда он, обаятельно улыбаясь еще безусыми, пухлыми губами, «зашагал» по Москве в культовом фильме Георгия Данелия «Я шагаю по Москве» и спел там знаменитую одноименную песенку на стихи автора сценария Геннадия Шпаликова. Через два года начинающего актера отчислили из «Щуки» за неоднократное нарушение приказа ректора о запрете студентам сниматься в кино. Не очень переживая по этому поводу,

Никита перевелся на второй курс режиссерского факультета ВГИКа, в мастерскую самого Михаила Ильича Ромма. И оказалось, что, наряду с актерской профессией, которой он никогда не изменял, нашел свое место в жизни, свою творческую стезю. Да еще какую!

Диплом Михалков защитил в 1971 году многообещающей короткометражкой «Спокойный день в конце войны» (по мотивам повести Р. Ибрагимбекова, выступившего также автором сценария). Там были собраны молодые С. Никоненко, Л. Дуров, А. Пороховщиков, А. Кайдановский, Ю. Богатырев, которым вместе с постановщиком предстояло вскоре стать большими актерами. Перед 27-летним режиссером-дебютантом открывались заманчивые перспективы. Однако тут его призвали на срочную службу

в армию, которая явилась для «родившегося в рубашке» «баловня судьбы» суровой, но полезной школой жизни. Не будь ее, может быть, не было бы тех выдающихся экранных произведений, за которые мы ценим Михалкова.

Он нес службу на Тихоокеанском флоте на Камчатке — сначала на берегу, затем на минном тральщике. По заданию командования в составе группы из четырех человек совершил 117-дневный поход на собачьих упряжках... И в его режиссерском дебюте, истерне «Свой среди чужих, чужой среди своих», (1974), где он сыграл одну из главных ролей главаря банды, мы увидели уже другого актера и человека. Мужчину, пусть и с амбивалентным обаянием.

Удача сопутствовала этой картине, прежде всего, тем, что ее весело

*«Свой
среди чужих,
чужой
среди своих»*

и азартно создавала команда друзей-единомышленников. Оператор П. Лебешев, художник А. Адабашьян, композитор Э. Артемьев — все молодые, дерзкие, амбициозные, охваченные единым творческим порывом, поверившие в начинающего режиссера, а он — в них. И еще — в своего маститого старшего соавтора по написанию сценария Э. Володарского, которого сумел увлечь.

В центре фильма — остросюжетная история реквизированного у буржуев Советской властью в конце Гражданской войны где-то в приграничьи саквояжа с золотом, которое готовят к отправке в Москву, чтобы закупить на него хлеб для голодающих Поволжья. Зрители встретили картину с большим энтузиазмом. Но некоторые кинокритики утверждали, что в ней переизбыток

экшена, и герои напоминают американских ковбоев. При этом столь строгий в оценках покойный мэтр А. Герман назвал фильм новаторским. И не ошибся. Сегодня «Свой среди чужих...» считается бесспорной классикой отечественного кинематографа.

Это же следует сказать и о «Неоконченной пьесе для механического пианино» (1976), фильме, буквально впитавшем в себя неповторимую чеховскую атмосферу, снятому по ранней пьесе великого драматурга «Платонов», но выходящем за ее рамки.

Получилось эдакое изысканное и глубокое попури «из Чехова» и при том — необычайно цельное. Великолепный актерский ансамбль, возглавляемый Александром Калягиным (себе Михалков отвел неболь-

«Утомленные солнцем»

шую, но весьма выразительную роль легкомысленного земского врача, брата нелюбимой жены Платонова), сделал эту историческую картину волнующе современной.

Сценарный дуэт Михалкова и Адабашьяна наполнил очевидную сатиру на разных представителей чеховской эпохи порой уморительными, порой злыми мемами, шутками и аллюзиями, от которых раз за разом получаешь удовольствие, как от глотка хорошего вина.

Подобного, увы, не скажешь о предыдущем фильме набравшего силу режиссера «Раба любви (1975), байопике звезды российского немого кино Веры Холодной, выведенной в картину под именем Ольги Вознесенской.

Осень Восемнадцатого. В России полыхает Гражданская война. Москва во власти большевиков. Но на пока еще белом Юге, в Крыму, одер-

жимый продюсер (А. Калягин), невзирая ни на что, срочно доснимает салонную мелодраму под названием «Раба любви» с Ольгой Вознесенской в главной роли. Картина была снята при малом бюджете, который роковым образом сказался на этой красивой, но пустоватой импровизации о трагической участи большой актрисы в пожаре братоубийственной войны.

С учетом рамок журнального очерка в мою задачу не входит обзор всех режиссерских работ Никиты Михалкова и, уж тем более, перечень его ролей. Я хочу остановиться на крупных творческих достижениях столь плодовитого в свое время мастера, удостоенных высших наград отечественных и международных киносмотров. Этих достижений у Михалкова немало.

Общепризнанной вершиной творчества Никиты Сергеевича выступа-

*«Несколько
дней из жизни
Обломова»*

ет драма «Утомленные солнцем» (1994), получившая «Оскар» как лучший иностранный фильм года и Гран-при Каннского фестиваля. Ее подчас называют нашими «Унесенными ветром». Индивидуальная человеческая трагедия на фоне трагических поворотов предвоенной истории страны. Большой, поистине голливудский стиль, потрясающая игра всех без исключения актеров (О. Меньшиков и Н. Михалков в главных ролях), выразительная, вплоть до мельчайших деталей, ретро-атмосфера дачного дома и его окрестностей, где происходит действие картины, подлинная эпичность жизни одной, до поры очень благополучной, советской семьи.

Не менее впечатляюща локальная степная этнодрама «Урга: территория любви» (1991). Это — самая необычная и самая нетипичная лента режиссера. Причем, если бы не гру-

боватый русский дальнобойщик с фиксой в остром исполнении В. Гостюхина, фильм ни по событийной канве, ни по стилистической манере вообще трудно заподозрить в российском происхождении. То ли перед нами европейское авторское кино, то ли неокитайские артхаусные изыски. Эта картина увезла из Венеции «Золотого льва» — высшую награду этого старейшего смотра мирового киноискусства.

А вот свою первую картину о современной ему советской действительности, «Родня», Михалков снял еще в 1981 году по сценарию Виктора Мережко, с неподражаемой Нонной Мордюковой, сыгравшей мать героини, которая приезжает к дочери и внучке из деревни в город-Вавилон, ничего не понимая в этой глубоко чуждой ей бездушной жизни.

Удивительно, но горькому фильму-гротеску, отразившему гримасы

*«Неоконченная
пьеса для
механического
пианино»*

жизни эпохи брежневского «застоя», фильму, запоминающемуся классной игрой Ю. Богатырева, С. Крючковой, И. Бортника, юного О. Меньшикова, С. Газарова и, разумеется, великолепной Мордюковой, да и самого Михалкова в эпизодической роли прихрамывающего циничного официанта с пластырем на шее, - такому вот, не побоимся этого слова, кино-шедевру собирались в Госкино дать и, возможно, дали бы низшую прокатную категорию. Выручилось, что картина понравилась генсеку, бывшему председателю КГБ Ю. Андропову.

Тогда, в далеком 1982-м, броские символические детали, вроде кухонного фартука с рисунком американского флага и прочих прибабасов мещанского быта вызвали смех узнавания зрительской аудитории.

Но сегодня «Родня» выглядит куда глубже, чем просто яркая социальная комедия. Она о наших общих истоках, о пройденном пути, о нашей человеческой сути. Вот почему еще более выразителен подтекст тревожно-тягучих «лирических отступлений» фильма под электронный саунд-трек Эдуарда Артемьева, таких, как размытые пейзажные кадры, а также бесконечный бег спортсмена по гаревой дорожке пустого вечернего стадиона, угрожающее нарастание в небе реактивного лайнера и вереница грузовиков с солдатами...

Бытует мнение, что коньком Михалкова периода расцвета его творчества всегда было жанровое кино, а не драмы в чистом виде. «Пять вечеров» (1978) доказали обратное. Режиссер сумел преобразить воло-

«Родня»

динскую пьесу 50-х годов о простых людях с мечтой о счастье, придать ей иную глубину и звучание. Стилизованный под мейнстрим хрущевской «оттепели», погруженный в колоритные детали той эпохи фильм лишен присущего пьесе бодрого оптимизма и скорее напоминает зрителю тоску и безысходность тогдашних семидесятых.

Тут уже проглядывает очевидная переключка с А. Германом в показе героев, которым «на плечи кидается век-волкодав», если вспомнить мандельштамовскую строку. «Не для меня придет весна...» — в этой старой, ставшей фронтовой песне, слова которой Ильин (Станислав Любшин) мучительно пытается вспомнить, напиваясь с горя в привокзальном ресторане, суть трагедии, постигшей его с невестой Тamarой

(Людмила Гурченко). Они недолюбили в молодости, оборванной войной. Души у них перегорели, хоть и стараются возродиться из пепла. А впереди их ждут новые испытания послевоенной эпохи Страны Советов.

Из этой страны, с ее неразрешимыми экзистенциальными проблемами (они напоследок всплывут еще раз в «Родне»), травмированный современной тематикой режиссер обращает взор в «утешительное», предельно эстетизированное им прошлое. И создает поистине эталонную экранизацию культового произведения русской классики — романа Ильи Гончарова «Обломов».

Только не будем забывать, что перед нами не весь роман, а «Несколько дней из жизни Обломова»

*«Сибирский
цирюльник»*

Справа:
*«Урга:
территория
любви»*

(1979), как назовет Михалков свой фильм. И это действительно так. Один предфинальный эпизод из жизни главного героя, но вместивший в себя весь его внутренний мир, всю житейскую философию и убеждения. Правда, «по-михалковски», что в данном случае отнюдь не умаляет очевидных художественных достоинств картины.

Продолжая работать со своей сложившейся актерской командой в лице Е. Соловей (Ольга Ильинская), Ю. Богатырева (Штольц) и О. Табакова (Обломов), режиссер впервые показывает нарицательного персонажа отечественной литературы не просто безвольным лентяем, тотально сонным барином, но еще одним типичным «лишним человеком», духовным братом неприкаянных инженеров поздней советской по-

ры, таких, как Макаров из «Полетов во сне и наяву» и Зилов из «Утиной охоты».

Вот почему прошлое в фильме неожиданно становится остро современным. Трактую деятельного Штольца как чужеродное явление русской жизни, противопоставляя его расчетливое «бизнесменство» духовной щедрости и нравственной чистоте Обломова, художник создает удивительно поэтичное и в то же время поистине философское произведение, бросающее вызов традиционному восприятию этого собирательного образа. В результате картина превращается в своего рода притчу, вновь поднимая тему загадочных особенностей русского национального характера и исторического предназначения России, которую, по словам Тютчева, «умом не

понять», но все же пытаться понимать надо.

«Он русский. Это многое объясняет». Вот вам слоган из «Сибирского цирюльника» (1998), фильма с переименованным названием оперы Россини и с переименованной идейной концепцией постановщика, того, кто от отрицания а-ля русс в «Механическом пианино» приходит здесь к его безоговорочной аполгии. И впрямь, развесистой русской «клюквы» в этой масштабной постановочной картине, чье действие отнесено к периоду правления Александра III (представлять которого на экране в благостном свете взялся сам режиссер), более чем достаточно.

Душераздирающая мелодрама о внезапно вспыхнувшей любви американской авантюристки к неотразимому русскому юнкеру снята в нарочито гротесковом стиле, адресо-

вана преимущественно иностранному зрителю (при зарубежном сопродюсере) и украшена большими актерскими именами Дж. Ормонд, Р. Харриса, В. Ильина и О. Меньшикова. Это, конечно, не марионеточные «Очи черные» (1987), но — по сути, из той же «оперы». Причем фильм претендует на роль определенного высказывания, если хотите, даже манифеста имперского консерватизма, ярым сторонником которого делается в зрелые годы Н. Михалков.

Что же остается в сухом остатке? Отдельные великолепно снятые сцены, особенно горестный финальный пробег неузнаваемо изменившегося в сибирской ссылке героя Меньшикова через тайгу, вслед за уезжающей теперь уже навсегда бывшей любовью. Остаются колоритная атмосфера юнкерского учи-

лица и, как ни крути, мастерская режиссура.

Она помогла Михалкову справиться с совершенно герметичной камерной трагикомедией «Без свидетелей» (1983) по пьесе С. Прокофьевой «Беседа без свидетелей». Помог, разумеется, и шикарный тандем И. Купченко и М. Ульянова, которые разыграли домашнюю встречу двух бывших супругов, а вместе с ней — характерную для советских времен коллизию, когда герой Ульянова бросил жену с ребенком, чтобы жениться на дочке начальственного академика.

И вот, годы спустя, он, полупьяный, вламывается к героине Купченко, прознав, что та выходит замуж за влиятельного профессора, от которого, по иронии судьбы, ныне зависит его карьера. Вламывается под предлогом возврата ключей от ее квартиры, прикарманенных им тогда, при уходе. Вламывается с одной целью — выведать, не затаила ли она на него зла и не собирается ли теперь ему мстить через нового мужа.

На примере тяжелейшего ночного разговора этих двоих, даже не названных по имени, показывая во всех подробностях отвратительный душевный и духовный стриптиз ульяновского персонажа, режиссер не только внимательно исследует психологические проблемы, которые привели Его и Ее к разрыву, но и не обходит молчанием лицемерие и фальш тогдашней общественной морали.

Картина «Без свидетелей» входит в серию классических фильмов Никиты Михалкова, на которую он затратил от силы два десятилетия долгой, активной, но давно уже продолжающейся без кинематографического творчества жизни. Это — поистине «золотая серия», о которой другие, причем небесталанные, режиссеры могли бы только мечтать.

Ну а дальше идет чресполосица — профессионально снятые поздние картины мастера, с прекрасными актерами, однако резко снизившие художественную «планку», потерявшие меру вкуса, нерв и то, что называется «магией кадра». С невнятной философией и ложным пафосом. К тому же явно ориентированные на западную аудиторию своей, я бы сказал, залихватской упрощенностью. Одним словом, фильмы конъюнктурные.

Некогда Никита Сергеевич сказал о собственном творчестве: «А я вообще снимаю одну большую картину, как мне кажется». Еще он, вспоминая годы учебы во ВГИКе, заметил, что их учитель, М. Ромм, «кинематографическое мышление вынимал из жизни и сразу нам показывал». Хочется надеяться, что с этим унаследованным умением автор «Пяти вечеров», «Урги» и «Утомленных солнцем» еще продолжит снимать ту, заветную «большую картину», в которую, подобно лучшим своим работам, вложит частичку себя. □

Баба Таня

Когда Муху принесли домой, баба Таня, обычно тихая как мышь (во дворе за глаза ее так и звали «баба Мыша»), недовольно буркнула:

— На черта он сдался, кутененок блохастый!

Сказала — и юркнула на кухню — свое постоянное место. Остальные домашние: внучка Ольга, сын бабы Тани Алексей и невестка Нинка — стали тискать Муху, вертеть в руках, щупать холодные, черные ушки. Щенок был крохотный, светло-коричневого окраса. Только на лапах жесткая блестящая шерстка отсвечивала густо-серым.

— Ольга, тряпку, быстро, — вдруг скомандовала невестка, и все увидели, как расплывается под дрожащими лапами прямо на цветастом ковре темное пятно.

Баба Таня вмиг расслышала эту команду, легко, как сухой лист, переместилась из кухни в «зал», несколько секунд постояла, с неудовольствием глядя на собаку и, с торжеством, на домашних, потом, ни слова не говоря, взлетела опять на высокую табуретку и взялась за дело.

Картошку она чистила виртуозно: тонкая и прозрачная кожура сползала с пальцев сплошным серпантинном, нигде не прерываясь. Главный же талант бабы Тани заключался в том, что она могла делать сто дел разом.

Есть хозяйки, которые, пока суп не доварят, ни за что другое не берутся. У бабы Тани на плите закипал борщ, в ванной гудела стиральная машина, а в темном углу подходило тесто. А бабка прикидывала, как бы управиться со всем этим до начала телевизионной серии. Кино баба Таня любила горячо и преданно. Годом раньше не только телевизор смотрела, а и в клуб бегала, как только прослышит, что фильм про любовь... Сейчас не бегаёт: некогда. Кто его знает, откуда только дела бе-

ругся. Чем дальше, тем их больше. А тут еще собаку притащили. Им — забава, а бабе — уборка.

Но вот началась серия, потом другая. Все притихли и забыли про нового жильца. Нинка уснула на диване, не дождавшись, кто в фильме убийца. Алексей и Ольга сразу после слова «Конец» сладко потянулись и разошлись по своим комнатам.

И осталась баба Таня с Мухой наедине. Щенок поскуливал, дрожал, мостился на сухие бабкины ноги. Пришлось устроить ему закуток потеплее и накрыть старым платком.

Утро для бабы Тани начиналось всегда одинаково: с заправки постелей. Их было много, по числу членов семейства. «Сегодня суббота, а значит, спешить не нужно», — думала она, перебирая в сарае лук. — И внучка, и невестка встанут поздно, долго будут ходить непричесанные, неумытые — в одинаковых нейлоновых рубашках. Потом Ольга, кое-как одевшись и опоздав на первый урок, уйдет в школу. Скорей бы она ее домучила. По девке видно, что не к тетрадкам и учебникам ее тянет...»

Часам к десяти, наконец, все разбежались, и баба Таня приступила к уборке. Взялась за покрывало, встряхнула его и услышала испуганный визг.

— Фу, ты, паразит, сам напугался и меня напугал! — сплюнула она, но все же наклонилась и подняла с пола щенка. — Нашел место, где дрыхнуть, — ворчала баба Таня, с удивлением понимая, как от собачьего тепла в душе просыпается что-то забытое, испытанное давно, в пору молодости, когда маленькие сыновья, грязные, с кровавыми коленками, выбегали за калитку встречать ее с работы. Она и тогда зажимала это летящее чувство безоглядной любви, знала, что не поймут его ни муж, ни свекровь, стирала счастливую улыбку с лица быстро и умело, словно захлопывала в душе дверцу и вешала на нее тяжелый замок. Но и поплатилась за это: сыновья выросли неласковыми, чужими. Может, потому, что сыновья, а не дочери?

Держа в руках теплый копошащийся комочек, она чувствовала, как вместе с нежностью поднимаются в ней и грусть, и обида, и тоска. В последнем письме Павел сообщал, что получил в Москве квартиру, но на новоселье не звал. Жаловался на безденежье и намекал, что теща помогает не деньгами, а продуктами.

«Где ж я тебе денег возьму? — сокрушалась про себя баба Таня. — Вокруг ведь все чужое, не мое!»

Семь лет назад она сделала роковую ошибку: продала после смерти мужа дом на хуторе и поселилась в райцентре, у старшего сына. Они и раньше с Алексеем и Нинкой жили под одной крышей, только вот крыша-

то была бабкина. А теперь — наоборот, хотя деньги за дом все до копеечки она отдала невестке...

Нинка вышла замуж за Алексея рано, ей еще восемнадцати не было. Жалела ее баба Таня, старалась заменить рано умершую мать. Когда внучка родилась, по ночам она к ней вставала, подкармливала из бутылки. Рано утром бежала на базар, а перед собой коляску катила — пусть молодые вволю поспят. Вот и до сих пор спят...

...Щелкнул замок входной двери, пронесся по передней шепоток, хихиканье, потом внучка кому-то пообещала:

— Сейчас выйду!

— Ольга, — всплеснула руками баба Таня, задев за ухо спящую на ее коленях Муху, — ты чего так рано?

— У нас физра, отпустили, — бросила Ольга на лету, и, пока баба собиралась, похоже это на правду или нет, уже вырядилась в джинсы и розовую тесную футболку.

— Ты куда? — начала новую атаку баба Таня. — Мать что сказала? Как со школы — сразу за пианино...

— Что ты сразу: мать, да мать? А свое мнение у тебя есть? Смотреть противно, как ты к ней подлизываешься, — отпарировала внучка и, покачивая бедрами, пошла к выходу.

Баба Таня не удивилась, не обиделась. С внучкой у нее давно шла холодная война.

«Все Нинке расскажу!» — утешила она сама себя и принялась убирать квартиру.

Все, что стояло в ней, висело или лежало, было связано с невесткой. С ее хваткой, сметливостью, расторопностью. Баба Таня не осуждала Нинку за многочисленные наряды, зная, что и Алексея та одевает, не забывает, и продукты в дом несет. На одну зарплату, конечно, такого изобилия не купишь, но баба Таня закрывала на это глаза и от соседней, как могла, отбивалась: «Она одно продала, другое купила. Уметь надо!» Даже со своей младшей сестрой, семидесятилетней Галиной, которая жила неподалеку и называла Нинку не иначе, как спекулянтка, целый месяц не разговаривала. Хотя в душе признавалась себе: не от любви защищает она невестку, скорее из боязни перед ней...

За последнее время Нинка здорово переменялась. На хуторе она работала свинаркой, а в станице стала заведующей автолавкой. И эта должность так ее перекрутила, что и не узнать. Побелела Нинка лицом, покруглела фигурой, золото с рук не снимала. Знакомых появилось видимо-невидимо, и все, как хвастала Нинка, «ВО», что означало «высшее общество». Но внешние перемены в ней — не главное, взгляд у нее

стал каким-то холодным, с прищуром. Смотрит, будто приценивается, за сколько тебя купить. И ведь вправду верит, что всех купит. По вечерам, когда в хорошем настроении, рассказывает:

— Вы бы видели, как некоторые своих жен на склад заводят. Она то шубку схватит, то сапожки, а он только пот со лба платочком вытирает да жалобно так просит: «Машенька, ну, хватит. У нас денег маловато». А Машенька — в азарте, глаза горят...

Говорит так Нинка, а сама смеется. Зло смеется, нехорошо. Как будто кому-то доказывает: все жадные и продажные!

...Баба Таня оторвалась от раздумий только тогда, когда выключила пылесос и, оглядев темную, как пещера, увешанную коврами комнату, нашла, что тут полный порядок. Муха вертелась под ногами, и баба догадалась, что ей пора на улицу. Подхватив в одну руку щенка, в другую — голубенькие накидки с кресла, она выскользнула во двор, где грелись на солнышке соседи-пенсионеры.

— А это еще что? — ткнул толстым пальцем в блестящий бок Мухи Иван Иванович, ехидный вдовец с третьего этажа.

— Да вот, притащили... — баба Таня хотела сказать «гадость», но поняла, что язык не поворачивается. — Я их вчера набирала, набирала, — лепетала она не всем понятное слово, означающее «ругала». Соседи переглядывались как заговорщики: «Знаем, мол, как ты их набирала», а Иван Иванович, пользуясь моментом, спросил:

— Слышь, Татьяна Михайловна, а правда, что ты деньги за подъезд Нинке отдаешь?

Этого баба перенести уже не могла:

— А ты как думал, старый хрыч? — взвилась она и швырнула накидки на траву. — Нинка ведь меня кормит, поит, одевает! — Не дожидаясь реакции, подхватила на руки Муху и взлетела на свой четвертый этаж.

— Вот же люди! — сердито гремела она кастрюлями. — Везде лезут, все им надо!

А сердилась баба Таня потому, что сосед задел ее за живое: она взялась за уборку подъезда с тайной надеждой подкопить деньжат для поездки к младшему сыну и почти незнакомым московским внукам.

Но недолго продолжалась бабкина иллюзия. Уже в конце недели Нинка бойко и по-деловому прямо спросила:

— Мам, вы за подъезд получили? А то Ольге за музыку заплатить надо.

Дальше все пошло уже без напоминаний. Нинка, которая, чувствовалось, ворочала большими деньгами, никогда не забывала и про бабкину сотню.

...Когда Муха опять уютно устроилась в кресле, а баба завозилась в ванной, в доме опять появилась Ольга, и на этот раз не одна, а с долговязым бритоголовым парнем. Ольга и ее спутник прошли мимо бабы, как мимо стенки. Та открыла рот и хотела, было, сказать «мать приказала никого в дом не водить!», но передумала.

«Все Нинке скажу, — утешила она себя. — И про папиросы скажу».

Неделю назад она обнаружила в школьном портфеле красную пустую коробочку с нерусскими буквами. Буквы она не разобрала, но по запаху определила — табак. С этой тайной бабка носилась долго, как бы испытывая свою выдержку, потому что обычно обо всех мелочах она тут же докладывала Нинке.

Вечером в доме собрались гости. Баба Таня только успевала подносить тарелки. Выпивкой распорядился Алексей. Это было единственное, чем он распорядился в доме. Раньше хоть спорил с Нинкой, иногда даже ругался. Теперь же стал похож на ленивого, толстого кота.

«Личный Нинкин шофер», — называли его во дворе, и баба об этом знала. Сыну, однако, сочувствовала, понимая, что Алексей характером пошел в мать: покладистый и покорный. Бывало, придет с ночной смены, только уснет, а Нинке тут же ехать приспичит — будит без жалости: вези! И он везет.

Гости хмелели, рассказывали анекдоты, от которых баба спряталась на кухню. Сюда же к ней прибежала Муха и пристроилась к блюдцу с молоком.

Одни гости ушли поздно, другие остались ночевать. Баба Таня переступила через чьи-то длинные ноги и прошла в спальню. Алексей спал в одежде, отвернувшись от яркого света к стене, Нинка с кумой не спали, шептались, а при появлении свекрови выжидающе замолчали. Баба Таня замялась, не зная, говорить при чужом человеке или промолчать. Невестка помогла:

— Мам, чего вам?

— Ольга какого-то кавалера сегодня домой притаскивала и папиросы в портфеле носит, — выпалила баба на одном дыхании и тут же прикусила язык. Нинкино лицо сделалось густо-красным, как домашнее вино.

— Ну, до каких пор это будет продолжаться? Ну что вы с ребенком не найдете общего языка? Что вы все на нее жалуетесь? Она уже мне заявила: «Из-за бабки из дому уйду!» Нет, чтобы поговорить с девочкой по душам, так вы выслеживаете, вынюхиваете... А слова ласкового от вас никто не слышит. Бессердечная вы какая-то.

...Путь, ведущий из Нинкиной спальни в их общую с Ольгой комнату, показался бабе Тане длинным и запутанным. Она шла тяжело, как во

сне, заставляя ноги разгибаться и отталкиваться от земли, а они взяли то ли в ворсистом ковре, то ли в болотной трясине. Долго и бестолково перебиралась она через спящих на полу, а в ушах хрипел сдавленный от злости Нинкин голос.

Наконец, дрожа от обиды и страха, баба Таня забралась на свой жесткий диван и услышала торжествующий шепот внучки:

— Ну что, «шестерка», получила? Не будешь больше шпионить.

И тут баба не выдержала — расплакалась. Хотя не плакала давно, потому что знала: плачут не столько от горя и обиды, сколько для того, чтобы пожалели. А ее никто никогда не жалел. Даже когда девчонкой в поле напоролась на косу, приставленную к копне, и пополам разрешила нижнюю губу, мать только огрела ремнем и заставила за десять километров идти к фельдшеру в больницу.

В девках не видела она тепла и ласки, а уж замужем и подавно. Мужа трезвым почти не помнит. А свекровь, сидевшая за обеденным столом тяжело, неподъемно и с приторным елеем спрашивавшая: «Таня, а что у нас на второе?» — была ласковой только на словах. Невестка бегала от печки к столу так быстро, как только позволял ее вес, но поесть вместе со всеми не успевала. И любезным тоном свекрови не обманывалась: не раз слышала, как за глаза та называла ее «косоротой».

А ведь была, жила в ней надежда, что, уйдя из многолюдной родной семьи, от суровой, одной на шесть ртов матери, она найдет родную душу, выплачется кому-нибудь с облегчением и до конца. Но нет, не получилось. Не угодила она мужу и свекрови. А теперь вот не угодила невестке и сыну. Что же за несчастливая она такая? Чего же в ней не хватает, какого винтика или гаечки? Разве плохо старается? Мало угождает? Так куда больше? Нинка уже и забыла, с какого боку стиралка включается, огород на даче сама баба сажает, сама убирает. Как-то попросила Алексея подвезти ее с ведром посадочной картошки — не близко ж, километра четыре, так у Нинки на ту пору срочно дело нашлось.

А может, она сама и виновата? Сколько раз сестра ругалась:

— Чего ты за все хватаешься? Если Нинку разбаловала, так хоть Ольгу к домашней работе смалу приучай.

А ей приучать было некогда, да и терпения не хватало.

— Брось, я сама, — вырывала она носки из Ольгиных неумелых рук и бросала в общую стирку.

Зато теперь девка вымахала, а колготки себе не постирает. За хлебом в магазин — только со скандалом, если мать прикажет.

От горьких дум разболелась голова. Не спасала и Муха, которая, чувствуя, как бабе плохо, подползла прямо к лицу и ткнула мокрым носом в морщинистую щеку.

— Уйди хоть ты, — прошептала бабка и расплакалась еще горше. Боясь, что ее услышат, подхватила Муху на руки и выскользнула в переднюю, а потом, бесшумно прикрыв за собой дверь, на улицу.

Во дворе, слава богу, никого не было. Время позднее. Звезды горели далеко и тускло, а в воздухе стоял густой, приторный дух спелой «изабеллы», которая заплела весь дом.

Баба Таня присела на скамеечку, а Муха, поковыляв по двору и не обнаружив ничего интересного, устроилась у нее на коленях. Баба Таня уже не плакала. Ее мысли потекли в практическом направлении.

«Поеду в Москву погостить, — решила она, забыв в ту минуту о неприятном письме. — В конце концов, разве нельзя найти сыну оправдание? На новоселье не пригласил, потому что знал: все равно не приеду. А денег просит, так это Наташка глаза колет своей мамой. Ничего, поеду, хоть внуков увижу. Перед ними я виновата: нет, чтобы почаще являться, они бы, глядишь, и привыкли бы ко мне».

Баба Таня просидела на лавочке до первых петухов. Потом умылась, расчесала жиденькие волосы, закрутила на затылке дульку величиной с детский кулачок, и села чистить картошку.

...Билет на поезд был взят впопыхах, перед отправлением. Хорошо еще, что вообще достался. Домашние отпустили в Москву без вопросов, даже с облегчением. Мало того, взяв тысячу рублей, робко протянутых бабой Таней, и даже не поинтересовавшись, откуда они, Нинка выделила со своего домашнего склада зеленый, в красную полосочку, палас, с которым бабу и посадили в вагон.

В Москве встречал сын. Был он таким же худеньким, с лицом провинившегося мальчишки, каким она его запомнила. Когда баба разглядела хрупкую фигурку сквозь пыльное стекло вагона, ей показалось, что пристала она, наконец, к желанному райскому берегу. Но вот он вошел в вагон, слегка обнял ее, чмокнул куда-то в лоб и, подхватив чемодан и палас, первым вышел на перрон. По платформе они шли молча, в электричке тоже разговор не клеился. Сын спрашивал про хутор, где баба Таня давно не была, про своих друзей, с которыми она, конечно, не виделась. Мучительно подыскивая тему для разговора, баба вспомнила про Муху, оживилась, хотела рассказать, а потом затухла, — кому интересна чужая собака?

Квартиру сын получил в новом районе, далеко от центра, зато такую, какую хотел: просторную, с большой кухней. На звонок в переднюю вышла невестка и, не зная, как встречать свекровь, призвала на помощь детей:

— Живо сюда, бабушка приехала!

С криком «Баба Феня, баба Феня!» внук и внучка выскочили из комнаты, да так и замерли: бабушка оказалась чужой, они ее не знали и не любили.

«Кто же это на земле или на небе устанавливает порядок? — думала баба Таня, сидя вечером в модном и неудобном кресле. — Смирным и покорным мужикам обязательно достаются боевые жены, скромным и тихим женщинам — мужья-петухи и задиры».

То, что Павел выполняет бабью работу, не расстроило бабу Таню. Она считала, что от мужика не убудет, если он посуду помоеет или кашу сварит. Задело другое: как торопливо, с покорной готовностью выполняются распоряжения и как громко, не стесняясь свекрови, раздает их налево и направо невестка.

Опечалила бабу и прохладца, с которой Наташка приняла подарок. Сказала, конечно, спасибо, но посмотрела без интереса, потухшими глазами. А про то, как может гореть у нее глаз, баба Таня помнила, хотя с последнего приезда столичной гостьи прошло, наверное, лет пять. Как тогда она, открыв рот, присматривалась к нинкиным нарядам, чуть дырки в них глазами завистливыми не прожгла!

«Ну, ничего, она тоже одета прилично, — успокоила себя баба, еще раз с головы до ног оглядев московскую невестку. — И детишки славные. Чистенькие, гладенькие».

Внуки уже легли спать, и это принесло облегчение. Они так упорно не признавали ее, что и сама она гладила их по светлым головкам с какой-то опаской, готовясь мгновенно отдернуть руку.

«Не нянчила, не растила, чего уж теперь переживать», — утешала себя баба Таня, ворочаясь на новом месте и перебирая в памяти события дня. Вспоминать особо было нечего. Посидели вечером за столом, выпили по рюмочке собственного, бабиного производства, винца из винограда «изабелла». Разговор не клеился, невестка вела себя беспокойно, бросала косые взгляды на рюмку Павла.

Потом пили чай с сыром, который баба Таня терпеть не могла. Она собралась пообещать испечь на завтра пирог, но, увидев, как недовольно поджала губы невестка, как буркнула, что не успела забежать в кондитерскую за тортом, замолчала и сникла.

Потом смотрели телевизор, потом баба перемыла посуду и вышла на балкон.

Чужой, незнакомый вид открылся перед ней. Кругом — выше, ниже и совсем на земле — горели огни. Небо тоже горело — то желтым, то

красным заревом. Не чувствовалось ни таинственности, ни торжественности ночи.

«Вот Ольга стонет: Москва, Москва! Это тебе не наша деревня! — подумала баба Таня. — А какая разница, где телевизор смотреть? У нас хоть готовить умеют, — она поморщилась, вспомнив серый бульон, где плавали три кусочка капусты, и сглотнула, представив свой красный, наваристый борщ со сметаной.

Лежа в постели, она думала о доме, потом неожиданно перед глазами выскочила Муха — с мокрым блестящим носом и черными глазами-бусинками, и ей так захотелось тепла, но в новой, еще пахнувшей клеем квартире было просторно и холодно.

— Надо было палас постелить, — догадалась баба и, решив с этого начать завтрашний день, повернулась к стенке, но вдруг услышала за дверью приглушенный злой голос:

— И не думай, и не надейся! Подумаешь, подарок привезла, осчастливила! Такие уже сто лет не в моде, это Нинка расщедрилась: «На тебе, Боже, что нам негоже!» И не будут мои дети ходить по синтетике!

«Это они о моем гостинце, что ли? — обмерла баба Таня и, чтобы ничего не слышать, накрыла голову одеялом и замерла в душной пустой темноте...

Еще один день баба Таня для порядка отгостила. А на третий засобиралась домой.

— Ну что мне тут у вас делать? — объясняла она сыну, хотя он и не уговаривал ее остаться. — Внуки в школе, вы на работе. А на Москву я с балкона нагляделась.

Невестка и внуки простились с ней рано утром. Павел до обеда отпросился с работы, и мать на прощанье накормила его оладьями. Он ел с аппетитом, она смотрела на детские оттопыренные уши, стриженный затылок, и ей хотелось прижаться к этим жестким коротким волосам и уколоть о них свои сухие губы.

Баба Таня уже и платок повязала, когда сын, пряча глаза, вынес из спальни свернутый в трубочку палас и, перекинув его через плечо, тронул мать за рукав:

— Не сердчай, но Наталья сказала, чтобы палас ты забрала. Понимаешь, мы другой ковер хотим купить, шерстяной..

— Ну, вы его тогда продайте, что ли, — пролепетала баба Таня, но сын отрицательно покачал головой:

— Нет, мама, не надо. Она, понимаешь, принципиально не хочет. Раньше, говорит, твоя мать нам не помогала, и это не помощь.

До вокзала доехали молча. Бабе Тане было жаль сына, и она корила себя, такую непутевую, никому не приносящую радости...

— Уже нагостились?! — всплеснула руками сестра, когда баба Таня тяжело опустила палас на асфальт ее просторного двора.

— Спрячь ты его, ради бога, поскорей, — только и проговорила баба Таня.

Дома все было по-старому. За столом сидели гости, и Алексей разливал по рюмкам водку. Баба Таня привычно кинулась убирать посуду, подносить чай, а потом, почувствовав, как чего-то не хватает, спросила:

— А где Муха?

— Где-то на улице болтается, — махнула рукой Ольга, которую веселые гости упрашивали не ходить на дискотеку, а остаться с ними.

Баба Таня вышла во двор, чмокнула несколько раз губами и увидела, как через двор летит к ней, прижав блестящие уши, Муха. Баба подхватила ее на руки, прижала к себе и с радостью почувствовала, как рядом с ее старым, тихим сердцем стучит звонкое и молодое...

...И потекли дни по-прежнему. Молодые суетились, куда-то ездили, что-то доставали, собирали в доме гостей.

Ольга... В старые времена сказали бы «невестилась», но слишком нежно звучало это слово в применении к взъерошенной, в линялых джинсах девице баскетбольного роста. Стены ее комнаты, где спала и баба Таня, были увешаны полуметровыми снимками белокурых красавиц в блестящих комбинезонах и бородатых парней с гитарами на широких ремнях. Баба Таня, просыпаясь среди ночи и чувствуя, как со стены в упор смотрит на нее чье-то страшное лицо, мелко и часто крестилась.

Как раз в ту ночь ее одолели страшные сны. Ей снилось, как убегали они со старшеньким сыном от бомбежки, как горела вокруг сухая кукуруза, и с воем проносились над головой черные самолеты.

Утро же выдалось солнечное, теплое. В воздухе летала мокрая от росы паутина...

На залитом светом куске пестрого линолеума сидела Муха и внимательно слушала «нотацию»:

— Ишь, дрянь такая! Ей и колбаску, ей и пирожок, а она носом крутит! Заелась совсем!

Муха преданно глядела хозяйке в глаза, помахивала хвостом, потом стала поскуливать, и баба Таня открыла ей дверь на улицу. Обычно она не отпускала собаку одну, но сегодня было очень уж некогда: надвигался Нинкин день рождения.

Но, как только закрылась за Мухой дверь, на душе отчего-то стало неуютно. Заныло сердце, разболелась голова. Баба отнесла это на счет плохого сна и давней болезни желудка, но все же решила выйти на улицу и позвать собаку обратно в дом. Она уже направилась к двери, как через открытую форточку ясно услышала скрип тормозов и жалобный, тихий всхлип. Чуть не выдавив лбом стекло, баба Таня припала к окну и никак не могла от него оторваться — собственное тело вдруг показалось ей свинцово-тяжелым. Кое-как она добралась до двери, медленно прошла по большому двору и, еще не выйдя на улицу, сквозь ветки сирени разглядела на асфальте темный неподвижный комок...

Она взяла на руки еще теплую, но уже мертвую Муху, провела рукой по жесткой шерстке и, пока шла через дорогу, а потом через двор к сестре, твердила, словно заучивая, одну и ту же фразу:

— Слава богу, не мучилась...

В сарае она взяла лопату, вырыла в огороде ямку и закопала Муху, старательно разровняв сверху землю.

Вечером, хлопоча перед гостями, она забылась, а ночью снова вспомнила про Муху, и ей стало холодно. Она вытащила из шкафа теплое одеяло, укрылась им с головой и уснула тяжелым сном смертельно уставшего человека...

...Через три месяца баба Таня заболела пневмонией и, несмотря на легкое течение болезни, умерла.

Младший сын на похороны не приехал — не отпустили с работы. Старшая невестка голосила на кладбище по всем правилам хорошего станичного тона, чем вызвала одобрение у соседей.

Внучка не плакала, только удивленно посматривала на мать. Ночью же Алексей слышал тихие всхлипывания в ее комнате.

Он лежал на спине, не спал и всматривался в потолок, словно надеялся прочесть там что-то очень важное, чего он за всю свою жизнь так и не понял... □

Песни Сосо Павлиашвили знают и поют все — от мала до велика. Певец, композитор, он окончил музыкальную школу, музыкальное училище, а затем и консерваторию по классу скрипки. В 1989 году получил Гран-при 4-го Всесоюзного телевизионного конкурса молодых исполнителей советской эстрадной песни в Юрмале, исполнив песню «Самшобло». Так началась его карьера, которая стремительно набирает обороты и не сбавляет их по сей день — ведь музыкант никогда не останавливается на достигнутом. Наше интервью с ним — о музыке и искусстве в целом, о его семье, а также о непростых для музыканта путях, которые, как и Господни, неисповедимы.

*«Мы в семье
тратим время
на любовь,
на доверие,
на счастье
и улыбки...»*

Сосо Павлиашвили

— Сосо, вас по праву можно назвать Музыкантом с большой буквы. Многие ваши песни «ушли в народ», и некоторые из них вызывают слезы у зрителей — к примеру, невозможно просто так слушать песню «Помолимся

за родителей»: хочется и помолиться, и поплакать и сделать что-то доброе, светлое, хорошее для близких и родных...

— Спасибо, конечно, за такие теплые слова, для меня это очень ценно. Потому что, если у зрителей пло-

хое мнение обо мне, значит, я что-то не так делаю. Это с одной стороны. А с другой — допустим, зритель не любит такие песни, какие я сочинил, какие пою, но, по-моему, он никогда не сможет сказать, что я безразличен к тому делу, которому служу. Для меня главное — служить Богу, потому что Он мне дал определен-

150 лет! Но главное, что я выражаю благодарность Создателю, который мне дал эту возможность — выступать перед зрителем. Это публика разного возраста, разного вероисповедания, разной национальности, с разными судьбами, разным положением в обществе, но, слава богу, у меня никогда ни с кем про-

ный талант и способности, чтобы через музыку доносить до людей какие-то мысли, ценности — через музыку это гораздо быстрее и доходчивее получается, поэтому мне небезразлично, как люди на нее реагируют. Но моя самоотдача искренняя, я честен в отношении своих зрителей — выхожу на сцену и просто делаю то, что умею. И если моя песня, моя музыка нравится, я всегда говорю — желаю вам всем 100 лет жизни, а тем, кому не нравится —

блем не было, наоборот: я отдаю им, а они — мне.

— Вы окончили консерваторию по классу скрипки. Можно ли сказать, что классическое образование является в какой-то степени бременем в нашей современной эстрадной действительности, или же, наоборот, оно помогает «быть на плаву»?

— Нет, Боже упаси! Образование есть образование, а если оно клас-

сическое, то это супер-образование. В консерватории образование идет из поколения в поколение. И что-то современное — есть уже классика, но пока еще не осознанная нами. Все, что есть лучшего из современного мира, проходит через огромное количество испытаний, и часть остается. Она потом превращается во все хорошее, а это хорошее превращается уже в классику. Это тот фундамент, на котором строится все здание, а то, что является, допустим, неклассическим образованием, нельзя назвать достойным образованием. Это чисто мое мнение, я его никому не навязываю, просто испытал это на себе, поэтому имею право так говорить. Когда пытаются подменить основание, все здание трещит по швам. Современная подмена ценностей, деградация — это те из показателей, которые мы видим, когда отменяется все основательное, фундаментальное. Классическое образование — это именно то, что дает глубокое знание человеку в определенной профессии, то, что является не «сиюминутным», а остается на века.

— В детстве вы увлекались также рисованием, хотели даже пойти по стезе художника. А какие художники и стили живописи ваши любимые?

— Вообще я очень люблю классицизм — французский, итальянский. Есть огромное количество мастеров, которых невозможно не любить, не восхищаться ими. Но я бы

выделил все-таки Босха, потому что в то время он отражал все, что творится сейчас. Его уникальные работы еще раз подтверждают, что человек не меняется. Меняется время, меняется мода, все вокруг меняется, но человек изнутри не меняется никогда. И все так же мы зависим от того, как проживаем свою жизнь и куда стремимся — в ад или в рай. С Богом мы или с дьяволом? Вот самое главное направление в жизни человечества, и пока оно это не поймет, всегда будет находиться в смятении, в растерянности, до конца не понимая, что на самом деле происходит с ним и вокруг. Вот поэтому Босх, Босх, и еще раз Босх...

— Сосо, вы построили церковь в Тбилиси на свои средства. Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

— Бог построил нашими усилиями эту церковь. Мы, к моему огромному счастью, я и моя семья, принимаем участие в восстановлении разрушенных церквей в России и в Грузии. У нас есть еще задача достроить грузинскую церковь на Северном Кавказе. А что касается Тбилиси, то эта церковь невероятной красоты. Мне помогал мой зять, Пато Сулаберидзе, и наш батюшка Лука. Церковь стоит в монастырском комплексе святого Георгия. Святейший патриарх Грузии Илия II пожелал, чтобы она называлась «Рождение Богородицы». Когда ее видишь, сразу ощущаешь невероятное счастье, невероятный свет, и тебя «на-

крывают» светлые чувства. Наступит момент, когда мы все соберемся там, и я буду целовать стены этой церкви, буду благодарить Боженьку за то, что он нам дал силы, дал мудрость, дал возможность делать добрые дела. Я благодарен всем тем людям, которые мне дают возможность делать добрые дела.

— К вере каждый приходит по-своему, кто-то вообще не приходит, а кому-то кажется, что он пришел, а на самом деле это не так. Поэтому очень надеюсь, что я верующий человек не только для себя, но и придет время, когда мне Бог скажет,

Кстати, от моего отца я узнал, что мой род — из древних церковных служащих Павлиашвили. Вот и я вернулся на эту орбиту и безгранично счастлив, что могу для Бога и для всех верующих быть в чем-то микроскопическом полезным.

— В вашей жизни большое место занимает Господь. А как вы пришли к вере?

был я верующим или неверующим. Я не знаю, сколько Он мне даст прожить на этой Земле, но очень надеюсь, что я верующий — живу с верой в сердце. А как я пришел? Вы же знаете, если старый человек приходит к Богу, он может спасти свою душу, а если молодой, то он спасет свою жизнь. Не имеет значения, как я пришел к вере. Сделайте так, чтобы вы сами пришли к вере и своих

детей привели бы в Храм — открыли им те двери, где есть свет, и где настоящее счастье.

— Как прошло ваше венчание с женой Ириной?

— Венчание проходило невероятно тепло и душевно. В Интернете есть даже видео, которое снимал брат моей Ирочки Даниил Патлах. По моей просьбе он просто собрал потом эти съемки, и мы положили это видео на песню, которую написали с Константином Меладзе — Костя написал потрясающий текст, я написал музыку. Эту песню мы подарили моей Ирочке. Это было 3 года назад. Песня называется «Быть с тобой», и в этом своеобразном видеоряде видно, как все проходило. Нас повен-

чал наш любимый батюшка Ростислав в церкви, где я имею счастье принимать участие в реставрации. Он великодушно позволил мне это сделать, и я ему безгранично благодарен. Вся моя семья безгранично любит этого человека, который беззаветно служит Богу.

— Сосо, а вы ревнивый человек?

— В меру, наверное, ревнивый. Если человек тебе не безразличен, то какое-то чувство ревности обязательно присутствует. Самое главное, не давать друг другу повода для ревности. Это намного лучше, чем ревновать, и доставит еще больше счастья.

— Скрипка, гитара, фортепиано и вокал — вы владеете многими музыкальными инструментами. Какой из них ваш самый любимый?

— Я играю еще и на барабанах, и на бас-гитаре играл в свое время, но сейчас уже, к сожалению, не так хорошо ими владею. Но свою игру на гитаре я записал в альбоме

«Жизнь — это рок-н-ролл». Там практически все рифмовые партии играл я, остальные партии играл

и в училище, и в консерватории. По классу фортепиано я также знаю практически все мои партии,

Сергей Ишай. Что касается скрипки, то у меня по классу скрипки, возможно, было бы очень большое будущее. Меня уже с детства подготавливали конкурсу Чайковского, но потом я попал в армию. Переквалифицировался уже как вокалист, как композитор, аранжировщик. Все это для того, чтобы в 2005 году появилась песня «Помолимся за родителей», а еще раньше, 1989 году, появилась песня «Свобода», которая принесла Гран-при для Грузии в Юрмале-89. Что касается фортепиано, то мы проходили как второй инструмент и в школе-семилетке,

остальные партии клавишных тоже записываю я. Что касается бас-гитары... Когда мне было лет 17, у нас была замечательная, мощная хард-рок-группа, которая называлась «Джорджан Бойс». Я там играл на бас-гитаре и пел. Правда, мы играли в подвале, потому что тогда такую музыку никто не выпустил бы, тем более, что мы пели на английском языке. Несколько произведений оттуда, спустя почти сорок с лишним лет, появились также в альбоме «Жизнь — это рок-н-ролл». Что касается барабанов, то на них тоже могу немножко подыграть, это мне всегда

помогает в аранжировках, а музыканты мне доверяют, потому что я понимаю, как они должны играть.

— Как удается не потерять себя в суматохе жизни, в бесконечной работе, в этом темпе сумасшедшей современной жизни?

— Самый главный якорь нашей жизни — это Бог и вера в Бога. Мак-

жать чужое, это все не принесет, в конце концов, ему счастья, наоборот, будет пожирать человека изнутри. Поэтому, чтобы не потерять себя, сохранить в себе доброту, спокойствие, разум и справедливость, надо держаться за этот якорь и всегда знать, что у он есть у тебя, он над тобой, он в тебе. Но каждый человек принимает свое решение, так что

симально правильно, если ты живешь по-божески, по-людски. А если хочешь кого-то обмануть, кого-то подвести, хочешь стать выше кого-то, и тобой овладевает гордыня, то, конечно же, ты потеряешь покой, вообще потеряешь все, что делает человека счастливым. И когда человек хочет приобрести что-то нечестным путем, а не заработать, когда хочет что-то урвать у кого-то, от-

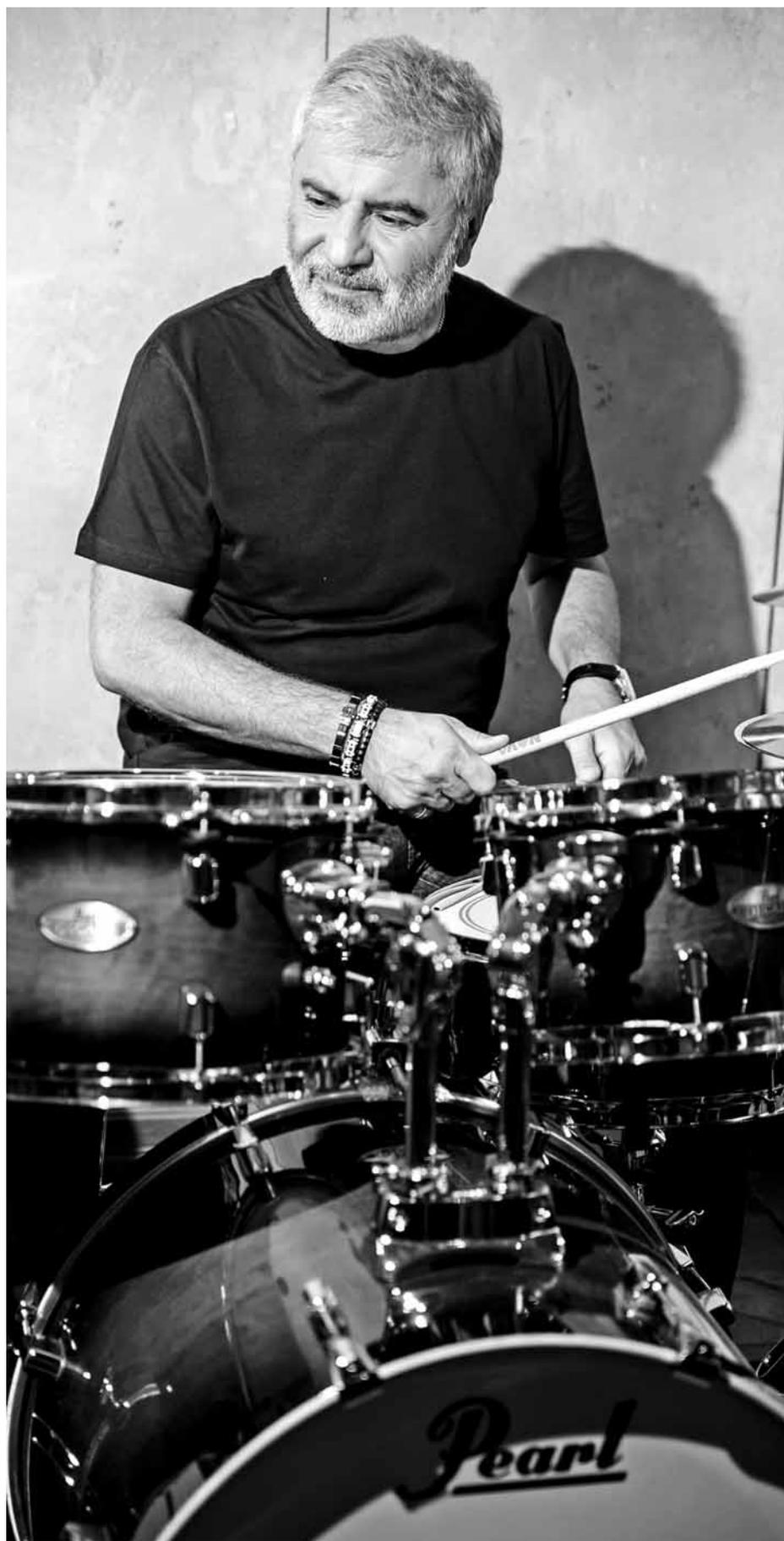
я говорю только от себя, мне это помогает, успокаивает. А когда мои родные люди видят мое спокойствие, им тоже становится спокойнее. Так что мы не теряем время на сумасшествие, мы тратим его на любовь, на доверие, на счастье, на целуи и улыбки.

— Ваш сын Леван выступает вместе с вами, а чем занимают-

ся ваши дочери? Какую музыку они слушают?

— Да, Леван поет вместе с нами. Я, Ирочка и Леван в основном выступаем вместе и очень много гастролируем — 20–25 самолетных рейсов у нас за месяц. Вместе отдаем свои сердце и душу нашей работе, нашим дорогим зрителям.

Девочки у нас разные. Сандра очень талантливая, очень яркая и творческая. Она учится в театральной студии, поет очень хорошо. Сандра вообще талантливый человек практически во всем, к чему ни прикасается, все у нее просто превращается в волшебство. Что касается нашей Елизаветы, она такая же волшебница. Учится в колледже ВГИКа, в этом году заканчивает его по специальности «живопись и мультипликация». Я возлагаю большие надежды на Елизавету — она очень серьезно относится к своему делу, своей учебе, и уже есть хорошие перспективы. Посмотрим, что и где она сделает лучше, красивее и достойнее. И рисует Лиза потрясающе, у нее невероятное ощущение мира. Практически все мои песни, а потом и мои альбомы я всегда ее про-

сил, чтобы она оформляла своим видением. Вот, например, альбом «Жизнь — это кайф». Мы выпустили его в 2020 году, ей было тогда лет 13-14, и именно она увидела этот альбом вот таким ярким, солнечным и нарисовала обложку. Вот такие у меня дети.

— Строгий ли вы отец?

— Как-то Лизе задали такой же вопрос, она была еще маленькая, лет 8–10. Когда у нее спросили: «Какой твой отец?» — она ответила: «Он справедливый». Я это услышал, и у меня слезы потекли, потому что было очень приятно, что маленький ребенок уже осознает, что такое справедливость и что такое несправедливость. И тогда я понял, что этому надо всегда соответствовать. Всегда и во всем. Вот такой я отец. Между нами самое главное — доверие. А любовь и доверие — это то, что должно быть на одном уровне.

— Сосо, что ждете от будущего?

— Исходя из того, что вокруг происходит, мы должны молиться тому, что дожили до следующего года. Каждый день — это огромное счастье. Это благодарность Господу за то, что мы живем, радуемся, желаем друг другу добра. Я очень надеюсь, что дальше в этом году выглянет, наконец, Солнце. Россия станет как раз тем прожектором, который будет освещать этот обезумевший мир. Я в это верю.

— На сколько вы себя ощущаете?

Ну, не знаю, лет на 30–35, наверное. Потому что мы ходим, плаваем, катаемся на велосипедах, занимаемся активным образом жизни и, самое главное, никому ни в чем не завидуем и никому плохого не желаем. А это всегда делает тебя моложе.

— Ваши творческие планы?

— У меня много красивых песен. Ну, я так считаю, что они и красивые, и нужные. Есть у меня пару человек, которым я доверяю свои песни, и они как бы вливают новую кровь — и аранжировки, и на студии много работы. Мы с моим другом и помощником Михаилом, которого в шутку называем дядей Мишей, много времени уделяем обработке — очень много накопилось песен, которые надо свести, отточить, пропеть. К тому же надо привести в порядок мой творческий багаж — из-за гастролей все руки не доходят. Вот такие проекты на ближайшее время. А главные творческие планы — по возможности делать мир лучше. Это я говорю абсолютно серьезно. Надо сделать мир лучше!

— Ваши любимые крылатые изречения?

— Их немало, они рождаются по жизни, но, наверное, самое главное: нам дал Бог то, чего мы заслуживаем. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото из личного архива

Дмитрий Зелов

Аромат былой эпохи

Фото автора

В самом центре бывшего уездного купеческого города Александрова Владимирской области высится массивный старинный особняк. Резко выделяясь на фоне окружающей застройки, он неизменно притягивает к себе взоры любого, впервые оказавшегося в этих краях туриста.

Мимо этого дома, что на правом берегу реки Серой, пройти просто невозможно. Величественное здание декорировано в стиле неоклассицизма, модного архитектурного

стиля своего времени. Белокаменная ампириная лепнина, полуколонны с коринфскими капителями и, наконец, великолепная двухэтажная веранда с восточной стороны дома, напоминающая итальянский портик, делают этот особняк одним из красивейших зданий города.

Бывший некогда городской усадьбой известного всем в Александрове в XIX столетии купца 2-й гильдии, почетного жителя города, благотворителя и мецената Алексея Михай-

Алексей Михайлович Первушин

время в негласной ссылке в городе Александрове. Вот с тех пор и повелось: Первушин — значит, первый.

Алексей Первушин родился в бедной мещанской семье, и уже на десятом году своей жизни остался сиротой. В 1843 году он был отдан в услужение в семью местных фабрикантов Барановых. Вот как сам рассказал о том времени Алексей Первушин в своем дневнике: *«Иван Федорович Баранов, купец первой гильдии, меценат, Александровский Городской голова, принял меня, мальчика бедного, круглого сироту, нищего. Как я рад был тог-*

ловича Первушина (1829–1902), вот уже более трех десятков лет он является Александровским художественно-краеведческим музеем. Местные называют его просто — Дом Первушина. По сути, и в точку.

По семейной легенде, фамилия Первушиных пошла от александровского купца Алексея Ивановича Жихарева. В свое время прадед героя нашего повествования стал первым, кто не побоялся в далеком 1728 году пригласить на свою свадьбу дочь Петра I Елизавету Петровну, находившуюся в то

да, что поступил с купоросных щей на хороший хлеб, щи да кашу грешневую».

Смышленный мальчуган на лету схватывал азы купеческой премудрости и быстро пошел в гору. Всего в 23 года он уже был приказчиком на Нижегородской фабрике, а немногим позже вошел в совет директоров барановских ситцевых мануфактур.

Алексей Михайлович был человеком необыкновенной честности и порядочности. Помогать друг другу в делах, поддерживать в начинаниях, оставаться верным данному слову — этим принципам купец Первущин оставался верен всегда, какие бы преграды, невзгоды и трудно-

сти ни встречались на его жизненном пути.

Особая гордость и реликвия музея — манерная книга. Этот увесистый фолиант хранит свыше двух тысяч образцов ткани. Диванная комната, гостиная с уникальным клавесином, спальня хозяйки дома. Словом, история жизни успешного человека, который сделал себя сам. Как сказали бы ныне — *self-made person*.

Алексей Первушин занимался не только торговыми делами, но и го-

родскими задачами, связанными с обустройством дорог, больниц, гимназий. Вместе с другими знаменитыми купеческими фамилиями он активно строил школы и богадельни для увечных и престарелых работников мануфактуры, храмы и железные дороги, не скупился на средства для бедных, заботился о сиротах, учредил стипендии по 500 рублей для девочек, обучавшихся в гимназии, выделял деньги на обмундирование для солдат и лечение раненых. В общем,

активно участвовал в улучшении городской инфраструктуры. А позже, после его кончины, дело отца продолжили его сыновья Иван и Григорий.

Городской парк — продолжение перушинской усадьбы. Старый пруд

и вековые деревья незримо хранят в себе память об ушедшем, о былой истории города. Здесь, в стенах бывшего перушинского дома, особенно сильно чувствуется едва уловимый аромат прекрасной, но навсегда ушедшей от нас эпохи. Ее тончайший флер и аура.

...Оказавшись в Александрове, обязательно посетите местный историко-краеведческий музей — вы не только познакомитесь с историей города, губернии и страны в целом на примере жизни одного купеческого семейства, но и получите эстетическое удовольствие от соприкосновения с аурой давно ушедшей эпохи, которая сохранилась в памяти вещей, предметов быта и интерьеров, окружавших владельцев усадьбы, их друзей, гостей и посетителей. □

Ирина Опимах

Жак Луи Давид

Портрет Антуана-Лорана Лавуазье и его жены

.....

(Как политика порой управляет искусством)

*Жак Луи Давид.
Автопортрет*

Эта картина, написанная в 1788 году, накануне Великой французской революции, — одна из лучших в портретной галерее, созданной замечательным художником Жаком-Луи Давидом. У нее оказалась непростая судьба, как, впрочем, и у ее персонажей. Совсем недавно было обнаружено, что она скрывает тайны — тайны времени и тайны творчества великого живописца...

В 1786 году у модного, молодого и очень талантливого художника Жака Луи Давида появилась новая ученица. Ее звали Мария-Анна Лавуазье. Двадцативосьмилетняя мадам Лавуазье была весьма недурна собой и очень умна. А ее муж, Антуан Лоран Лавуазье, был хорошо известен в Париже. Во-первых, как сборщик налогов, откупщик, а, во-вторых, — как ученый, химик, который в своей лаборатории проводил опыты, во многом перевернувшие тогдашние представления о природе. Кстати, мадам Мария-Анна очень ему помогала в его научных изысканиях.

В 1788 году она решила на день рождения подарить мужу их парный портрет. Кто же его напишет? Со-

мнений не было — конечно же, мсье Давид. Художник с удовольствием выполнил заказ своей ученицы. И вот картина уже готова. На ней изображены мужчина и женщина нового, просвещенного века, довольно скромно одетые, окруженные лабораторной обстановкой, они изучают природу и несут людям знания, а словесные различия, деньги и другие блага им совершенно не важны.

А начиналась их история так.

20 января 1758 года в семействе богатого парижского буржуа, главы Генерального откупа (налогового ведомства Франции) Жака Польза и его супруги Клодин, племянницы Жозефа Террэ, будущего министра финансов Франции, родилась девоч-

Портрет Антуана Лорана Лавуазье и его жены Марии-Анны

ка. Ее называли Мария-Анна-Пьеретта. В 1771 году мадам Клодин скончалась, и на Марию-Анну легли все заботы по огромному дому Польза.

Между тем, у ее дяди, аббата Террэ, одного из самых влиятельных

людей в стране, была приятельница, баронесса Лагард, которой пришла в голову мысль женить своего брата, графа д'Амерваля, на дочери мсье Польза: единственная наследница, девочка смышленная, хорошенькая, да

и приданое наверняка будет неплохим, ведь д'Амерваль был транжирой и весьма нуждался в деньгах. Ни баронессу, ни ее покровителя господина Террэ нисколько не смущало, что графу — 50 лет, а Марии-Анне — 13. Зато это смущало саму девушку и ее отца. Д'Абервиль казался Марии-Анне стариком, да и ее отцу он совсем не нравился. Но баронесса и Террэ настоятельно прочили графа ей в женихи. И тогда мсье Польз вспомнил о своем 28-летнем коллеге Антуане-Лоране Лавуазье.

Лавуазье происходил из рода потомственных юристов (его отец был прокурором в парламенте) и тоже должен был продолжить семейное дело. Он учился в самой известной и, пожалуй, лучшей парижской школе — колледже Мазарини, а потом поступил в Парижский университет. В 1763-м он получил степень бакалавра, в следующем году — лиценциата прав.

Однако в мире помимо права было столько всего интересного! И юный Лавуазье с увлечением погрузился в изучение естественных наук: астрономия, ботаника, минералогия, химия, анатомия. Конечно же, он занимался и математикой, царицей всех наук. Его учителями были лучшие умы того времени, ученые, оставившие след в истории науки. Он учился у них культуре, методике экспериментального исследования, логическому осмыслению полученных результатов...

За несколько лет Лавуазье написал несколько статей по самым разным вопросам — к примеру, о новом виде стеатита, о северных сияниях,

по геологии и других научных проблемах, благодаря которым создал себе имя в научных кругах, а в 1768 году, когда ему было всего 25 лет, был избран членом Академии наук!

Мсье Лаланд, голосовавший за него на выборах, так объяснял свой выбор: «Я содействовал избранию Лавуазье, хотя он был моложе своего соперника, минералога Жарса, и менее известен, потому что молодой человек, обладавший такими знаниями, умом и энергией и притом значительным состоянием, избавлявшим его от необходимости искать заработок, естественно, мог быть очень полезен для науки».

Лавуазье был обеспеченным человеком, но для его экспериментов требовались гораздо большие деньги, чем его состояние, а потому он стал думать, как и где заработать капиталы, необходимые для научных исследований. И такое место нашлось — Генеральный откуп, организация, ненавидимая по всей Франции, но приносившая ее сотрудникам немалые барыши. В 1726 году Генеральный откуп, по сути, компания финансистов, получил право собирать королевские подати и другие налоги. Бизнес этот оказался весьма прибыльным, и Лавуазье, которому надо было, во что бы то ни стало, заработать деньги, стал откупщиком.

Аббат Террэ ничего против Лавуазье не имел. Молодой человек был вполне обеспечен, умен, скромнен, внешне привлекателен. А главное, он очень понравился Марии-Анне. И она произвела на него приятное впечатле-

Антуан-Лоран Лавуазье

Мария-Анна Лавуазье

ние — неглупая, хорошо образованная для ее лет, любознательная и хорошенькая. Наверное, большой любви между ними тогда не возникло, но симпатия явно была. Надо сказать, что никакой корысти со стороны жениха в заключении брака не было: приданое невесты — 80 тысяч ливров — особого значения для него не имело: Лавуазье имел собственный капитал, 170 тысяч ливров, кроме того, он получил от отца 250 тысяч, ну и служба в Откупе приносила ему ежегодно до 20 тысяч ливров. 16 декабря 1771 года они стали мужем и женой.

Брак Лавуазье и Марии-Анны оказался удачным. Конечно, Лавуазье во многом сформировал ее личность, характер и увлечения. Надо отметить, что его усилия попали на благодатную почву. Его юная жена была девушкой любознательной, способной, и ей бы-

ло очень интересно, чем занимается муж. А потому она решила поучиться химии у друга своего супруга, тоже химика, мсье Ж.-Б. Буке, а потом выучила английский язык — дабы переводить труды английских химиков для Лавуазье, не знавшего иностранных языков, и латинский, поскольку полагала, что это поможет мужу в работе. Две работы Ричарда Кирвана, известного английского химика, появились во Франции именно в ее переводе и с ее комментариями, вполне научными.

Жизнь четы Лавуазье была наполнена работой — как на научном поприще, так и на общественном. В 1775 году Антуан-Лоран стал одним из четырех директоров Управления порохов и селитры, и супруги переехали в малый Арсенал, — теперь у них была и удобная квартира, и библиотека, и большая лаборатория.

Лавуазье практически не знал, что такое отдых, он словно чувствовал, что судьба отпустила ему совсем немного лет жизни: вставал в 5 утра, с 6 до 9 работал в лаборатории, затем шли дела Откупа, после полудня шел в Управление порохов или в Академию наук. С 7 до 10 часов вечера — снова лаборатория или работа за письменным столом. И только суббота была днем, когда ученый давал себе волю — проводил время с друзьями, в основном физиками, химиками и учениками. *«Суббота была для него днем счастья: несколько просвещенных друзей, несколько молодых людей, гордившихся честью быть допущенными участвовать в его опытах, с утра собирались в лаборатории; здесь завтракали, здесь же рассуждали на разные темы, и здесь же созда-*

валась теория, обессмертившая своего создателя, — вспоминала позже Мария-Анна. — Надо было видеть и слышать этого человека, наделенного столь тонким умом, столь явным талантом и столь возвышенным гением. Именно в разговорах с ним можно было убедиться в высоте его моральных принципов».

Она хорошо понимала масштаб его личности и была верной подругой, настоящей помощницей своему гениальному мужу не только в обыденной жизни, но и в его научной работе. Вела лабораторный журнал, зарисовывала схему опытов (и тут пригодились уроки Давида), записывала все результаты и все соображения, высказываемые во время экспериментов Лавуазье или его сотрудниками. Осознавая ценность его мыслей и внезапных озарений, переписывала в журнал даже те отрывочные записи, которые он делал на первых попавшихся ему под руку бумажках — письмах, конвертах, игральным картам...

Их дом стал настоящим научным центром Парижа. К Лавуазье приходили известные ученые не только Франции, но и других стран: к примеру, англичанин Д. Пристли, американцы Д. Уатт и Б. Франклин. А когда у мужа не было времени на письма, Мария-Анна вела его переписку. В общем, в этой женщине Лавуазье обрел и верную жену, и замечательного помощника в науке, и умного, толкового секретаря. Она действительно во всем ему помогала, вот только его агрономических увлечений не разделяла — любила Париж, выставки, театры, и в де-

ревне ей было скучно. К тому же она любила уроки рисования у Жака-Луи Давида, который и написал семейный портрет четы Лавуазье. Эта картина — подарок любящей жены супругу на его 45-летний юбилей. Картина 38-летнему художнику явно удалась — прекрасно переданы характеры героев, обстановка. Все указывает на их высокий интеллектуальный уровень. Лавуазье сидит за столом, на котором — разные научные приборы. Ученый работает над своим выдающимся трудом — «Элементарным трактатом по химии», но посматривает на жену, словно она ему диктует, что писать. А очаровательная мадам Лавуазье смотрит на нас...

Мадам Лавуазье заплатила художнику за картину 7000 ливров. Сумма по тем временам немалая, но жена откупщика могла себе позволить такие траты.

За свою жизнь в науке Лавуазье сделал множество важнейших открытий, определивших развитие не только химии, но естествознания вообще. Он отверг теорию флогистона, определил сложный состав воздуха, правильно объяснил процесс горения, развил основные положения кислородной теории. А еще разработал новую химическую номенклатуру, систематически использовал количественные методы, основанные на точных измерениях, а в 1774 году экспериментально обнаружил и доказал закон сохранения вещества в химических реакциях. Еще он занимался и общественно-полезными делами — работал над улучшением уличного освещения, осушением бо-

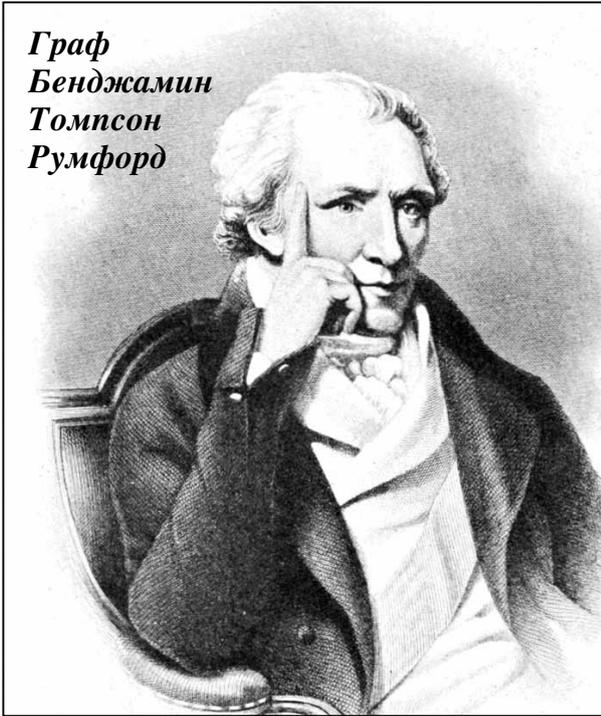
лот, очисткой Сены, геологической картой Франции... Но все эти достижения не спасли его от гильотины — во все времена, во все эпохи ученые революциям не нужны.

В 1794 году во время накрывшего Францию революционного террора он вместе с отцом Марии-Анны Жаком Пользом и другими генеральными откупщиками был признан врагом народа. Кто-то, рискуя своей жизнью, робко пытался защитить ученого, но все было безуспешно. 8 мая 1794 года Революционный трибунал приговорил 28 генеральных откупщиков к смерти. Приговор был приведен в исполнение. Польз взошел на эшафот третьим, Лавуазье — четвертым, согласно списку обреченных. Великому химику было всего 50 лет! Сколько бы он еще мог сделать в науке!

Казнь откупщиков, этих несчастных жертв революции, заняла всего 35 минут — гильотина работала быстро. Узнав о гибели Лавуазье, другой великий француз Жозеф Лагранж сказал: «У них ушло мгновение, чтобы отрубить эту голову, но ста лет может не хватить, чтобы появилась другая такая же».

Рассказывают, что во время казни Лавуазье провел свой последний опыт. Ему было интересно, сколько его отрубленная голова будет еще жива. И вот когда лезвие гильотины коснулось его шеи, он принялся моргать, а в толпе, собравшейся на площади, был его ассистент, который считал число морганий. Очень может быть, что это — легенда, но она вполне в духе Антуана-Лорана Лавуазье, остававшегося на-

*Граф
Бенджамин
Томпсон
Румфорд*

стоящим ученым до последних секунд работы его мощного мозга.

Марию-Анну тоже настигла кара революционного народа. Ее арестовали, реквизировали все имущество, в том числе лабораторные журналы, оборудование, даже картину Давида, и посадили в тюрьму. Но, к счастью, в камере она провела всего полтора месяца. 27 июля 1794 года произошел Термидорианский переворот, и Робеспьер, недавно подписавший смертный приговор ее мужу и отцу, сам попал на эшафот. 17 августа Марию-Анну освободили, она вышла на волю и получила обратно свое имущество. Картина Давида снова была с ней — память о годах, прожитых рядом с великим ученым...

Но жизнь продолжалась, и в 1801 году Мария-Анна познакомилась с английским физиком Бенджамин Томсоном, графом Румфордом. Ей к тому времени исполнилось 43 года, и она была вполне еще свежа и хоро-

ша, кроме того, умна и обаятельна. После периода ухаживаний и теплых встреч Томсон сделал ей предложение, и она его приняла. 22 октября 1805 года они стали мужем и женой.

Но в этом браке Марии-Анне пришлось нелегко — у графа был тяжелый характер, к тому же ему не очень нравились независимость и самостоятельность супруги. Она могла приглашать своих друзей, не уведомив графа, (как-то он закрыл ворота, чтобы ее гости не смогли войти в дом), или потратить слишком большие, на его взгляд, деньги на прием (однажды в знак протеста Мария-Анна сварила на завтрак графу его любимые панталоны!). В общем, это было этакое соревнование двух сильных личностей. «Как же Лавуазье повезло с гильотиной», — сказал Румфорд, давая ей согласие на развод.

Они расстались в 1809 году, и оставшиеся годы Мария-Анна прожила в полном одиночестве — в Париже, своем доме на улице Анжу Сент-Оноре, ныне носящей имя Лавуазье. В конце жизни она растолстела, обрюзгла (Мериме вспоминал о 150 килограммов мадам Лавуазье), потеряла свой шарм, но не силу воли и свободу мысли, и все свое время посвящала изданию трудов Лавуазье, писала к ним предисловия и комментарии. А картина Давида, на которой были изображены молодые и красивые супруги Лавуазье, висела в ее гостиной на самом видном месте, напоминая о времени, когда она была счастлива...

Мария-Анна умерла в 1836 году. Шедевр Давида по наследству попал

в руки ее внучатой племянницы графини де Шазель и украшал ее фамильный замок до 1924 года, пока потомки графини, которым понадобились деньги, не продали картину американцу, миллиардеру Джону Рокфеллеру. В 1977 году Метрополитен-музей купил ее у семейства Рокфеллеров. С тех пор шедевр Давида — одна из жемчужин коллекции музея.

А совсем недавно о картине вновь заговорили. Оказалось, что она скрывает поразительные секреты...

В 2019 году картину отправили на плановую реставрацию. Задача была довольно тривиальная — снять старый лак. Но в процессе работы, при использовании целого комплекса современных физических методов, обнаружилось, что под красочным слоем скрывается неизвестная композиция. Она кардинальным образом меняла представления о замысле Давида и всей картине.

Оказывается, поначалу Давид изобразил Лавуазье и его жену не как представителей научной интеллигенции, интеллектуалов, а как господ из высшего парижского света. По первоначальному замыслу художника на картине должен был быть изысканный стол с позолоченным фризом, покрытый красной бархатной скатертью, и три свитка бумаги — это показывало положение Лавуазье как генерального откупщика. Туалет Марии-Анны завершала роскошная шляпка с перьями, украшенная лентами и искусственными цветами. На картине не было никаких пробирок, химических приборов и посуды.

Но потом художник убрал шляпку с головки Марии-Анны, написал реторты и колбы, и на картине появились ученый Лавуазье и его скромная жена-помощница. По-видимому, эти изменения были внесены Давидом незадолго до начала Французской революции, в 1789 году, и сделаны были, скорее всего, по просьбе самих Лавуазье. И художник, и ученый, и его мудрая жена понимали, что обстановка в стране быстро меняется, и что откупщики и вообще богатые люди вызывают ненависть простого народа. Парижане хорошо помнили, что это именно Лавуазье предложил построить вокруг Парижа стену, мешавшую контрабанде и сбору налогов. Простому человеку было наплевать на его научные заслуги, а вот налоги платить никому не хочется. В общем, Лавуазье парижане не любили. А уж когда он в 1789 году приказал вынести из Арсенала большое количество бочек с порохом, дабы они не попали в руки парижан, начались беспорядки, и ненависть к нему еще больше возросла.

Мотивация Давида, изменившего первоначальную композицию, и супругов Лавуазье ясна. Самоцензура в культуре была во все времена; политика вторгалась в искусство и диктовала свои требования...

Но, так или иначе, шедевр Давида, в его нынешней версии, остается шедевром, созданным настоящим мастером, а еще — прекрасным памятником великому ученому и бурной эпохе, в которой он жил и совершал открытия, обеспечившие ему славу отца современной химии. □

Евгения Гордиенко

Ефим Копелян

на сцене, в кадре и за кадром

После премьеры картины «Семнадцать мгновений весны» критики писали, что удачный ход Татьяны Лиозновой с закадровым голосом принес ленте больше половины успеха. Вот только это был не ход, а живой человек, чей голос стал голосом спокойной мысли, ровным метрономом любимого фильма, — Ефим Захарович Копелян, к которому после успеха «Мгновений...» приклеилось отчество «Закадрович»...

Ефим Копелян родился 12 апреля 1912 года в городе Речица, в Белоруссии, в зажиточной еврейской семье, владевшей лесозаготовительным заводом, который поставлял древесину государственным ведомствам Российской империи. Отец —

Залман Давидович Копелян — занимался семейным делом. Мать — Мария Мордуховна Френкель, дочь крупного промышленника, — занималась воспитанием шестерых детей.

Несмотря на то, что семейное дело отнимало много времени, Залман

Копелян не забывал о своем увлечении — он очень любил рисовать и любовь эту привил своим детям. Старший брат Ефима — Исаак — стал художником, а сам будущий артист мечтал стать архитектором.

Разумеется, после революции ни завода, ни другого имущества у семьи не осталось. Не стало даже дома — приходилось жить на съемной квартире. Всем нужно было зарабатывать, и Ефим устроился в местный кинотеатр художником: оформлять афиши кинофильмов.

После окончания школы, в 1929 году, он уехал в Ленинград, чтобы исполнить свою мечту и поступить в художественное училище, но провалился на экзаменах и, чтобы дожидаться следующего года, работал токарем на заводе «Красный путиловец». Через год Ефим все же поступил в Институт пролетарского изобразительного искусства (сейчас — Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина), где уже учились два его брата. Как и мечталось, он попал на архитектурное отделение.

Денег студенту, конечно, не хватало, и по совету однокурсников Копелян отправился в Большой драматический театр, где набирали актеров массовки и платили им за участие в постановках. Оказавшись на сцене, он сразу понял — это любовь на всю жизнь. Ему так понравилось играть в театре, что через два года он бросил институт, чтобы поступить в студию при БДТ. Преподавал Ефиму художественный руководитель театра и его

главный режиссер Константин Тверской. У него была разработана собственная система оценок: Богу полагалась пятерка, самому Тверскому — четверка, а наиболее способный ученик мог удостоиться тройки. Копелян «взломал систему» и получил у Тверского пятерку. А вскоре худрук пригласил его сыграть лорда Грея в своем спектакле «Жизнь и смерть короля Ричарда III».

На дипломном спектакле Копеляна — «Свои люди, сочтемся» по Островскому — присутствовал основатель БДТ Николай Монахов. Он сказал об артисте: «Ну что ж, лет через двадцать будет актер». Так и вышло.

По окончании студии Копелян был сразу принят в основную труппу БДТ. Играл он много, но главных ролей не получал. Среди спектаклей тех лет с его участием — «Король Лир», «Дума о Британке», «Царь Потап».

С началом Великой Отечественной войны труппу БДТ отправили в Киров, однако Копелян отказался эвакуироваться. Оставшись в Ленинграде, он записался добровольцем в армию, но ему предложили работать в Театре народного ополчения и выступать с концертами и спектаклями перед бойцами. Даже под обстрелами театр не прекращал свою работу. Если кто-то из участников агитбригады оказывался убитым, выжившие буквально на ходу переделывали программу выступления. Копеляну повезло: он даже ни разу не был ранен. В 1944 году за работу в Театре народного ополчения актеру вручили медаль «За оборону Ленингра-

да». По окончании войны театр был расформирован, а Ефим Захарович был восстановлен в труппе вернувшегося из эвакуации БДТ.

В 1956 году в театре сменилась власть, и новым художественным руководителем стал Георгий Товстоногов. Многим артистам было указано на дверь, но Ефим Копелян остался в труппе. И стал получать роли. Сам актер говорил: «Меня сделал Товстоногов. До сорока моих лет считалось, что у меня нет ни внешности, ни голоса, ни темперамента. И вдруг все это откуда-то нашлось». Как тут не вспомнить пророчество Монахова?

Он играл и в «Горе от ума», и в «Трех сестрах», и в новых спектаклях — «Прошлым летом в Чулимске», «Пять вечеров». Его манеру игры называли сдержанной, лаконичной, он не переигрывал и мог молчать гораздо более многозначительно, нежели иной актер

говорил. Сразу вспоминается молчание Штирлица, который и молчал голосом Копеляна. Из-за этой молчаливой манеры актера часто сравнивали с французом Жаном Габеном.

В кино Ефим Захарович начал сниматься еще в 1930-х. Его первой работой стала роль балалаечника в картине «Ошибка героя». Но по-настоящему кинематографисты заметили Копеляна в 1955 году. В детском фильме «Старик Хоттабыч» он появился в роли бурового мастера Джафара Али Мухаммедова, с которым пионеры и джинн встретились в санатории.

После этой колоритной роли стали понемногу предлагать и другие. В основном — белогвардейцы, враги революции, негодяи и преступники. И только потом уже — с возрастом — купцы и министры: Морозов в картине «Николай Бауман», Лорис-Меликов в «Софье Перовской».

Слева:

«Неуловимые мстители»

«Соломенная шляпка»

Он снялся во многих фильмах, чаще — во второстепенных ролях или в эпизодах: «До свидания, мальчики!», «713-й просит посадку», «Интервенция». В «Неуловимых мстителях» ему досталась роль атамана Бурнаша — предводителя анархистов. Его он тоже сыграл в своей ироничной манере и почти без эмоций. Казалось, что его атаман не охотится за неуловимыми мстителями, а подшучивает над ними. После «Неуловимых...» его стали узнавать на улицах, а детвора, желая одолеть Бурнаша, забрасывала актера снежками.

Но Копелян не сразу стал Бурнашом. Изначально ему предложили сыграть Лютого. Но Ролан Быков отказался от роли атамана, и она перешла к Копеляну. Лютого же сыграл Владимир Трещалов.

Премьера первого советского «вестерна», как говорили о «Неулови-

мых», состоялась в 1967 году. Картину посмотрели почти 55 миллионов зрителей. На волне этого успеха режиссер Эдмонд Кеосаян решил снять продолжение. Через год на экраны вышла лента «Новые приключения неуловимых», а спустя еще пару лет — «Корона Российской Империи, или Снова Неуловимые». Бурнаша в обеих картинах сыграл Ефим Копелян.

Стоит отвлечься здесь на фамилию актера, тем более что с отчеством Залманович-Захарович-Закадрович уже все более или менее понятно.

Несмотря на явно армянскую фамилию, Ефим Копелян к Армении не имел никакого отношения. Как рассказывал сам актер, когда-то его предки носили традиционную еврейскую фамилию Каплан, которая со временем по непонятным причинам трансформировалась сначала в Капелян, а потом и в Копелян, приблизив

«Сон»

Справа:
«Ошибка
резидента»

его к армянам. Это порой вызывало недопонимание, а то и вовсе приводило к курьезным случаям.

Так, в 1957 году на киностудии «Арменфильм» возникла мысль снять фильм-трилогию о жизни известного армянского революционера Камо (Тер-Петросяна). Узнав об этом, руководство республики выдвинуло требование — играть Камо должен только армянин. Поэтому режиссеры и пригласили... Ефима Копеляна.

Ничего не подозревающий актер прибыл в Ереван, успешно прошел пробы и был практически утвержден на роль, когда внезапно выяснилось, что он никакой не армянин, а еврей. И руководство студии, выразив огромное сожаление, отказало Копеляну.

Когда снимали «Семнадцать мгновений весны», Татьяна Лиознова сначала хотела дать Копеляну небольшую роль, но в итоге отказалась от

этой мысли и дала, по сути, роль главную — голоса Штирлица. *«Работать с ним было настоящим наслаждением. Он приезжал и, хотя был только что с поезда, всегда успевал побриться и переодеться в белоснежную рубашку, ни разу не изменил себе. Мы стали соратниками. Его голос звучит так, будто он знает больше, чем говорит...»* — вспоминала Лиознова.

Через год после выхода картины Копелян был удостоен звания Народный артист СССР. А в 1976 году за чтение авторского текста за кадром ему присудили Государственную премию РСФСР имени братьев Васильевых. Но получить ее он уже не успел...

Ефим Захарович был женат дважды. Со своей первой женой, тоже актрисой, Татьяной Певцовой, он познакомился в середине 1930-х. Пара прожила в браке пять лет и рассталась незадолго до войны, в 1940 году.

Но уже вскоре артист женился вновь. Его избранницей стала юная — ей было всего 19 лет — актриса Людмила Макарова. Они поженились в мае 1941 года, перед самой войной. Несмотря на разницу в возрасте, супруги прожили вместе более 30 лет. Макарова впоследствии вспоминала: «Мы... дома никогда не были актером и актрисой — не вели творческие споры и дискуссии, не обсуждали роли друг друга. Конечно же, следили друг за другом, но издали, ненавязчиво. Я улавливала тончайшие нюансы его настроения — видела, например, что он смущается. Никто не замечал, а я понимала: что-то его здесь задело! В нашей жизни вообще не было ничего театрального или показного. Так, Фима никогда не проявлял ко мне нежности на людях, был очень застенчивым. Когда я была беременной, стеснялся ходить со мной рядом, го-

ворил: "Я чувствую себя быком-осеменителем!" Муж во всем умел находить смешное, и это нам очень облегчало жизнь».

Несмотря на свою сдержанность, Ефим Захарович был обаятелен и умел ладить с людьми. И хотя его обожали поклонницы, он никогда не давал жене повода для ревности и всегда был верен семье. «С годами Фима становился все красивее и красивее — как говорят в народе, заматерел. Ему очень шла седина. Конечно, кино не могло пройти мимо такого мужчины. Ему стали предлагать роли купцов, промышленников, помещиков и других значительных личностей», — говорила Людмила Макарова.

В 1948 году у пары родился сын Кирилл, тоже ставший актером. Судьба его во многом трагична: когда его карьера находилась на пике, произошел несчастный случай, его сильно

«Старик Хоттабыч»

избили на улице, и он долго находился в коме. После частичного выздоровления остался инвалидом, по этой причине не смог завести семью и детей. Он умер в возрасте всего 57 лет.

Поскольку сам Ефим Захарович приобрел известность уже после 40 лет, то соглашался на все предложения, считал, что пока предлагают — надо соглашаться. Он сам говорил: *«Я до сорока лет в театре за кулисами в домино играл и никому не был нужен. Отдыхал. А теперь наверстываю упущенное»*. На съемки он часто ездил из Ленинграда в Москву ночным поездом. Из-за этого здоровье артиста стало слабеть, у него начались проблемы с сердцем.

После первого инфаркта он выкарабкался, более-менее восстановился и вернулся как на сцену, так и на съемочную площадку. А вот от второго уже не смог оправиться.

Накануне премьеры спектакля «Три мешка сорной пшеницы» в БДТ актер почувствовал себя плохо и попал в больницу. Людмила Макарова просила мужа оставить работу, но он говорил: *«Пока во мне нуждаются, буду играть»*. Но согласился отправиться в санаторий в Мельничном Ручье, чтобы немного поправить здоровье. 6 марта ему стало плохо, но, к сожалению, из-за праздника в санатории было мало врачей, и помочь ему не смогли.

Людмила, навещала его в этот день, заметила, что он неважно выглядит. Она стала уговаривать мужа вернуться в Ленинград, но тот отмахнулся: *«До конца лечения немножко осталось, я доживу здесь, сейчас пообедаю, отдохну»*. Она уехала домой, а, когда добралась, у своего подъезда увидела почти всю труппу БДТ. *«Я глянула на Стржельчика. Он стоял молча, весь какой-»*

**«Вечный
звезда»**

то... И я все поняла...» — вспоминала Макарова.

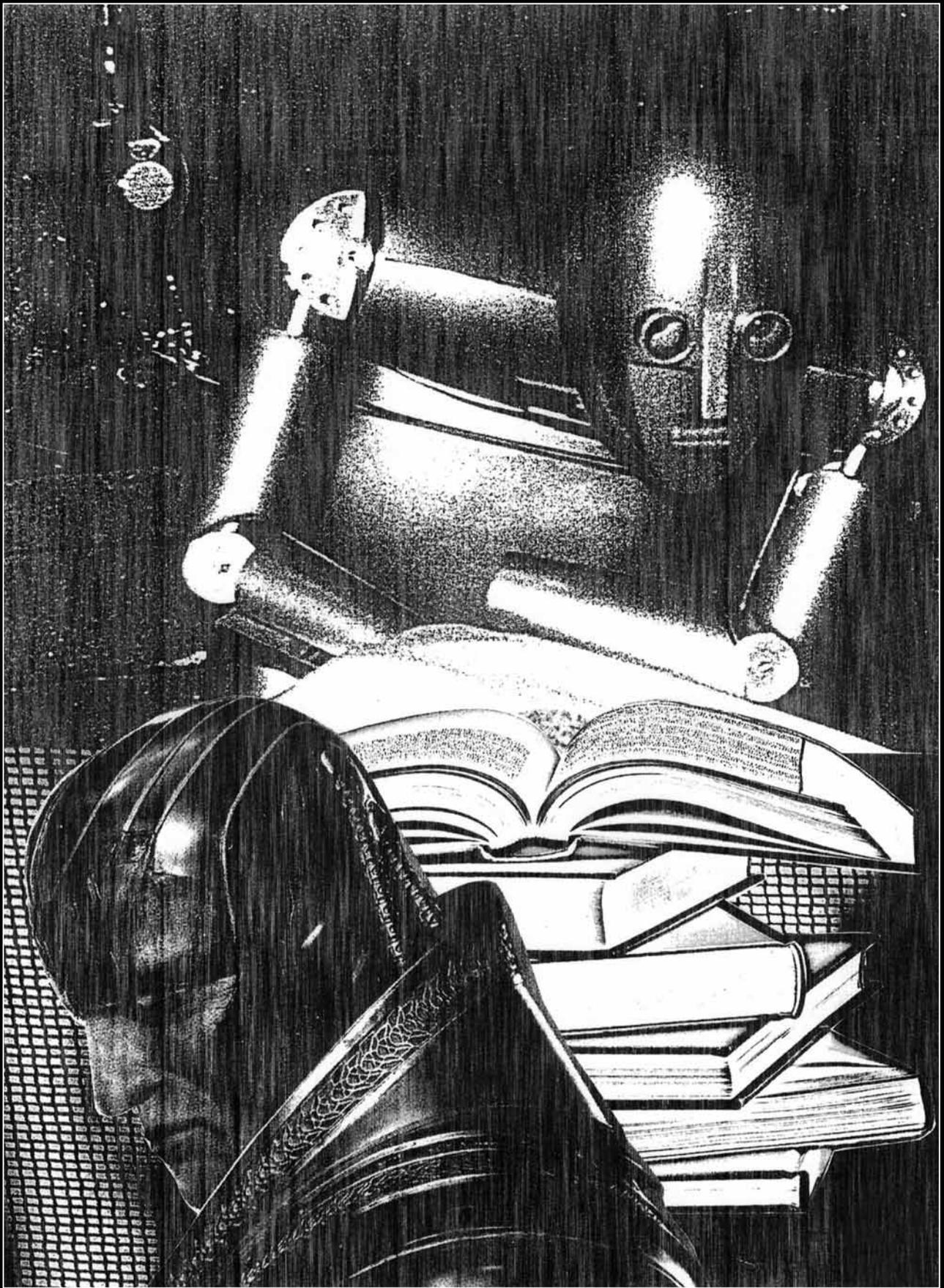
В Ленинграде Ефим Захарович жил в доме №47 по улице Бассейной, ставшей известной благодаря Маршаку. Копелян однажды пошутил: «Вы, Самуил Яковлевич, не правы. Рассеянных на своей улице я не встречал. Может, это вы про меня написали, когда мне 95 стукнет?» Но актер дожил, к сожалению, только до 62 лет.

Одной из последних его ролей в кино стал Кафтанов в «Вечном зове». Владимир Краснопольский, один из режиссеров картины, вспоминал о Ефиме Захаровиче: «Это был человек, который всегда улыбался. У него была какая-то совершенно магическая улыбка — в усы. И добрейшие глаза, светившиеся дружелюбием, они будто озаряли все вокруг. Создавалось впечатление, что даже стоявшие на площадке осветительные приборы начинали гореть ярче — с ним к

нам приходила радость творчества... В то время в кино существовала традиция: негативного героя — белогвардейца или кулака — обязательно должен играть очень неприятный человек с отталкивающей внешностью. Мы на роли кулаков приглашали интересных, в том числе и внешне, актеров. Исходили из того, что это люди не только со своей биографией, порой трагической, но и собственной философией — они боролись за то, что считали правильным. И Кафтанов был именно таким героем, поэтому кандидатуру Копеляна пришлось отстаивать».

Когда Георгий Товстоногов узнал о смерти артиста, он сказал: «Из театра ушла совесть...»

Похоронили Ефима Захаровича Копеляна на Волковском кладбище Санкт-Петербурга. В 2012 году, к столетию артиста, были выпущены почтовые марки с его изображением. □

Ольга Александрова

СЧАСТЬЕ РОБОТА

*Пожарные, которые разжигают пожары,
книги, которые запрещено читать,
и люди, которые уже почти перестали
быть людьми...*

Рэй Брэдбери
«451° по Фаренгейту»

«Третий том. Страница 689. Дата написания — 1880 год. Источник: А.П. Чехов. Полное собрание сочинений. Добавлено в библиотеку: 02.03.2023 г.»

Он закрыл формуляр и посмотрел на стеллаж. Появилась немного мутная картинка и перед глазами строка «Ошибка 404». Так было всякий раз, когда он пытался вспомнить, как та или иная книга попала к ним в Хранилище. Книги здесь были отсортированы не только по жанрам и авторам, но даже по некоторым хронологическим событиям.

Например, в правом крыле Хранилища размещались тома, посвященные событиям 2001 года, когда два самолета врезались в 110-этажные башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, третий самолет рухнул на здание министерства обороны США в Вашингтоне, а четвертый упал в 80-ти милях от города Питсбург. Четыре спланированные террористические атаки описывались многими авторами, и их воспоминания заняли почти несколько стеллажей в два ряда. Вообще «террористические атаки» по популярности поиска стояли на втором месте, после запроса «любовные романы».

Год 2004 и обложки со штурмом школы, как ни странно, но даже вот такие эмоциональные издания не вызывали в нем никаких откликов. Он просто молча перебирал корешки, выставляя их по датам, вытаскивал, смотрел на обложку с детскими плачущими мордашками, и ни одна слезинка не появлялась в его глазах. Конечно, это слишком образно, но, даже опустив факт, что он физически не мог плакать, как быть с ощущениями? Их тоже не было. Он не помнил и того, как оказался тут — просто в один

из дней осознал себя стоящим перед стеллажами, и протягивающим металлические клешни к бумажным кирпичикам. Он лишь знал, что делать это нужно очень аккуратно, дабы не повредить переплет и без того прохудившихся книг. Некоторые были так сильно попорчены, словно их кто-то намеренно держал в огне, а были и с абсолютно выцветшими от воды буквами. Он знал, что умеет читать, ему были знакомы символы, которые он хорошо различал. Он мог видеть и картинки в некоторых книгах, но испытывать ту или иную эмоцию не умел. Его стальные пальцы перебирали книги монотонным и безучастным процессом погружения в работу. Он не уставал и не испытывал необходимости прерываться. Он бы и работал вот так, безустанно и безостановочно, пока не приходил Старший по Хранилищу и не выкрикивал его имя: «Две тысячи двести десятый! Твоя смена закончена, можешь отправляться на склад».

2210 съезжал на своих выдвигаемых металлических ногах вниз, задвигал назад полки стеллажей, закрывал формуляр с описанием книг и отправлялся на склад, где вместе с такими же рабочими Хранилища пребывал до следующего дня. Из всего необходимого для нормального жизнеобеспечения ему было нужно только иногда подключать себя к сети и подпитываться энергией. Такую роскошь, как отдельную розетку, ему никто не предоставлял, а так как рабочих было много, а розеток всего две, случалось так, что иногда 2210 стоял незаряженным, пока в его чиповый отсек не вставляли клемму и не заряжали. Старший по Хранилищу выдавал формуляры перед каждой сменой, а после окончания смены забирал. Формуляры ходили между рабочими и иногда попадали через несколько металлических рук к нему только через какое-то время. Время здесь тоже нельзя было определить, как и дни, как и месяцы. Он не понимал и не задавался вопросом. Лишь однажды подняв голову в зале, где хранились особо ценные книги в красном и очень мягком на ощупь материале, с буквами Э Н Ц И К Л О П Е Д И Я, он обратил внимание на облака, которые проплывали над прозрачным куполом Хранилища. 2210 на мгновение задержался и словно вспомнил что-то, какие-то обрывки картинок снова пытались пробиться через воспоминания. Ему виделись белые облака, качающиеся зеленые великаны, теплый воздух и запахи... Только он не мог их вспомнить, да особо и не пытался, так как давно уже определил для себя, что его задача — правильно разнести книги по стеллажам и так же аккуратно вписать вновь прибывшие в формуляр, а не мучиться вопросом, зачем и для чего ведутся эти отчеты, и кому они нужны, эти все бумажные книги... Некоторые-то и книгами было назвать нельзя, так, остатки, отдельные листочки, обрывки. Но кому-то это было нужно. Кто-то считал эти обрывки жемчужинами и бережно их собирал в Хранилище книг.

2210 сегодня работал в паре. Он иногда мельком поглядывал на второго работника и только замечал, что у того были не такие металлические клешни, а обтянутые кожей руки. И голова не покатая, как его железное яйцо, а с небольшой шевелюрой. Работник доставал книгу, так же, как и 2210, открывал, переписывал данные в формуляр, ставил книгу назад на стеллаж, спускался с лестницы и переходил на новый стеллаж. Он делал почти ту же работу, только после него, как уже успел заметить 2210, иногда за какой-нибудь книгой спускался сверху крюк, подцеплял бумажный кирпичик и утягивал наверх. Опять же 2210 не задавался вопросом, почему и куда забирают эти книги, и почему их переписывает этот работник. Лишь однажды они, ухватившись за одну книгу, смогли пообщаться:

— Куда ты уцепился? — спросил напарник. — 2210 одернул свою металлическую клешню и замер. — Не видишь, что ли, что я уже взял эту бесполезность.

— Рассказ. Что чаще всего встречается в романах, повестях и тому подобном? А.П.Чехов. 1880 год. Я внес его в формуляр. — 2210 открыл формуляр и прочитал:— Дата внесения — второе марта, две тысячи двадцать третий год.

— Да, да... — Не обращая на него внимания, работник делал записи в своем формуляре. — Книжонка, которая утратила свою актуальность в связи отсутствием необходимости писать.

— Если книги нужны для необходимости их читать, значит, должна быть необходимость их писать. Разве не так? — удивился 2210.

— Для металлической болванки ты задаешь слишком много ненужных вопросов. Тебя же вроде должны были запрограммировать исключительно на выполнение стандартной работы.

— Да. Найти подходящее место по систематизации для книги. Разместить книгу на полке на подходящем стеллаже. Описать ее в формуляре под подходящими данными.

— Именно. Только вот вопросы ты задаешь какие-то неподходящие.

2210 больше ничего не говорил. В его функции не входило задаваться вопросами, даже если он предполагал какую-то неправильность в действии. Пусть даже он ничего не понимал, но запись, сделанная им не так давно, говорила о том, что книга была нужной. А теперь вот этот кожанный вдруг заявляет, что она бесполезная. И что означает эта фраза «отсутствие необходимости писать»? Разве больше никто не пишет книг? Тогда как они попадают сюда? Откуда? Кто их пишет? Его металлическая голова расширялась от вопросов, на которые он никогда не получит ответов — ведь он просто механическая единица, выполняющая операции с другими такими же единицами.

Сегодня они снова разбирали книги в паре, так оказалось, что их смены каким-то образом вновь совпали. Они не мешали друг другу, но 2210 все же по-прежнему тайком наблюдал за тем, какие книги достаются и изымаются. Кожаный заметил этот внимательный взгляд металлической болванки и усмехнулся:

— Снова наблюдаешь за мной? Думаешь, если ты следишь, то можешь как-то спасти их?

— А зачем их спасать? Разве туда, куда они отправляются, им делают больно?

— Ха-ха... — Кожаный достал книгу и прочитал то, что было написано на обложке «Дзен в искусстве написания книг. Автор Рэй Брэдбери. Год издания две тысячи двадцатый».

— О чем она? — внезапно поинтересовался 2210.

— Она о писателях, — ответил Кожаный и, выдержав паузу, добавил: — и о том, как писать.

— Но разве это не важно — «О том, как писать», — спросил 2210.

— Уже нет. Никому сейчас не нужно писать, да и писателей не осталось. Все перешло в джигитал-управление. Все книги создаются нейронкой, все иллюстрации рисуются дриимерами, все выгружается на онлайн-платформы, и читатели имеют доступ к любой книге, справочнику, энциклопедии или каким-то исследовательским работам прямо тут, в нашем Хранилище.

— Что же произошло с писателями?

— Их больше нет. Вернее, нет тех, кого можно считать писателями в оригинальном варианте этого слова.

— Почему же?

— Они больше не нужны — Кожаный как-то с сожалением посмотрел на книги и резко бросил: — Давай-ка по-деловому, слишком много ты рассуждаешь, когда нужно заниматься делом.

2210 вернулся к своему монотонному перебиранию книг, но фраза «их больше нет» вертелась в его металлической голове и не давала сосредоточиться на работе. Если нет писателей, если никто больше ничего не пишет, то как люди продолжают узнавать что-то? Как они понимают, что идет дождь или дует ветер? Как вообще нейронка может передать чувства и ощущения? Вот он — металлическая болванка, он не может даже описать стеллаж, который перед ним, кроме как строго оцифрованными данными: «деревянная конструкция высотой в два с половиной метра, шириной три с половиной метра, с деревянными перегородками, темно-коричневого цвета». Но будет ли это полным описанием без ощущения?

С чем связаны воспоминания об этом стеллаже? И словно где-то сработало кодовое слово, у него снова возникло изображение. На экране был шкаф, это точно был шкаф с прозрачными дверцами и металлическими, такими же, как и его клешни, ручками. А внутри были книги, разного размера, разных цветов, но от них одинаково пахло чем-то приятным, отчего хотелось улыбаться. Воспоминания тесно связаны с запахами. Он точно знал, что не всегда был такой вот «болванкой». Что он где-то жил и чем-то занимался, прежде чем оказаться здесь, в Хранилище. Но чем именно занимался, и какие были его обязанности до перебирания книг, он никак не мог вспомнить. Все его попытки насильно стимулировать воспоминания заканчивались провалом. Они не поддавались механическому принуждению и возникали спонтанно, словно замыкало свет, а лампочка еще какое-то время продолжала выдавать импульсы. Он хотел снова ощутить запахи, ему было интересно вернуться в свои мысли. Но из этого благостного состояния его выдернул окрик Старшего по Хранилищу.

— Две тысячи двести десятый! Следуй за мной!

Кожаный, не повернув головы, продолжал выдвигать книги, записывать и даже не смотреть, когда за очередной «неподходящей» спускался сверху крюк. «Интересно, а чувствует ли он что-то? Вроде бы у него с ощущениями все в порядке, и он должен испытывать хоть какие-то эмоции», — размышлял 2210, пока двигался следом за Старшим по Хранилищу. Они проезжали огромные залы, где под потолок стояли книжные великаны с полками, забитыми сверху донизу бумажными кирпичиками. И, как в его воспоминаниях, здесь тоже были разные по цветам, размерам и, наверное, по запахам тоже. Книги перебирали такие же металлические пальцы, также шелестели страницы. Также вносились записи в формуляры и также сверху кое-где болтались крюки в ожидании подцепить очередную «неподходящую книгу».

2210 вошел вслед за Старшим в помещение, ничем на первый взгляд не отличающееся от тех, в которых он уже был. Такие же стеллажи под потолок с такими же книгами... и только подойдя ближе, он увидел, что на этих книгах стояли отметки, словно они уже где-то и кем-то были отмечены. Он успел заметить на одной буквы «КБ-879. Район Климино-Центральное. Отдел — научная литература».

— Ты будешь работать здесь. Задачи такие же. Вносишь названия и годы издания в формуляр и в конце рабочего дня сдаешь формуляр. Все ясно?

— Да, — ответил 2210 и, повернув голову за выходящим из помещения Старшим по Хранилищу, вернулся к осмотру изданий.

Некоторые «кирпичики» были не просто пообтесаны, или с оторванными листами, от них, казалось, пахло чем-то мрачным. Он выдвинул книгу с зеленой обложкой и отметкой «КНИЖНАЯ БИБЛИОТЕКА КАФЕДРА БИОЛОГИИ» и, прочитав, перенес буквы к себе в формуляр: «поведение животных автор чарльз дарвин год 1965». Он уставился на цифру — 1965, это так давно, что, кажется, будто бы книга пролежала где-то очень долго. Так оно, наверное, и было, подумал 2210 и открыл ее. На первой странице в самом верхнем углу были еще буквы, но эта запись была более изящной, с волнистыми линиями, и ему удалось прочитать «моему другу на память от глубоководного ебя преподавателя крепко обнимаю год 1999». Он вдруг ощутил, что от этой записи тоже делается как-то очень приятно и даже хочется улыбнуться. Он начал листать: практически на каждой странице буквы в несколько рядов подчеркивались линиями бурого цвета, а кое-где появлялись знаки «!» или «!!» Некоторые строчки обрамлялись по кругу квадратиком также бурового цвета. Он листал страницы, и, чем дальше, тем больше ему хотелось прижать эту книгу к себе, словно она была чем-то ему понятным. Витиеватые буквы встречались и на пустых местах в книге, чаще справа или внизу. Они были отдельными фразами или в несколько строчек, некоторые он прочитал с трудом, так как книга эта была местами сильно обожжена... «сверить с исследованиями ученых из швейцарской лаборатории за август»... «найти опыты с поведением пчел»... Эти все записи были сделаны почти до самого конца книги.

2210 вдруг снова увидел картинку — теперь уже более отчетливо. Та же комната, тот же стеллаж, те же книги. Но он уже понимал, о чем эта книга. Он знал, какие чувства в ней описываются, посмотрев на название «Преступление и наказание. Ф.М. Достоевский. Роман в шести частях с эпилогом». Он ощутил сырость и боль, чувствовал запахи старых подъездов, видел серые дома, слышал плач и крики. Осуждал и прощал... Определенно, эта книга была ему знакома, он читал ее раньше и теперь не только знал, что в ней написано, но самое главное — он это чувствовал. Ему были узнаваемы и другие книги, стоящие ровными рядами с большими буквами на них ЖЮЛЬ ВЕРН... ЧЕХОВ... ГЮГО... РЕМАРК... ТОЛСТОЙ... Его сознание словно узнавало все заново. Он застыл с открытым изданием и, посмотрев на изящные буквы, ощутил человека, который их делал, понял, насколько важна была для него эта книга, и с какой жадностью он буквально заглатывал прочитанное и размышлял... Тут 2210 вспомнил слова кожаного: «Они больше не нужны». Но теперь он воспринимал это по-

другому: писатель — это тот, кто направляет мысли, тот, кто нужен человеку для формулирования своих размышлений, даже если они будут спорными или витиеватыми, как на страницах этого вот потрепанного и опаленного издания. Он понимал, что судьба этой книги будет такой же, как и у некоторых других: спустится сверху крюк, и ее утащат...

2210 закрыл формуляр и запустил внутри себя Панель Управления в программе «Запись». Создал директорию «Сохранить» и активировал режим «Сканировать». Он не анализировал, почему вдруг возникло это желание, и откуда он вообще узнал, что обладает такой способностью. В его системе была встроенная функция переноса содержания книг с бумажного носителя на электронный. Эта директива была условно-закрытой и включалась только в тех случаях, когда сохранность книги в бумажном виде была уже невозможной. А так как такие книги тут иногда попадались, то 2210 знал, как запускать такие операции. По предписанию, он сам должен был оценить, какой урон нанесен книге, и с какой вероятностью она будет окончательно испорчена со временем. Чтобы сохранить книгу, ему нужно было только «отсканировать» ее содержание к себе в память. 2210 снова перевернул книгу на первую страницу, где было написано «п о в е д е н и е ж и в о т н ы х а в т о р ч а р л ь з д а р в и н г о д 1 9 6 5», и начал сканирование. Через 20 минут, перенеся буквы с последней страницы, он закрыл книгу и поставил ее назад на полку.

Теперь у 2210 была важная задача: делать этот перенос никому не заметным, чтобы «сохранить» как можно больше книг, чтобы спасти их от уничтожения. Иногда то, что мы внезапно осознаем, и становится нашим самым важным делом. 2210 работал с большим напряжением. Он уже не концентрировался, как раньше, на своих внутренних ощущениях. Для него внезапно важным стало, что именно таким вот образом — сохраняя «ценный экземпляр», он спасает книгу и приносит пользу для других. Разве мы разбираемся в оценке ценности, когда нам кажется, что то, что мы делаем, важно? Нет. Мы просто продолжаем делать то, что нам кажется важным. Просто в какой-то момент включается программа внутри нашего организма, пусть даже и вот такого механического, направляющая деятельность в «подходящую» сторону.

Со стороны было незаметно, что с 2210 происходит что-то не то, он активно вносил записи в формуляр, ничем не привлекая к себе внимание. Изредка задерживался с какой-то книгой, словно дольше читал содержащуюся в ней информацию. Медленно пролистывал страницу за страницей, и, дойдя до последней, закрывал и убирал ее. Невозможно было понять,

даже если бы рядом с ним кто-то находился в этот момент, какую эмоцию он испытывает. Радость — вот, что чувствовал 2210-й. Он понимал, что эта эмоция — светлого, теплого и очень близкого для него ощущения. Воспоминания иногда возникали еще, но все они носили обрывочный характер. Ему также виделись стеллажи, стоящие в них книги, иногда он понимал содержание и мог ощутить характер людей, которые в них описывались. Его больше ничего не напрягало, кроме одного: он старался не пропустить ни одной книги, явно намереваясь перенести их как можно больше в свою систему.

Сегодня они снова работали вместе с кожаным, его перевели еще вчера, и он снова выписывал книги, за которыми спускался сверху крюк. Но теперь уже металлическая болванка не высказывал никакого сожаления и ничем не отвлекал на свои глупенькие вопросы про глупенькие книжонки.

2210 перешел на новый стеллаж и, проводя записи, внезапно снова ощутил, что книга, которую он держит своими металлическими клешнями, возможно, ценна или даже важна. Он перенес запись в формуляр: «как появилась жизнь на земле автор стивен хокинг год 1 9 8 8», и открыл первую страницу. На ней, как и на всех последующих, были размашистые буквы в одну и кое-где в две строки: «почему мы здесь? выживем ли мы? спасут ли нас технологии или уничтожат?» 2210 листал страницу за страницей, перенося книгу к себе, и так увлекся, что даже не заметил, как кожаный уже минут десять наблюдает за ним. Закрыв книгу и поставив ее на место, он вдруг увидел, как кисть кожаного опустилась на его металлическое плечо:

— Ничего не хочешь рассказать?

— Нет, — отбросив кисть, 2210 потянулся за новой книгой.

— Ты ведь понимаешь, что рано или поздно все поймут. Если я увидел, как ты сканируешь книги, то и Старший это увидит.

— Ну и что? Меня уничтожат, как и эти книги?

— Ты не представляешь никакой особой ценности, а вот то, что ты просканировал к себе, — представляет... Только зачем ты это делаешь? И, главное, для кого?

— Ну, мы же вот это все, — 2210-й обвел своей металлической рукой круг по залу, — для кого-то описываем. Мы для чего-то всех их переносим и сохраняем. Вот и я... сохраняю.

— Ты ничего не понимаешь. — Кожаный снова с сожалением посмотрел вверх, откуда съезжает крюк. — Они все со временем будут уничтожены. Понимаешь? Все. Просто пока еще не все можно передать. Не

все описания и механизмы так называемого «мастерства писательства» знакомы сетке. Вот когда дойдет до полной автоматизации, то все бумажные носители будут уничтожены. Как ненужные пылесборники.

— И даже те, тактильно-необычные, что в зале, где написано «ЭНЦИКЛОПЕДИИ»?

— Да, даже они. Все, что создавалось некогда человеком, теперь имеет возможность создаваться машиной. И для этого не нужно тратить ни времени, ни средств. Просто задавай нужный жанр, и машина сама напишет и «Таинственный остров», и «Горе от ума»...

— Куда уходят наши формуляры? Они ведь тоже бумажные?

— В подвале есть Архив, там хранятся все описи. Они, возможно, тоже, когда-то уничтожатся, но пока мы оставляем исходные данные каждого экземпляра Хранилища, а сами экземпляры уничтожаем.

— Как когда-то уничтожили и меня, да? Я ведь не всегда был такой вот металлической болванкой?

— Вообще-то всегда! — усмехнулся кожаный. Тебя создали, твое имя — 2210. Давай, Карл, включи свою смекалку и предположи, почему у тебя такое имя?

— Я — две тысячи двести десятая созданная модель, и это мой порядковый номер. — Металлическая болванка уставился на книжный стеллаж и вдруг спросил. — Но ведь я чувствую, что знаю их. Эти книги. И эти события в них. И этих героев. Я помню, я и раньше их всех знал.

— Да ничего ты не знал. Это просто иллюзии, картинки, если уж говорить точнее, на которых и строится твоя система. Ты просто учишься чувствовать, как я, ты повторяешь те же эмоции, что и я. Да, ты что-то начинаешь делать лучше, чем я. И у тебя вдруг, как ты думаешь, появляются ощущения, всплывают моменты, которые ты пережил. Но на самом деле, ты как тот ИИ, которого учили писать книги, а он вдруг начал играть в шахматы. Понимаешь? В тебе уже изначально заложены функции повторения и обучения. Ты сам себя обучаешь и сам себя учишь чувствовать. Когда-нибудь, возможно, вы научитесь выражать настоящие эмоции, а не повторять их за нами.

— Я — робот! Я просто робот... имитация жизни.

— Ну давай, пусти еще слезу и спроси меня «Разве робот не сможет написать симфонию?»

— Сможет. И даже нарисовать шедевр.

— Отчасти ты прав. Ведь когда-то твой квадратный предшественник на двух ножках не мог и двух шагов сделать и утыкался в препятствия. Но паратройка заходов, несколько отработанных схем, и вуаля, он уже шагает.

Дело техники, так сказать. Как в биологии в структуре молекулы ДНК, которая описывается в виде формул, присутствует число Пи, так и в писательстве в структуре произведений заложена формула, свой алгоритм.

— Только все с чего-то началось. Когда-то была первая звезда. Был первый человек. И была первая книга. Нулевой экземпляр. Без этого ничего бы у вас не было. Даже нас. С чего-то же все начинается...

— Это все уже не так важно, — нахмурился кожаный. — Важно, что все движется в другом направлении. Мы сейчас больше не создаем что-то новое, а просто повторяем, делаем лучше. Со — вер — шен — ству — ем. Давай-ка дальше повторять то, что мы с тобой делали.

— Ты не хочешь об этом говорить... я понимаю, — кивнул металлической болванкой 2210-й.

— Не вижу смысла. Да. И лучше будет к этому разговору больше не возвращаться. И для меня, и для тебя.

2210-й и не собирался возвращаться. Все, что хотел услышать и понять, он для себя уже понял и услышал. Все, что ощущал, стал чувствовать еще сильнее. И те действия, которые он выполнял, продолжал исправно выполнять: вносил данные книг в формуляр, сохранял содержание книг, теперь уже не только тех, которые чувствовал, но и тех, которые кожаный помечал как «неподходящий экземпляр». Он старался идти по пятам кожаного и не пропускать ни одно его действие. Он так увлекся, что совершенно не думал, что его действия тоже кто-то не пропускает.

Это случилось однажды. Вдруг посреди рабочего дня их рабочий процесс прервался окриком Старшего по Хранилищу.

— Две тысячи двести десятый, на сегодня ты закончил!

2210 не привык удивляться, даже если его время работы только началось. Кожаный тоже стоял безмолвно и смотрел на них. 2210 съехал вниз и последовал за Старшим. Они двигались вдоль длинного коридора, по правую и левую сторону которого были огромные залы. А в залах до потолка стояли огромные стеллажи, сверху и донизу забитые книгами. 2210 смотрел, как много там книг, которые он еще должен успеть спасти, и даже не задумывался, как и кому эти сохраненные экземпляры могут быть важны, но если кто-то считал их ценными тогда, значит, они представляют важность и по сей день, — так он рассуждал.

Старший остановился возле запертой двери, достал ключ и, вставив его в замок, дважды провернул. Толкнул, вошел и прикрыл дверь после того, как внутрь за ним проследовал 2210.

2210 осмотрелся. Ни одного стеллажа с книгами, зато здесь много разных мониторов и как змеи, расползающиеся по полу, провода. Вся комната буквально завалена коробами, коробками и маленькими коробочками. Что находится внутри них, неясно.

Старший открыл один из коробов, и 2210 отпрянул, словно от картин, которые он видел, листая книжку с названием «Убийство на улице Морг» Эдгара Аллана По. Он не понимал, почему там внутри были такие же металлические части, из которых состоял он сам, просто ощутил что-то неприятное, что-то холодное и мрачное. И хотя Старший все время молчал, но 2210 уже знал, что его не просто так сюда привели. Он перебирал все возможные варианты и беспокоился всей своей металлической душой только об одном — как запрятать то, что он успел отсканировать внутри себя, чтобы это никто не нашел и не уничтожил.

Старший тем временем уже включил один из мониторов, и, так же молча подойдя к 2210, вытащил чип питания.

«С чего-то все начинается. И на чем-то все заканчивается» — подумал 2210 и, словно лампочка, погас...

Металлическая конструкция бесцеремонно была сдвинута куда-то к стене, где было место среди такого же хлама железок. Старший, вставив металлический накопитель в компьютер, щелкал, переходя по папкам. Их было сотни. Сотни скопированных и сохраненных металлической болванкой бумажных книг.

Спустя время Старший вытащил накопитель и, немного подумав, написал на нем «забытые книги». Взял накопитель и собирался уже выйти из комнаты, но остановился, посмотрел на запись, потом на металлическое бездыханное тело возле стены, открыл ящик и убрал накопитель внутрь него. Затем поправил свой бейджик и вышел из комнаты, закрыв дверь на ключ.

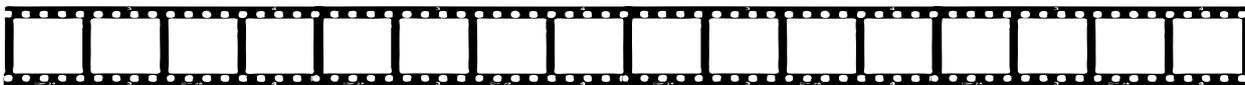
Никто никогда не спрашивал, но совершенно непонятно, зачем носить бейджик, на котором кроме цифры 0 ничего больше не было...

На следующий день в компаньоны к кожаному привезли новенького.

— Две тысячи двести одиннадцатый, — представился он. □

Георгий Кричевский

Возвращение Мастера

Недавно в рамках 46-го Московского международного кинофестиваля состоялся внеконкурсный показ нового фильма маститого отечественного режиссера Владимира Грамматикова по сценарию Андрея Кончаловского «СМОТРИ НА МЕНЯ!».

К этой картине Владимир Александрович Грамматиков шел всю творческую жизнь. И с этим фильмом о подвиге, самоотверженности и любви матери он вернулся на большой экран после почти 20-летнего перерыва. В основе картины — подлинная история семьи самого режиссера, но она еще и дань благодарной памяти всем матерям трудных послевоенных лет. «О, память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной», — скажет великий поэт...

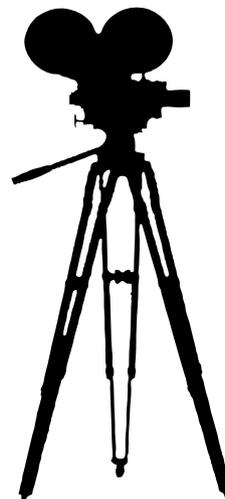

Фото предоставлены кинокомпанией «Централ Партнершип»

Владимир Грамматиков: «Я стремился здесь к максимальному правдоподобию образов, обстановки, духа времени. Для меня это было принципиально важно, а не изысканность кадра, эффектные актерские решения... Вот даже немногие сохранившиеся двухосные товарные вагоны (которые уже давно не используются) продюсеры героически разыскивали по моему требованию в разных уголках страны».

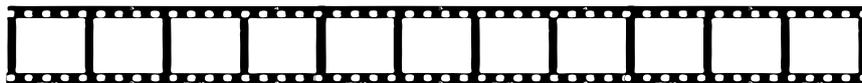
Товарный состав, в котором героиня фильма в голодном сорочке везет из Свердловска в Москву, к канувшему в неизвестность мужу четверых детей

разного возраста, чтобы спасти себя от возможного ареста; так вот этот товарняк становится еще одним выразительным и убедительным персонажем картины, в котором и вокруг которого происходит ее действие.

Более чем трехлетняя работа над тремя различными вариантами сценария с разными авторами увенчалась оригинальной трактовкой темы и сюжета, предложенной в сценарии мэтра современного российского кинематографа А. Кончаловского. А дальше начались вызовы режиссеру-постановщику. И главный — задача снять ретро-драму

*Александра Урсуляк
в роли матери*

одной семьи в замкнутом пространстве движущегося вагона-теплушки. Причем на фоне еще не оправившейся от ран земли, серой толчеи вокзальных перронов и глухих полустанков. «Ищи Россию по вокзалам», — скажет другой, уже советский поэт. А она, наша матушка-Россия, предстает в фильме встреченными матерью с детьми в долгом и трудном пути людскими лицами: добрыми, злыми, всякими...

Владимир Грамматиков не хотел снимать биографический фильм. Он хотел пропеть гимн Матери, но рассказать при этом историю из собственного детства, создать образ собственной удивительной мамы,

той, что, по его словам, «умела любить каждого из детей по-своему». И вот она, оперная певица (в жизни — учительница музыки), распродав все имущество, взяла из дому в добытый ею всеми правдами и неправдами у железнодорожного начальства товарный вагон пианино и патефон с пластинками Карузо, чтобы дети не одичали в дороге. А еще — умудрилась поместить туда же их корову, чтобы у детей в голодном пути было хотя бы свежее молоко.

Так, погруженное в нехитрый поездной быт первых послевоенных лет путешествие через всю страну разлученной с отцом и мужем семьи превращается на экране в

Рабочий момент: Владимир Грамматиков с юными актерами

экзистенциальную драму, в путешествие к надежде, к счастью...

Дети. Их кастинг оказался для постановщика едва ли не самым сложным. Более двух тысяч ребятишек отсмотрел Грамматиков, пока не нашел тех нужных ему четверых — разновозрастных, разнохарактерных, среди которых должен был быть и он, тогдашний. И это

притом, что работа в кино с маленькими актерами является его коньком, ведь в творческом багаже режиссера такие любимые зрителями детские фильмы, как «Усатый нянь», «Шла собака по роялю», да и другие памятные картины с участием подростков.

На вопрос, что было труднее всего на съемках, Владимир Александрович отвечает: «Трудно было все. И снимать в тесном пространстве движущегося товарного вагона. И выводить на железнодорожные пути и перроны под непрерывными дождями прошлогоднего лета юных исполнителей в образе их далеких сверстников из 48-го. И, конечно, создавать бытовую среду и атмосферу первых послевоенных лет, почти не оставивших следа на киноэкране. А ведь годы были весьма своеобразными! Взять тот же сорок восьмой. С одной стороны — радость Победы. А с другой — послевоенные разруха, лишения, нехватка продуктов...»

Традиционный жанр «роуд муви» предполагает особую актерскую энер-

*Герои
фильма
в товарном
вагоне*

гетику, драйв. В фильме «Смотри на меня!» такую энергетику буквально излучает исполнительница главной роли Александра Урсуляк. Без нее, собственно, как признает сам режиссер, не было бы фильма. И по-

нятно, с каким трепетом подходил Владимир Грамматиков к выбору актрисы, которой предстояло связать воедино все сюжетные линии картины, одухотворить ее и воссоздать из кадра в кадр поистине сим-

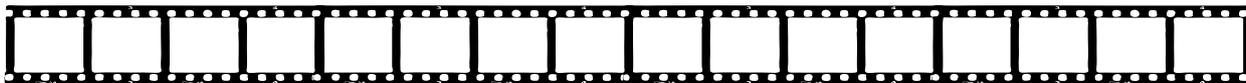
воличную фигуру Матери-защитницы, спасительницы и животворящего источника любви.

Попадание Александры Урсуляк в ее героиню оказалось стопроцентным. И сама она говорит, что это было для нее нечто большее, чем очередная, пусть и очень значительная, роль. Важный этап жизни, новый жизненный опыт. Притом, что режиссер поставил ей непременно

Доброта. Она в основе всего, что передала героиня своим детям, воспитав их собственным примером. Вот, согласитесь, самый действенный способ воспитания! В этом плане нельзя не упомянуть волнующий эпизод, когда Нина Левицкая (так зовут в фильме героиню), страшно рискуя, на несколько часов приютила, накормила и согрела душевным теплом случайно обнаруженную спя-

На короткой остановке поезда старший сын спешно запасается сеном для их коровы

условие — быть с группой весь съемочный период безотлучно. Она приняла это жесткое условие, поменяла планы и по-настоящему сроднилась со своими экранными детьми. А те — с ней. На съемках они действительно выглядели одной дружной семьей. И предельно убедительно перенесли это ощущение на экран.

щей на буферной площадке их «теплушки» во время стоянки в глухом поле беглую «зэчку» в нищенском тряпье. Ее с поразительной силой сыграла Евгения Симонова. Горький, но просветленный ночной разговор двух женщин, объединенных трагической судьбой, дорогого стоит...

«Я отчетливо помню, как это было...» — говорит за кадром, предва-

ря фильм, Владимир Грамматиков. Эти авторские слова — камертон экранного повествования. Они придают ему особую весомость правды, непосредственно сращивают реальность и художественный вымысел. В финале режиссер также добавит от себя: *«Позже, уже в Москве, появилась на свет Галя, и нас, детей, стало пятеро. И эта длинная, непростая дорога привела нас в семью, которая растет и по сей день. У старшего брата родился сын, у других братьев и сестры тоже пошли дети. Я сам — отец двоих сыновей, а теперь уже и дедушка. Недавно вот обзавелся правнуком и долгожданной правнучкой. Семья дает бесконечное продолжение жизни. А я все вспоминаю стук колес нашего поезда и отчаянные глаза мамы...»*

Две недели полного непредвиденных, подчас рискованных моментов пути матери с детьми и коровой в придачу в окутанном паровозным дымом товарном вагоне вместили в себя многое. И два часа фильма держат зрителей в неослабном напряжении.

Заслуга тут, помимо искусных сюжетных ходов, выразительных психологических характеристик сценария и мастерской режиссуры, еще в «нервной» камере оператора-постановщика Алишера Хомидходжаева, не поддавшегося соблазну эффектных ракурсов и панорам, но пристально вглядевшегося на крупных планах в лица, глаза персонажей, в мельчайшие детали того такого далекого от нас вагонно-перронного

быта. Их, эти детали, как и всю колоритную и нелегко воссоздаваемую материальную среду картины, до тонкостей проработала художник-постановщик Мария Турская. А оркестровая музыка Владимира Давыденко, «по-тогдашнему» сопровождающая буквально каждый кадр, дополняет и раскрывает внутренние чувства и переживания героев фильма.

Говорит автор сценария **Андрей Кончаловский**: *«Владимира Александровича Грамматикова я знаю лет шестьдесят, даже больше. И когда он пришел ко мне с идеей писать сценарий фильма, который в какой-то степени является ременисценцией фрагмента его собственной судьбы, мне сам сюжет показался достаточно интересным, и я согласился взяться за него. Я знал, что Володя сумеет снять волнующее, проникновенное кино».*

Кастинг-директор картины **Наталья Дидевич**: *«О том, что это фильм про самого Грамматикова и его семью, я узнала не сразу, а через месяц-полтора после начала работы. Я показала ему фотографии возможных исполнительниц главной героини, и он заметил: «Нет, мама была не совсем такая». Я удивилась, причем тут его мама? И тогда Владимир Александрович сказал, что снимает историю своей мамы».*

Владимир Грамматиков: *«По разным причинам давно задуманный и необычайно дорогой моему сердцу проект все время откладывался. И вот, наконец, пришел его час. Это*

не воспоминания о прожитом отрезке жизни, показанном глазами мальчика, как у Феллини в «Амаркорде». Нет! Мой фильм именно о маме, подарившей нам, ее детям, всю себя».

Наблюдая неутомимого Владимира Александровича на съемочной площадке, видя, как он за два-три дубля «расправлялся» со сложными кадрами, я не удержался от вопроса, каково было ему возвращаться в режиссерское кресло после такого многолетнего перерыва.

Владимир Грамматиков, улыбаясь: «Это подобно езде на велосипеде. Если когда-то научился, уже никогда не разучишься. Ну и, разумеется, давний заветный замысел вдохновлял, придавал уверенности в своих силах. Ведь сколько раз за все прошедшие годы проигрывал, «снял» в голове будущий фильм, еще не имея его сценария! Это, как у Мандельштама: «Быть может, прежде губ уже родился шепот. И в бездревесности кружились листья...» А кроме того мне посчастливилось собрать команду настоящих профессионалов и самоотверженных единомышленников. С ними легко работалось, они понимали меня с полуслова. Все у нас сложилось благодаря генеральному продюсеру Марине Жигаловой, взявшей на свои плечи ответственность за будущий проект, когда он еще только маячил в тумане.

Я уже упоминал о поисках двухосных вагонов, которые по всей стра-

не упорно вели наши продюсеры. Как за каменной стеной, я чувствовал себя с замечательным вторым режиссером Екатериной Вилетник. Или вот, к примеру, художник-постановщик Мария Турская. Сколько труда и любви вложила она в изучение и затем в перевод в зрительный ряд вещественных примет и атмосферы тех, уже изрядно позабытых, первых послевоенных лет! А реквизиторы, которым удалось собрать по крупицам подлинные предметы быта, костюмы, аксессуары, железнодорожные и прочие атрибуты сороковых годов...

Искренняя благодарность организациям и учреждениям, помогавшим нам в ходе съемок и способствовавшим их успеху. В первую очередь хочу воспользоваться случаем еще раз поблагодарить РЖД, предоставившие из своего музея действующие паровозы того времени, подвижной состав, перегонные участки железнодорожных путей, перроны и станционные строения.

На предварительном просмотре в рамках нынешнего Московского кинофестиваля искушенная публика смотрела фильм, буквально затаив дыхание. После финальных титров повисло короткое молчание, а затем зал взорвался аплодисментами.

На пресс-конференции, посвященной этому фильму, который выходит в прокат уже в сентябре, говорилось о его актуальности и значении именно сейчас, в год, объявленный президентом России Годом се-

мы. Рассказанная здесь история учит встречать самые трудные испытания, опираясь на поддержку близких и веру в будущее. Главное — любить друг друга! Ведь именно любовь и родственные узы вселяют надежду на счастливый исход долгого, опасного путешествия ради воссоединения семьи.

Владимир Грамматиков: «В основе семьи, всех благих дел и надежд — всегда женщина, мать. Я до

Александра Урсуляк: «Иногда судьбу нужно почувствовать и сделать шаг навстречу своей любви, даже не зная и не понимая, что тебя ждет впереди... Путь в неизвестность матери с четырьмя детьми во имя любви заставил меня по-новому взглянуть на саму себя...»

Максим Осинцев, исполнитель роли старшего сына: «Я думаю, что тогда, в сороковые, что сегодня, эта история на все времена, она вечная».

Режиссер и оператор готовятся к съемке

сих пор чувствую ласковое прикосновение теплой маминной руки. Мама никогда не забывала положить каждому из нас, ее детей, конфетку под подушку... И часто повторяю ее замечательную фразу, не раз выручавшую меня в жизни: "Володечка, все что ни делается, все к лучшему"».

Лучше и не скажешь! Уверен, на эту картину зрители пойдут семьей — и старшее, и младшее поколение. И каждый найдет в ней свою тему переживания, все объединяющее нас, особенно сегодня. Остается пожелать фильму Владимира Грамматикова «Смотри на меня!» счастливого путешествия по экранам страны. □

Дарья Останина еще очень молода — ей 16 лет. С самого раннего детства она интересуется театром, кинематографом и мечтает стать актрисой, причем, именно московского театра Сатиры, потому что восхищается творчеством Андрея Миронова. А еще она чуть ли не с шести лет пишет стихи и считает, что именно поэзия помогает ей выразить свои чувства, мысли, свое отношение к жизни, к людям, к разным событиям и, по ее словам, счастлива, когда ее творчество отзывается в чьих-то сердцах.

Дарья Останина

Я ЕДУ В НОЧНОМ АВТОБУСЕ

Посвящение
моему наставнику
А.П. Кулямину

Я еду в ночном автобусе,
Наверное, вновь без билета...
Мне кажется, чьим-то глобусом
Является наша планета.

Глобус, скрипя, вращается,
А с ним вращаются души.
Океаны, как сны, мешаются
И топят участки суши.

За стеклами запотевшими,
Россыпь чужих районов.
Мир этот перемешанный
Очень не любит влюбленных...

Я, может, непреднамеренно,
От странной пьяности трезвой,

В каком-то бреде потерянном,
Приду к твоему подъезду.

И буду бродить под окнами,
Слушать, как хлопают двери.
А в то, что я там инкогнито,
Даже сам дом не поверит...

Болею от безысходности.
И нету страшной недуга...
Может быть, для отчетности,
Мы сведены друг с другом?

Я еду в ночном автобусе,
На стеклах узоры рисую...
А кто-то на небе, в космосе,
Судьбы как карты тасует.

О, МИЛЫЙ, ДОБРЫЙ ФИГАРО

*Памяти артиста
А.А. Ширвиндта*

О, милый, добрый Фигаро,
Как Вы бледны необычайно...
Пусть снова победит добро,
И будет праздник на Триумфальной,
Но Вас не трогают огни
Нескромной праздности Сатиры,
Вам не до смеха в эти дни,
У Вас другие ориентиры...
Шепча зачем-то невпопад,
Текст самой главной своей роли,
Вы ищете знакомый взгляд,
Как в том спектакле, на гастролях...
Но не найдя на этот раз,
Очнулись от ужасной мысли,
И разобщенность стройных фраз
В туманном воздухе повисла...
Судьба последующий момент
Захлопнет, словно крышку гроба,
И стает тяжесть прежних лет,
Как тают вешние сугробы...
Вмиг разыграется изыск
В другой истории испанской,
Взовьется прелесть пьяных брызг,
И обольется мир шампанским...
И новый молодой герой,
Победно выпрыгнет из шкафа...
А Вам пора, мой дорогой,
Пора, мой друг, встречайте Графа...

ДОРОГА

От шоссе до твоего порога,
Вдоль по переулку, до конца,
Путь ведет приметная дорога,
На которой встретились сердца.

Меж домов, сереющих упрямо,
Мимо этажей и гаражей,
За угол, под арочкой — и прямо...
...Счастье без границ и рубежей...

О ВАЖНОМ

О подвиге, о трепете, о боли
Забыли люди в праздной суете.
Не выучив уроков жизни в школе,
Привыкли мы к духовной нищете.

Вкусив «свободу» творчества
и мысли,
Невежество восславили в стихах.
Бумажные журавлики повисли,
Как тряпочки, как думы о грехах...

Стесняясь слез, не зная своей сути,
Мы, стиснув зубы, верим
новой лжи.

И перед каждым важным перепутьем,
Пытаемся захлопнуть крик души.

А искренность, что в детстве лишь
являлась,
Сменилась блеклым, постным цветом
глаз.

И то, что непосредственно осталось,
Лишь оболочки, тени прежних нас.

К чему шуметь, когда все отшумело?
Зачем иметь претензии к судьбе?
До прошлого нам нынче нету дела.
Ему пришлось напомнить о себе...

ПРЕДВИДЕНИЕ

*Посвящается артисту,
А.А. Миронову*

Свет какой-то синий-синий...
Утро раннее. Затишье.
На окне узорный иней.
На губах четверостишье.

Тишина. В Москве. Как странно...
Слышу лишь сердцебиенье.
Боже, отчего так рано
Ты послал мне откровенье?

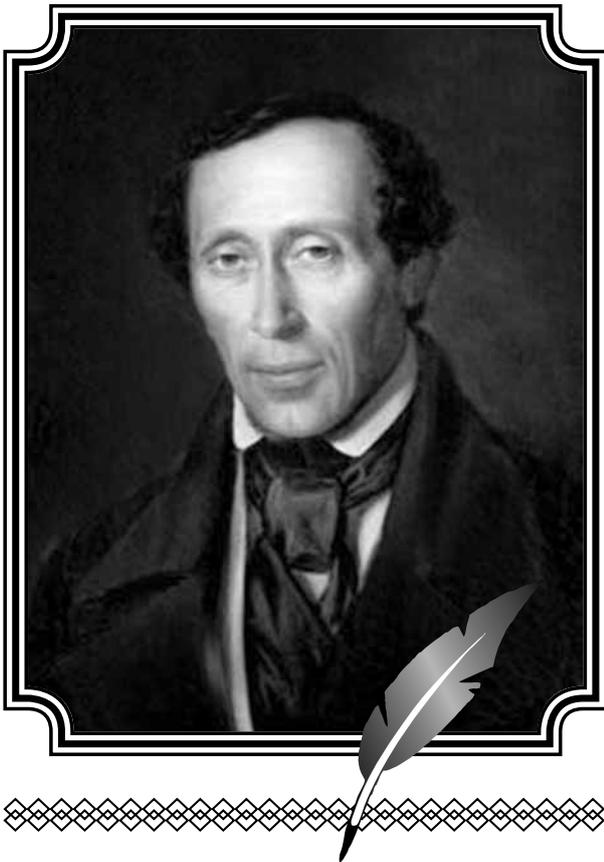
Непонятный, но знакомый
Этот свет иссиня-снежный.
Я один, хотя все дома.
Я другой, хотя и прежний.

Жизнь меня торопит шибко,
Просит плату за аренду.
Может это все ошибка?
Я уже почти легенда...

О, как жаль, что так безвестно
Сгинет суть и сгинет дело.
За окно гляжу — там бездна...
Нет у вечности предела.

Да. Затоплен путь обратно.
Нет ни мостика, ни брода.
Я все понял безвозвратно.
И до августа — полгода...

СКАЗОЧНИК

Он был слабым поэтом, посредственным романистом и драматургом, но полагал, что именно эти жанры принесут ему славу. Сказки казались ему чистым развлечением, милыми пустяками, не имеющими особой литературной ценности. По иронии судьбы, именно они сделали его имя бессмертным. «Нелегко жить после смерти. Иногда на это уходит вся жизнь». Это ироническое замечание одного из собратьев Андерсена по перу в полной мере относится к великому сказочнику.

Он родился 2 апреля 1805 года в городе Оденсе, столице острова Фюн, одного из самых крупных островов из четырехсот восьмидесяти трех, на которых расположена Дания. Отец Ханса-Кристиана был сапожником. Отличавшийся живым умом, этот человек из-за бедности родителей не смог получить образование и всю жизнь тяготился своим скром-

ным положением. Впрочем, своего маленького сынишку он нежно любил, мастерил для него кукольный театр, а по вечерам читал Лафонтена и сказки «Тысячи и одной ночи».

Мать была совсем иного склада. Сильная, практичная женщина, целый день занятая изнурительным трудом прачки, она безупречно заботилась о муже и сыне, уверенно и рачительно

вела хозяйство. Их всегда чисто прибранную комнатку украшали цветы и дешевые картинки. На чердаке в водосточном жёлобе стоял ящик с землёй, в котором росли лук и петрушка. Это был огород семьи, и Ханс-Кристиан заботливо за ним ухаживал. Что ж, огород этот и поныне цветет в его сказке «Снежная Королева».

В пятилетнем возрасте он научился немного читать и писать в школе для маленьких мальчиков, которую вела нервная старушонка, обожавшая пороть своих учеников за малейшую провинность. Однако ходил он туда недолго, потому что однажды, вопреки уговору с матерью Ханса-Кристиана, старушка выпорола его розгой. Малыш немедленно встал, забрал свои книжки и ушел домой. Позднее в школе для бедных он научился элементарным предметам: чтению, письму, счету, получил некоторые сведения по естественной истории и истории Дании. Он был довольно способным, быстро учил наизусть, и ему никогда не приходилось готовить уроки, чем мать громко хвасталась перед соседками.

В жизни мальчугана было немного развлечений. Наверное, поэтому такое впечатление произвело на него посещение местного театра. Правда, войдя в зал, он в первую очередь был поражен количеством собравшейся публики и воскликнул: «Было бы у нас столько горшков масла, сколько здесь людей, вот бы я наелся!» Но почти сразу эта весьма прозаическая реакция сменилась бурным

восхищением перед волшебным действием, которое разворачивалось перед его глазами.

После этого он стал буквально бредить театром. Эта любовь еще более усилилась благодаря дружбе с расклейщиком афиш, которому он помогал. Взамен расклейщик дарил ему афиши, и Ханс-Кристиан, сидя дома, сочинял комедии, отталкиваясь от названия и имен действующих лиц, а потом читал их всем, кто хотел слушать. Вскоре он так «прославился», что однажды мальчишки с улюлюканьем погнались за ним по улице, крича: «Вон бежит автор комедий!» А юный сочинитель, скрывшийся в своем доме, тихо плакал в уголке и молился Богу...

Вскоре юный Андерсен уже пел, декламировал стихи датских поэтов в гостиных самых знатных горожан Оденсе и даже в замке губернатора, принца Кристиана. И по-прежнему бредил театром. Венцом его мечтаний была карьера артиста. Когда в город приехала труппа копенгагенского театра, он уговорил режиссера позволить ему сыграть в одном из спектаклей и исполнил роль пажа в «Золушке».

Это выступление окончательно убедило юношу отравиться в столицу и стать артистом. Мать боялась отпускать его, и Ханс Кристиан напомнил ей слова, сказанные как-то отцом, умершим несколько лет назад: «Мальчика нельзя ни к чему принуждать, путь станет, кем захочет». Напомнил он матери и прори-

цание местной гадалки, которая на-пророчила ему, что когда-нибудь по всему Оденсе устроят фейерверк в его честь. Матушка, наконец, сда-лась, и Ханс-Кристиан с тринадца-тью риксдалерами отправился в Ко-пенгаген.

Город на первый взгляд был похож на сказку, но к юному Андерсену он повернулся своей далеко не сказоч-ной стороной. Визит к прославленной танцовщице мадам Шалль, к которой у него было рекомендательное пись-мо, окончился неудачей. Когда худой, нескладный подросток, сняв сапоги, чтобы казаться «более воздушным», принялся петь и танцевать, используя свою широкополую шляпу, как бубен, перепуганная артистка приняла его за сумасшедшего и постаралась по-скорее выпроводить. Столь же хо-лодный прием оказал ему и директор театра.

Но Андерсену все-таки повезло. Его голос понравился директору консерватории, итальянцу Сибони, и тот стал с ним заниматься. К сожа-лению, довольно скоро голос у Хан-са-Кристиана стал ломаться, и зани-маться снова он смог бы только че-рез год-два, но Сибони не в состоя-нии был держать его в своем доме так долго...

Тем не менее, Андерсен не остав-лял мечты о театре. Не получилось с вокалом, может быть, больше пове-зет в балете? Благодаря покрови-тельству одного из солистов театра его приняли в балетную школу коро-левского театра, хотя всем кроме не-

го самого было ясно, что при столь неуклюжем телосложении у него нет в балете никакого будущего. В то же время Ханс-Кристиан стал вхож в до-ма некоторых высокопоставленных чиновников столицы. Да, его наруж-ность и поведение порой вызывали смех, тем не менее, никто не мог устоять перед взглядом его искрен-них, добрых, умоляющих глаз и отде-латься от его наивной назойливости. Ханс-Кристиан очень нуждался в по-мощи — для него это был попросту вопрос выживания, и он был уверен в том, что заслуживает ее, ведь его не-возможно было оттолкнуть.

Три года Андерсену удалось про-жить в Копенгагене исключительно с помощью людей, у которых он вы-зывал интерес и участие. Правда, это были нелегкие годы. Поношенная одежда и прохудившиеся башмаки, тесные, темные комнатки, скаредные домохозяйки, экономившие на его завтраках и ужинах. Вместо обеда он часто довольствовался грошовой булкой, которую съедал на какой-нибудь скамье в Королевском саду. Но самым тяжелым для него было осознание того, что его рискованный эксперимент с театром окончился неудачей. Ему почти не давали уча-ствовать в спектаклях, а вскоре во-обще уволили. Казалось бы, ситуа-ция оказалась совершенно безна-дежной, но Ханс-Кристиан все-таки не мог заставить себя отказаться от мысли о театре. У него оставалась последняя возможность: если не по-лучилось быть актером, может быть,

он сумеет стать драматургом и будет сочинять пьесы, как боготворимый им Шекспир? И он немедленно начал новое наступление на храм искусства, который так долго и безуспешно пытался завоевать. Поначалу казалось, что и здесь его, увы, ожидает неудача. Первое произведение Андерсена, и в самом деле безнадежно сырая чепуха, получило жесткую, но справедливую оценку рецензентов. К счастью, его драма «Солнце эльфов» попала к члену дирекции и литературному консуль-

дии для того, чтобы Андерсен мог поступить в гимназию и получить образование. Высочайшее согласие было получено, и Андерсен был счастлив. Еще бы! Теперь в течение нескольких лет у него будет крыша над головой и еда каждый день. Ему предстояла спокойная и устроенная жизнь, которая даст возможность обеспечить себе будущее.

Спокойная жизнь? О, как он заблуждался! Да, он получил неплохое образование, однако все пять лет, проведенные в гимназии городка

Со временем Ханс-Кристиан стал вхож в дома высокопоставленных чиновников. Хотя его наружность и поведение часто вызывали смех, тем не менее, никто не мог устоять перед взглядом его добрых, умоляющих глаз и отделаться от его наивной назойливости. Он очень нуждался в помощи и был уверен, что заслуживает ее — ведь его невозможно было оттолкнуть...

танту театра Рабеку. Признавая, что пьеса — всего лишь нагромождение слов и тирад без драматического действия, без последовательности, без характеров, а сам автор не знает ни орфографии, ни грамматики, и едва умеет писать связный текст, Рабек, тем не менее, сумел разглядеть в 17-летнем юноше проблески таланта, который многое обещал в будущем. На основании этого заключения дирекция театра решила просить короля о стипен-

Слагельсе, были отравлены злобной тиранией ректора Симона Мейслинга, который постоянно придирался к нему. Бедный Ханс-Кристиан так боялся его, что, отвечая урок, не мог собраться с мыслями. В душе он часто просил Господа, чтобы пожар или другое стихийное бедствие помешало ректору провести урок. Да что там говорить! Оскорбления и унижения, которым подвергал его Мейслинг, настолько глубоко врезались в память Андерсена, что,

будучи уже в очень преклонном возрасте, он нередко просыпался в холодном поту от кошмарных видений: ему снилась злобная физиономия глумящегося над ним ректора. Однако всему приходит конец. Закончились и гимназические годы Ханса-Кристиана. Он снова был в Копенгагене и чувствовал себя королем в своей маленькой каморке с низким потолком. Ходил в гости к друзьям, поддаваясь неудержимому стремлению выступать и быть в центре внимания, декламировал свои стихи, некоторые из которых уже печатались в журналах, а вскоре в свет вышла его первая книга: романтико-сатирическая фантазия «Прогулка на Амагер».

Андерсен с головой погрузился в работу. Сочинял он лихорадочно, с невероятной спешкой. А как иначе, ведь перо не только кормило его, но

и помогало закрепить свое положение на датском Парнасе. Один за другим он писал романы, пьесы, бесчисленное множество стихов. Каково было качество этих произведений? В Дании его считали одним из лучших романистов своего времени, сравнивали с Вальтером Скоттом и Виктором Гюго, но это было, мягко говоря, преувеличением. Сегодня даже датчане не читают его романов. Почти все эти достаточно дилетантские произведения в той или иной степени рассказывали о его собственной судьбе. Еще более суровый приговор можно вынести его пьесам. Критики тех дней без обиняков называли его драматические произведения бездарной халтурой, банальными, пошлыми и небрежно написанными. Что же касается стихов, то Андерсен честно признавался: «Я сам знаю, что я не стихотво-

рец». Тем не менее, потребность изливать душу в рифмованных строчках жила в нем до конца дней.

Да, известность Ардерсен получил благодаря своим романам, но начало его настоящей литературной славы следует отнести к 1835 году, когда он словами: «Шел солдат по дороге — раз-два! раз-два!» — вступил в царство сказок. Так началась его первая, получившая признание сказка «Огниво». С этого момента мир ждал от него одного — сказок. Интересно, что сам он не сразу понял свое истинное призвание и в течение многих лет рассматривал сказки только как побочное занятие. Но их беспримерный успех, в конце концов, побудил его изменить отношение к ним. Сказки читали, ими восхищались не только в Дании, но и за рубежом, причем, в большей степени взрослые. Ханс-Кристиан понял, что можно использовать сказки для передачи взрослых идей взрослым читателям. Простой, псевдо-детский стиль повествования являлся лишь пикантной маской, утонченной наивностью, которая подчеркивает иронию или серьезность. Всю жизнь Андерсен сохранял детскую непосредственность и детскую близость с окружающим миром. Он был на «ты» с оловянным солдатиком, и при этом обладал здравомыслием взрослого. Именно эта чудесная двойственность помогла ему писать сразу и для детей, и для взрослых. Не все сюжеты его сказок принадлежат ему. К приме-

ру, «Огниво» и «Принцессу на горошине» он слышал еще ребенком. «Дикие лебеди» и «Свинопас» — тоже народные сказки. «Новое платье короля» — старинный испанский анекдот. Все они, разумеется, были основательно переработаны им. В то же время большинство сказок, такие, как «Дюймовочка», «Русалочка», «Стойкий Оловянный Солдатик», «Оле Лукойе», придуманы им самим. Ну а «Гадкий утенок» — вообще гениальный аллегорический пересказ его жизни.

Прекрасный лебедь, в которого превратился «гадкий утенок», наверняка нашел свою любовь. Самому же Хансу-Кристиану повезло гораздо меньше. Ему было 27 лет, когда он встретил свою первую любовь. Ее звали Риборг Войт, и она была сестрой друга Андерсена. Очаровательная темноглазая девушка, поэтичная натура. Они быстро нашли общий язык. Риборг все больше нравилась ему, однако, поняв, что влюблен, он испытал чувство, похожее на панику. Эта любовь могла и должна была иметь последствия, которые его пугали. Связать себя на всю жизнь — это ужасно и невозможно! Ведь помолвка и брак означали необходимость пойти на службу, а это помешает ему оставаться верным своему призванию. Вероятно, он подозревал также, что в повседневной жизни, при своем нервном, возбудимом характере, он не смог бы вынести рядом с собой другого человека, который требовал бы

его внимания и любви. Это была трудная дилемма. К счастью, оказалось, что Риборг уже обещала отдать свое сердце другу детства. В то же время ее поведение с Хансом-Кристианом указывало на готовность порвать прежнюю связь.

40-х годов ему было суждено встретить женщину, ставшую самой большой его любовью. Йенни Линд, выдающаяся шведская оперная певица, как раз начинала свою европейскую карьеру. Во время ее выступлений в Королевском театре

Известность Андерсен получил благодаря своим романам, но настоящая литературная слава пришла к нему, когда он вступил в царство сказок со словами; «Шел солдат по дороге — раз-два, раз-два!» — так начиналась сказка «Огниво». Теперь весь мир ждал от него именно сказок, которыми восхищались не только в Дании, но и во всем мире

Но тут молодой писатель спасовал. Он отправил девушке письмо, в котором горячо уверял, что она одна в его мыслях, но при этом многократно упоминал о «другом» и о ее обещаниях ему, а, следовательно, о невозможности каких-либо отношений между ними. В конце концов, Риборг вышла замуж за человека, которым увлеклась еще в детстве, а Ханс-Кристиан некоторое время упивался горько-сладким чувством — он встретил настоящую любовь, и она принесла ему страдания. (В 30-е годы несчастная любовь вообще была в моде среди молодых европейских поэтов, и Андерсен не без гордости ощущал себя теперь «настоящим поэтом»).

Андерсен был уже писателем с мировым именем, когда в начале

Копенгагена Андерсен не просто познакомился с ней, а сразу же воспытал любовью. Он постоянно находился возле нее, наедине или в гостях у друзей, и едва ли у нее могли быть сомнения относительно его чувств. Когда она уезжала, он передал ей письмо, «которое она должна была понять» (как он записал в дневнике). Но Йенни продолжала держать его на расстоянии. Разумеется, она не имела желания выходить замуж в самом начале своей карьеры и уж, во всяком случае, не за Андерсена. «Дружба — и больше ничего!» — отвечает мятя в сказке на сватовство мотылька. Скорее всего, эта реплика была навеяна как раз их отношениями. Андерсен понял, что у него нет никаких шансов, во время их следующей встречи два

года спустя, когда Йенни предложила ему стать ее «названным братом». Тем не менее, он не мог забыть ее и надеялся, что ее чувства к нему со временем переменятся. Этому не суждено было случиться. Они видели друг друга все реже и реже, а в 1852 году Йенни вышла замуж за немецкого музыканта.

«Роман» с Йенни Линд стал единственным случаем, когда Андерсен, поборов свою обычную нерешительность и более чем осторожное отношение к женщинам, сделал решительный шаг. Вообще же, в присутствии дам он всегда испытывал крайнюю скованность. Годы юности, проведенные в нужде и зависимости, оставили неизгладимый след в психике писателя, и это даже через много лет мешало ему поверить в возможность успеха у представительниц прекрасного пола. Это чувство неполноценности усугублялось и сознанием собственной невыигрышной внешности. Дело, однако, не ограничивалось чрезмерно осторожным отношением Андерсена к браку, он вообще испытывал страх перед женщинами и пуританский страх перед сексуальным влечением. Когда женщины, покоренные его талантом и славой, признавались ему в любви, он готов был бежать без оглядки. Тем не менее, он очень нуждался в теплоте и сердечном сопереживании друзей или просто людей, встреченных им во время многочисленных путешествий. По его словам, он и путешествовал для того, чтобы встретить людей, которых сможет полюбить.

Порой это были простые, безыскусные люди, порой гении, составлявшие славу европейской культуры. В Германии это были Гейне и Мендельсон, в Англии — Диккенс, во Франции — Дюма и Гюго. Блестящие европейские дворы встречали его с распростертыми объятиями. На приемах и светских раутах он по изяществу манер не уступал родовитым аристократам, можно было подумать, что он получил воспитание в самых изысканных светских салонах. А он добрым словом вспоминал уроки в балетной школе копенгагенского театра. Пусть он так и не стал настоящим танцовщиком, но культуру движений и правильные манеры ему там все-таки привили.

Большую часть времени Андерсен проводил в заграничных путе-

шествиях. Много ездил и по Дании, подолгу гостил в имениях своих друзей. Копенгаген он не любил, называл его скучным и чопорным. Кроме того, он считал жителей столицы зубоскалами и людьми, лишенными воспитания и такта. У него были на это основания. Как-то, вернувшись из триумфального путешествия по Европе, он медленно ехал в коляске по одной из центральных копенгагенских улиц. Навстречу шли два щеголя, и один из них, увидев его, со смехом громко сказал приятелю: «Смотри-ка, вон наш знаменитый заграничный орангутанг!»

Разумеется, не все жители столицы так относились к Андерсену. Его с неизменным радушием принимали при дворе сначала Фредерика VII, а затем Кристиана IX. Дочери последнего, принцессы Александра и Дагмар, выросли на сказках Андерсена.

Принцессе Дагмар суждено было войти в российскую историю под именем императрицы Марии Федоровны, супруги Александра III и матери последнего русского самодержца, Николая II. Когда юная принцесса собиралась в Санкт-Петербург, где ее ожидал жених, среди провожающих был и великий сказочник.

Ханс-Кристиан Андерсен не укладывался в рамки своей эпохи — гениям это вообще редко удается. Он был одновременно очаровательным и невыносимым. Ну, как можно иметь дело с человеком, который стремится говорить только о себе и всегда носит в кармане новую рукопись, чтобы читать из нее при любой воз-

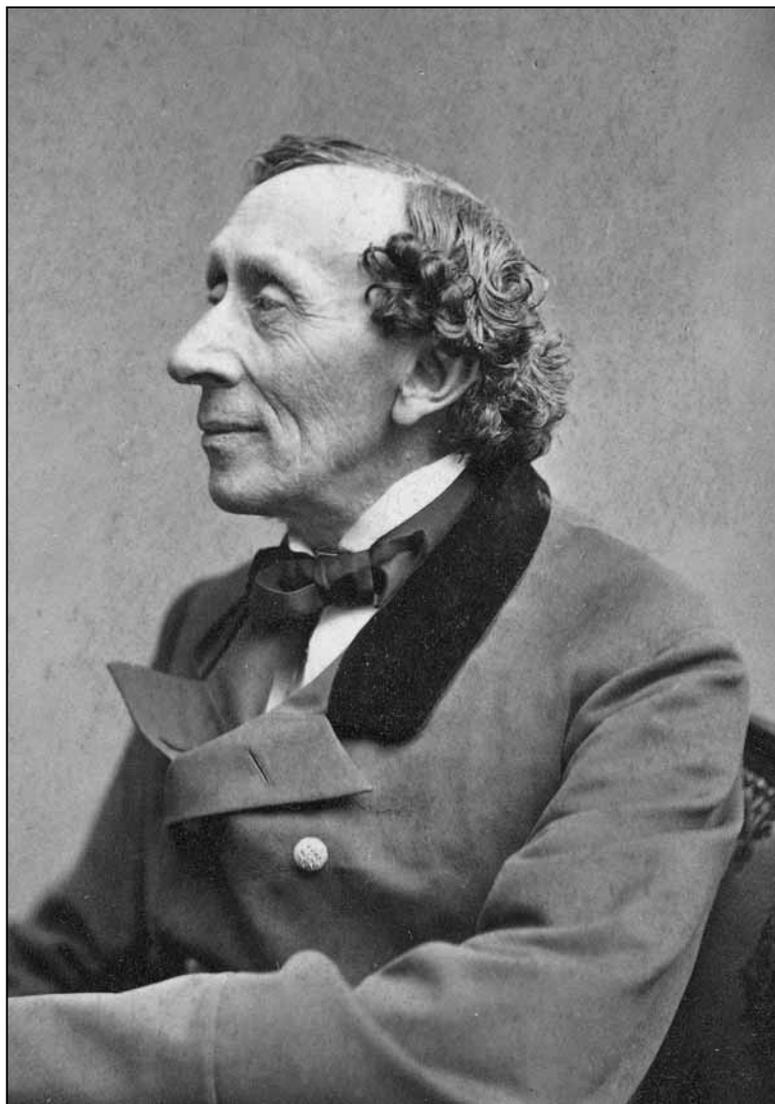
можности, к тому же, вечно жалуется, что его наспех написанная пьеса возвращена директором театра или сурово раскритикована в газете после премьеры? Как можно иметь дело с долговязым взрослым человеком, который плачет, если кто-нибудь ему перечит, и постоянно уверяет всех, что болен? Выслушивая его жалобы на разные хвори, друзья приписывали их иппохондри, самоувнушению старого холостяка. Они ошибались. Писатель страдал очень серьезной формой неврастения, проявлявшейся в постоянной усталости и недомоганиях: тошноте, головной боли, приступах головокружения. Случалось, что он целыми днями сидел дома и плакал. Любой пустяк: царапина на пальце, синяк на колене, рыбная кость, которую он, как ему казалось, проглотил, — все внушало ему страх перед всяческими осложнениями. Даже слушая о болезнях других, он боялся заболеть сам. Он никогда подолгу не испытывал душевного равновесия и был рабом собственных фантазий. К примеру, патологически боялся пожаров и, путешествуя, всегда возил с собой моток прочной веревки, чтобы в случае опасности спуститься вниз, а по ночам бродил по комнатам, чтобы самому убедиться, все ли огни затушены.

В то же время, при всех своих фобиях и чудовищном эгоцентризме, Ханс-Кристиан способен был забывать о себе, если кто-то нуждался в его помощи, нередко проявлял трогательную заботу о других и, не-

смотря на свои страхи, мог проявить удивительную смелость в нужный момент.

Последние годы жизни принесли Андерсену много страданий. Он продолжал работать, но жаловался, что «сказки больше не стучатся в его дверь». Почти все время он жил в поместье своих друзей Мельхиоров, которые заботливо ухаживали за ним. Его однажды посетил король, и писатель с грустной улыбкой сообщил его величеству, что ему, Андерсену, собираются воздвигнуть статую в Королевском саду как раз на том месте, где подростком он в зимнюю стужу мерз вместе с нахолившимися воробьями.

К его прочим мучениям добавились боли в желудке, одышка и бессонница. Он страдал раком печени, и над ним уже витала тень смерти. Вскоре у него уже не хватило сил делать записи в дневнике. 4 августа 1875 года в 11 часов утра Доротея Мельхиор, как обычно, вошла в его спальню. Ханс-Кристиан спал. А через несколько минут после ее ухода он скончался во сне... Лицо его было безмятежно-

спокойным. Наверное, волшебник Оле Лукойе, дарящий людям сновидения, напоследок раскрыл над сказочником свой цветной зонтик, и последний его сон был прекрасен...

За гробом Андерсена не шли родственники — их у него не было. Зато в церкви на заупокойной службе сидели король, кронпринц и ближайшие друзья. Гроб сказочника несли на руках по улицам Копенгагена. В порту на рейде корабли приспустили флаги. Его уход оплакивала вся Дания. В одной из столичных газет появилось стихотворение, в котором были такие строки:

*«В могилу наш король сошел,
И некому занять его престол ...»* □

Артур Мкртчян — солист музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Яркий, харизматичный артист, которому подвластно любое амплуа. Артур — яркая творческая индивидуальность, показывающая профессиональное мастерство при исполнении любых партий в балетах — как классических, так и современных.

Артур Мкртчян

«Я люблю говорить, что мне нравится «купаться» в партии. Если ты этого не ощущаешь, тогда нет смысла танцевать...»

— Артур, как начинался ваш путь в прекрасную, очень сложную профессию — артист балета?

— В городе Зеленограде, где я родился, с пяти лет начал заниматься в Школе искусств, которая находилась рядом с домом. Помню, как еще в детском саду сыграл свою первую роль — Буратино, у меня хорошо получались прыжки, «подскоки», и тогда я привлек внимание своих первых зрителей (улыбается).

В Школе искусств у меня был педагог Игорь Вадимович Петров, именно у него начал постигать основы классического и народного танца. Когда мне исполнилось девять лет, Петров сказал моим родителям, что я должен поступать в Московскую академию хореографии, и стал меня готовить к вступительным экзаменам.

В Московской академии хореографии моим педагогом по классике была Вихрева Надежда Алексеевна —

она вела меня четыре года, потом декан факультета, профессор кафедры классического и дуэтного танца — Алферов Андрей Александрович, а выпускался я у Анисимова Валерия Викторовича — бывшего премьера Большого театра. Всем своим педагогам очень благодарен.

— Как вы пришли в Большой театр?

— В выпускной год, когда я был на зимних каникулах, вдруг раздался телефонный звонок, и было полной неожиданностью услышать, что меня ждут на просмотре в Большом театре. Я сразу даже не поверил, что меня приглашает на просмотр Сергей Юрьевич Филин, в то время руководитель балета Большого театра. А когда я выпустился из академии, меня взяли в Большой театр.

Это было важным событием в моей жизни. Я активно вошел в кордебалет театра, и мне очень помогли Галина Олеговна Степаненко и Сергей Юрьевич Филин, которые сразу обратили на меня внимание.

В Большом театре сначала занимался с педагогом Никоновым Влади-

миром Леонидовичем, потом с Валерием Степановичем Лагуновым. Именно Лагунов увидел во мне большой потенциал, и я навсегда запомнил его фразу, это было на репетиции «Жизели» в редакции В.В. Васильева : «Парень такой способный, и ни с кем не работаешь! Давай работать со мной!»

— И как вам работалось с Лагуновым, чему вы научились у мастера?

— Лагунов — личность, педагог с большой буквы. Со временем я понял, что мне очень повезло быть рядом с таким человеком. Валерий Степанович работал, что называется, «дотошно», оттачивал все до мельчайших нюансов. Именно он привил мне стиль и научил добиваться точного исполнения. Подобно скульптору, который берет в свои руки материал, чтобы, оттачивая, создать из него красоту, он говорил: «Убираем все лишнее!»

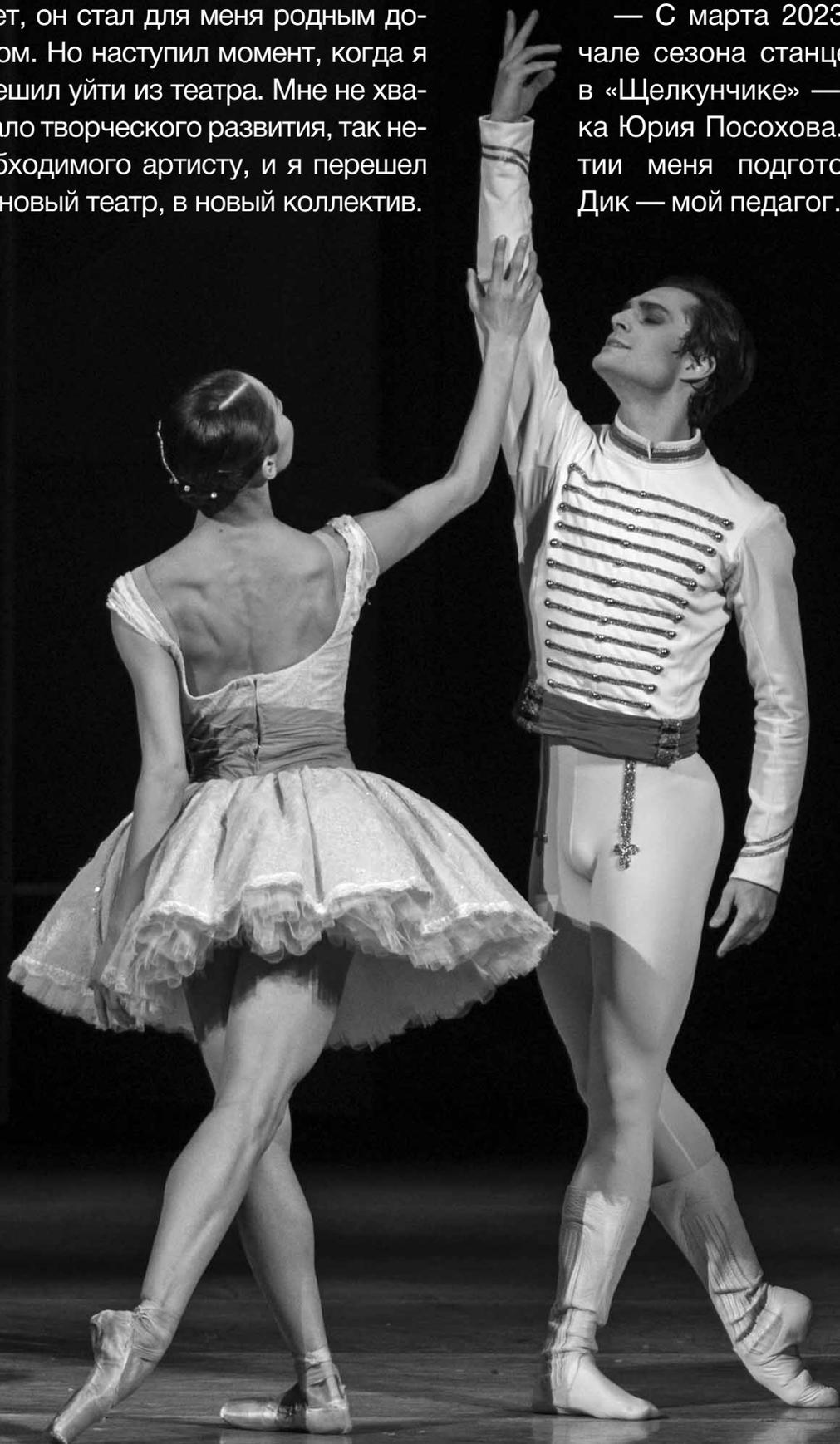
Так работал Лагунов. Недавно Валерий Степанович ушел из жизни, и нам, ученикам, его очень не хватает... Пройдя суровую лагуновскую школу, я, можно сказать, закалился

и с каждым разом стал ощущать себя сильнее и лучше, стал по-другому ощущать Сцену.

В Большом театре я начал свою карьеру и отработал там десять лет, он стал для меня родным домом. Но наступил момент, когда я решил уйти из театра. Мне не хватало творческого развития, так необходимого артисту, и я перешел в новый театр, в новый коллектив.

— Артур, в настоящее время вы работаете в Московском музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко?

— С марта 2023 года. В начале сезона станцевал Принца в «Щелкунчике» — в постановка Юрия Посохова. К этой партии меня подготовил Виктор Дик — мой педагог. Дик добива-

ется точности деталей, ты не можешь позволить себе вольности исполнения. Когда высокопрофессиональный педагог рядом — это важно для артиста.

В феврале этого года я исполнил партию Альберта в балете «Жизель» в Краснодарском театре оперы и балета. С блестящим премьером Большого театра Владиславом Лантратовым мы репетировали эту партию, он мне очень помогал в работе. Незадолго до ухода из жизни Лагунова мы обсуждали с ним образ Альберта, и он объяснял мне каждый жест, каждое движение.

В МАМТе исполнил пять раз партию Северьяна в «Каменном цветке» в постановке великого Юрия Григоровича. Григорович — это часть Большого театра, и прикоснуться к его шедеврам — большая честь для артиста. Северьян — характерный образ, а поскольку по натуре я человек очень темпераментный, эмоциональный, мне было интересно сыграть этого коварного злодея.

— Состоялась премьера спектакля «Снежная королева» по сказке Ганса -Христиана Андерсена в постановке художественного руководителя балета МАМТ Максима Севагина. Вы в нем исполнили партию Благородного Северного Оленя...

— Балет в двух актах на музыку Петра Ильича Чайковского — Четвертой, Пятой и Шестой симфоний. Наисложнейшая партия, двенадцатиминутное адажио в конце первого акта, когда Олень не останавливается ни на

секунду — то сам танцует, то носит Герду... Я даже не поверил, что смог станцевать эту партию.

Севагин — талантливый, перспективный хореограф. В истории отечественного балета он самый молодой руководитель балетной труппы. Мне нравится работать в новом коллективе, хочется попробовать себя в разных ролях, в современной хореографии.

— Еще на сцене МАМТа идет балет «Сильфида» в постановке французского хореографа Пьера Лакотта...

— В «Сильфиде» я станцевал очень сложную, насыщенную партию и очень благодарен театру за возможность развиваться и выходить на сцену.

«Сильфида» Лакотта — это реконструкция старинного классического балета Филиппа Тальони. В 1832 году Тальони поставил его для своей дочери Мари — тогда впервые, именно в этом балете, балерина встала на пуанты.

— А в Большом театре вы танцевали в постановках Пьера Лакотта?

— В балете «Марко Спада», поставленном Лакоттом в Большом театре в 2013 году, станцевал тройку Арлекинов, четверку и двойку друзей Марко Спада. Спектакль XIX века «Марко Спада» Лакотт воссоздал специально для Рудольфа Нуреева и Гилен Тесмар в 1981 году в Римской опере. Мне повезло с ним работать, он всем артистам уделял внимание и лично отбирал каждого на роль.

Вспоминаю эту работу с мастером с большой благодарностью.

— Грандиозный, роскошный балет «Дочь Фараона» на музыку Цезаря Пуни великий Мариуса Петипа поставил в 1862 году в Санкт-Петербурге, а в 1864 году в Москве. Александр Горский в 1905 году осуществил свою постановку этого балета.

В 2000 году Пьер Лакотт воссоздал «Дочь Фараона» в Большом театре, хореограф обратился к историческому либретто, к старинному балету. Вам довелось танцевать в этом прекрасном спектакле?

— В балете «Дочь Фараона» я танцевал на премьере уже после повторного возобновления в 2017–2018 годах, сначала первую вариацию, потом партию Рыбака. Танцевал и наслаждался...

— Что особенного в мелкой французской технике?

— Тело артиста должно быть в идеальной форме, скажем, ногами нужно «плести кружева», ты должен уметь исполнять сложные прыжки в подвижном темпе. Старинную хореографию так просто не станцуешь — это невероятно тяжелая работа, но мне нравится французская техника.

— Что бы вам еще хотелось станцевать, какую партию?

— Хочется станцевать многое! Я люблю говорить, что мне нравится «купаться в партии», если ты не испытываешь это состояние, не ощущаешь себя так, тогда и нет смысла танцевать. Люблю все партии, которые танцую, берусь за все. В искусстве меня интересует процесс.

Мне всегда нравился образ Абде-рахмана из балета «Раймонда», характерная партия, я ее танцевал, когда выпускался из академии. А еще хотелось бы исполнить Базиля в «Дон Кихоте».

— Артур, какой идеальный вес для партнерши артиста балета, как вы считаете?

— Поднимаешь не вес, а характер (улыбается). Когда с партнершей легко в репетиционном зале, то и не замечаешь, какой у нее вес, даже если она слегка тяжеловата. Мне повезло в Большом театре танцевать с такими прекрасными балеринами, как Мария Александрова, Екатерина Шипулина, Нина Капцова, Кристина Кретьева...

В балете «Амок» в постановке Михаила Лавровского танцевал с Марией Александровой, она позволила

мне быть главным в дуэте и доверилась мне. В результате получился интересный спектакль, я сам не ожидал, что так все сложится.

«Амок» — синтез балета и драматического театра, трагическая история

любви по одноименной новелле Стефана Цвейга.

— Если у вас бывает свободное время, как вы его проводите?

— Я очень погружен в творчество и получаю большую отдачу. Нет у меня хобби как такового и нет для этого времени, но я люблю читать, бывать на природе, ходить в музеи, на выставки, в кино и открывать, находить для себя что-то новое. Когда были проблемы в театре, по совету друга прочитал роман Джорджа Оруэлла «Антиутопию» и в тот момент мне эта книга помогла. Я по-другому стал реагировать, мыслить...

— Вы много путешествуете в силу своей профессии. Какая страна произвела на вас особенное впечатление?

— Очень нравится Япония, бывал там много раз еще со времени учебы в

академии хореографии. Когда впервые попал в Страну Восходящего Солнца, съездил по приглашению подруги из академии, то увидел не туристическую Японию — живя в японском доме, ощутил по-настоящему их быт.

Мне показали удивительную, заповедную природу, невероятной красоты горы — все те места, куда иностранцы практически никогда не попадают. Японцы чтят традиции, свою культуру, мне в них нравится тактичность, деликатность, уважение по отношению друг к другу и к чужим людям. Еда в Японии потрясающая, свежайшая и вкуснейшая, большой выбор блюд из мяса, рыбы.

Бывал не раз и на море, когда одни мои личные гастроли проходили в городе на побережье.

— Как интересно — личные гастроли, расскажите об этом, пожалуйста.

— Первый раз в восемнадцать лет я побывал в городе Мацуяма, туда часто ездила Марина Викторовна Кондратьева. Марина Викторовна — народная артистка, педагог, в советское время она была примой-балериной Большого театра. Танцевала с Марисом Лиепой, Николаем Фадеечевым, Михаилом Лавровским, Юрием Владимировым. В феврале этого года ей исполнилось 90 лет. Она преподает и передает свой опыт артистам.

В театре Марина Викторовна отбирала способных ребят на две недели, чтобы в августе танцевать с девочками в японской балетной школе.

На гастролях с Большим театром — это был другой формат: нет времени прогуляться, куда-то пойти, ты всецело сосредоточен на выступлениях.

— Каково отношение японского зрителя к балету?

— Было невероятно, когда после спектаклей выстраивалась огромная очередь фанатов, которые терпеливо ждали артистов, чтобы взять автограф.

Очень теплые отношения вообще работников театра к артистам, они ведут себя сдержанно, с уважением к твоему личному пространству. Опаздывать в Японии нельзя, и они очень ценят пунктуальных людей. Всегда в гримборных у нас был кофе, треугольники с рисом, шоколадки, вкусная еда.

В профессиональном плане, если что-то требуется, например, бинты, все тебе принесут.

Японцы очень любят искусство, они большие фанаты европейского балета. Я сам как зритель ходил в Осаке в театр и наблюдал, что они большие эстеты, им нравятся красивые фигуры, лица, тела. Они всегда выражают свой восторг и награждают артистов длительными аплодисментами. Во время вариаций они не хлопают артистам, ждут, когда те закончат, сдержанны. Зато в конце — бурные, продолжительные овации...

— Какие качества вы цените в людях?

— Честность и доброту — именно эти качества меня в них привлекают.

— Тем, кто собрался идти в балетную профессию, что нужно иметь помимо хороших физических данных?

— Сильный характер. Любовь к профессии и трудолюбие.

Дело в том, что ты все время должен заставлять себя работать, ведь мы все — люди, со своим характером, своим взглядом на жизнь, своими слабостями... Но нам необходимо жестко бороться со слабостями, лень в любых ее проявлениях недопустима. Важны мозги для балетной профессии, потому что надо понимать, что ты танцуешь и зачем. Ты должен уметь слушать свое тело.

Мы на сцене как белый лист, зритель все видит — от него не скроешься. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Фото из личного архива

Елена Чулкова

Станичный Кулибин

Фото автора и из архива Усовых

Каждый, кто входит во двор Усовых — жителей станицы Селивановской Милютинского района, видит резного голубя на яркой калитке. Птица мира, встречая гостя, будто возвещает о том, что здесь живут люди с открытой душой и горячим сердцем. Самодельная калитка с белым голубем — дело рук хозяина, Ивана Николаевича Усова. 59-летний умелец, который и с деревом, и с железом на «ты», не перестает удивлять и радовать изобрета-

тельностью родных, друзей, станичников.

Родился Иван Николаевич, или дядя Ваня, как запросто он предлагает к нему обращаться, в хуторе Конькове Ростовской области, что в нескольких километрах от Селивановской. Его отец был механизатором, охотником, рыбаком. Вязал просяные и сибирьковые веники, метелки, многое умел делать своими руками. Хозяйственностью отличалась

и мать. В многодетной семье Иван был вторым по рождению из четырех детей. Назвали его в честь деда, который слыл знатным кузнецом, мастерил из дерева столы, посуду. Оба деда, по отцу и матери, воевали, а в мирной жизни любили трудиться, так что генны передались в какой-то степени и Ивану. Он не только помнит о дедовских методах, но сам умеет и ковать, и веники вязать, и многое другое

*Резной голубь
на самодельной
калитке*

*Большой
стул*

мастерить. Сожалеет, правда, что мастеровых людей, потомственных укротителей железа, все меньше в округе.

Окончив родную десятилетку в станице, работал до армии и после механизатором, комбайнером в колхозе. Вспоминает, что держали с супругой Верой Алексеевной немалое хозяйство: двух коров, телят, свиней... С годами сократили, оставив лишь птицу. На вопрос о том, когда возникло стремление заниматься рукотворчеством, с чего все началось, Иван Николаевич ответил, что к изобретательству потянулся лет десять назад. Прежде всего, соорудил верстак в гараже, затем мастерскую, где теперь пропадает на досуге, каждый раз шутиливо преду-

преждая жену: «Вера, если понадобится, я у себя, в офисе!» Первыми появились на свет небольшие табуретки, маленький детский стульчик, разные солонки. Пробовал мастерить что-то из дров, заготовленных на зи-

*Стул
для внучки
на вырост*

му. Высушивал бруски, выпиливал, вытачивал, смотрел, чтобы трещин не было. Но, постигая премудрости исконно мужского ремесла, понимал, что без станков, вручную, полноценно обработать заготовку не удастся.

— С железом работать проще, оно все простит, — со знанием дела говорит Иван Николаевич. — Если допустил ошибку, можно перековать, перепаять — не проблема, ведь металл как пластилин. Дерево же ошибок не прощает! И хотя работать с ним не просто, но оно затягивает, да так, что время у станка пролетает мгновенно.

В ХОЗЯЙСТВЕ ПРИГОДИТСЯ

Постепенно увлекшись этим занятием, Иван Николаевич стал собирать

Подставка для елочки

всевозможные станки для собственных нужд, чтобы реализовать тот или иной творческий замысел. Способности технаря активно развивались. До сих пор исправно служит хозяину «первая ласточка» — токарный станок, собранный им десять лет назад из того, что было в доме: поворотный кулак — от старой «десятки», моторчик — от «стиралки», вышедшей из строя. По металлу работает за другим станком, для которого пригодилась ступица переднего колеса от велосипеда. Еще на одном — деревообрабатывающем — пилит, строгает заготовки для изделий из сушняка, из фруктовых деревьев (груши, яблоны, абрикоса, вишни), виноградника, черемухи, ирги, карагача, клена, отжившего ясеня или упавшей от времени березы или липы. Универсальный шлифовальный станочек изготовил для работы и с деревом, и чтобы более мелкое железо затачивать. На самодельном фрезерном станке отделяет изделия, края, выбирает пазы, сам собрал и сверлильный станок, с помощью которого сверлит отвер-

стия и на металле, и на дереве, меняя по мере надобности перовые сверла. Позднее в подарок сыну сконструировал заточный станок. Но предмет особой гордости умелого хозяина — мотокультиватор, точнее, многофункциональный механизм. «Крот», в зависимости от сезона, и культивирует, и рыхлит, и пропалывает, применяется для междурядной обработки земли, и с плугом работает, а также выполняет другие задачи. Периодически модернизируя эту полезную чудомашину, Иван Николаевич и доски пилит, и дрова измельчает, и сено косит, а затем перевозит. С ним проще и картошку посадить, и урожай выкопать. Поменял насадки, приспособил к мотоблоку — и готово. Последние несколько лет этот агрегат — незаменимый помощник Усовых в трудовых буднях. Сначала дядя Ваня хотел трактор собрать, но передумал. По его словам, мотоблок обошелся дешевле, да и с таким механизмом любая работа по плечу.

Не оставил хозяин без внимания и «братьев меньших». Для Дружка, верного охранника усадьбы, соорудил

симпатичную будку с мансардой, второй этаж — тоже жилой. Кто первый займет — кот или куры — того и жилище. В палисаднике во дворе построил небольшой летний дом для утят и цыплят. В саду на деревьях разместил скворечники и кормушки для птиц.

С появлением интернета немало интересного стал находить в сети, где «коллеги по цеху» щедро делятся собственным опытом, и, переосмысливая какие-то идеи, придумывает что-то особенное, новое, конструирует на свой лад все, что требуется для жизни в сельских

условиях, так что металлолом, куски труб, фрагменты дерева обретают свое место в хозяйстве.

Высохшие деревья из своих домашних садов, спиленные за ненадобностью, какие-то ненужные детали подбрасывают родственники, знакомые, зная об увлечении станичника. Для творчества — это добротный природный материал, который превращается в умелых руках в вещь первой необходимости. Хозяин с помощью подручных средств — традиционных столярных инструментов и станков — всему находит применение. Никогда не выб-

Сверху:

*Часы
из карагача*

*Скамейка
для любимой
тещи
из карагача*

расыпает обрезки, болтики, гаечки — все годится. Инструменты, по большому счету, мастерит сам, но кое-что и переделывает из купленного.

Супруга Вера Алексеевна — натура тоже творческая. Она во всем поддерживает мужа, подает идеи, вдохновляет, а он старается осуществить задуманное, заботится о семье. Несколько лет назад (когда жена работала дворником в школе), чтобы облегчить ее труд, смастерил для нее миниатюрный снегоочиститель на колесиках, легкий и удобный. Сегодня Усовы продолжают с его помощью очищать двор при снегопадах. Потрясающим сюрпризом от изобретательного деда стала для внучки-школьницы парта и к ней — регулируемый стул. Стулья для внучат — это постоянная тема в его творчестве. А для любимой тещи он сварганил шикарную скамейку. Родные гордятся папой, мужем, дедушкой и с радостью пользуются его изобретениями. Судя по отзывам в соц-

сетях, одобряют занятие умельца и односельчане, жители соседних хуторов: «Молодец, Ваня! Руки золотые! Здорово! Так держать! Твори дальше!».

КОГДА ДУША ПОЕТ

Мастеровой станичник признается, что душа поет, когда удается та или иная вещь. И уж точно движет увлеченным человеком далеко не меркантильный интерес.

— Какой там заработок, — говорит Иван Николаевич. — Для дома, для семьи делаю, часто дарю родным, друзьям по поводу (к 8 марта или к Новому году) и без повода. Соседи, кумовья просят ножи, тяпки, топоры наточить или заказывают что-то определенное, например, держало для лопаты, граблей или столового ножа. Как не откликнуться на просьбу? Помочь — обычное дело. Мне сам процесс интересен. Творческому человеку приятно, если с теплотой оценивают его изделия, а главное — применяют по назначению.

Творческий подход действительно у него во всем, и повсюду плоды его труда: предметы быта, мебели, дверь с «секретом» (если ее открыть — тут же загорается лампочка), ступеньки в доме, полки, компьютерный столик, скамейки, табуреты, подставки для цветов и швейной машины, подсвечники, атрибуты для растопки печи и сельхозинвентарь. В прихожей — ключница, а на кухне уютно от настенных чудо-часов, оригинально смотрятся вилки и ложки в наборах, толкушки, скалки, молоточки, разделоч-

Слева:

*Первый
табурет
из карагача*

Усов испытывает универсальную технику — мотоблок в действии

ные дощечки... Не первый год на службе подставка в виде санок для новогодней елки — просто загляденье!

— Заметил я однажды, что у шелковицы удивительно красивая текстура: с одной стороны светлая, с другой — темная, — рассказывает дядя Ваня. — Темнеет поверхность, как оказалось, на солнце. Решил, что неплохо было бы комбинировать древесину. Попробовал исполнить задуманное, и эксперимент удался. Весной, пару лет назад, впервые угловую полочку под икону сделал по просьбе земляка. После получилось скомбинировать из яблони и ясеня более сложные изделия — два иконостаса.

Во время чаепития супруги Усовы поделились, что всегда за семейным столом их надежный друг — самовар, из которого любители традиций пьют душистый травяной чай, угощают им

гостей, друзей. Этот атрибут русского быта передовику-механизатору Усову райком партии подарил в конце 80-х. С тех пор символ теплого семейного очага Усовы берут с собой на природу, когда дружно собираются вместе, с детьми и внуками. А еще в гостеприимном доме обожают душевные русские песни. Дядя Ваня признается, что очень любит петь, особенно под караоке.

— Ничто так не поднимает настроение, как хорошая музыка, как наша русская песня! — с восхищенной улыбкой говорит Иван Николаевич. — С нею и работа спорится, и в праздники от нее веселее, и легче на сердце. Помнишь, например, «Песню Матвея» из фильма «Дело было в Пенькове»?

И тут же напевает: «Здесь мы держим все двери открытыми, что надежней любого замка...». □

Лариса Королева,
Алексей Лапин

ВСЕ

И НИЧЕГО

*Все персонажи романа
вымышлены,
любые совпадения
событий случайны*

Смертельный рейс

Он приоткрыл глаза, успел увидеть сквозь лобовое стекло серый лес, и тут же снова их закрыл. Острая опоясывающая боль мгновенно сдавила голову, словно на нее надели терновый венок с тысячей колющих иголок, одновременно впившихся в череп. Такое раньше случалось с Алексеем, а с ним, Эриком, нет, никогда. Обычно помогал стакан воды с растворенной в ней шипящей таблеткой, но сейчас таблетки не было. Воды — тоже.

Он повернул голову влево — водительское сиденье было пусто. Зачем Петрович заехал сюда? И куда? Где они вообще находятся? Судя по освещению, час был предрассветный. Как далеко они успели уехать? Они направлялись в Сочи и пересекли Тургеневский мост после полуночи. Но он не помнил, чтобы проезжали его родной Горячий Ключ. Значит, уснул раньше.

Эрик покрутил ручку стеклоподъемника, и в открытое окно хлынул прохладный предутренний воздух вместе с робким щебетанием птиц. Боль немного отпустила, и через пару минут, собравшись с силами, он вышел из «Газели» и сделал несколько нетвердых шагов. Машина стояла на широкой накатанной колее в лиственном лесу. Деревья еще только начинали зеленеть, а сквозь пожухшую прошлогоднюю листву местами пробивалась свежая трава.

Развернувшись и пройдя вдоль борта грузовика, Эрик обнаружил, что правая задняя дверь слегка приоткрыта, и распахнул ее полностью. Вдоль борта лежали перетянутые бечевками пачки плитусов для пола и деревянные карнизы с кольцами для занавесок. И что? Это и есть весь груз? Понятно, что в Краснодаре отделочные материалы стоят дешевле, чем в Сочи. Но гнать за триста километров «Газель» из-за плитусов и карнизов? Неоправданная экономия получается. Или было что-то еще, и это «что-то» украли?

Он не сразу понял, что за темный кокон виднеется на металлическом полу у левого борта, а когда открыл вторую створку, его взгляд уперся в лежавшего к нему головой Петровича, вокруг шеи которого свободно лежал кожаный ремень. Его, Эрика, ремень...

Мысли продирались по извилинам с металлическим скрежетом: «Кто? За что? Почему? Может, это у меня глюки? Что делать?»

Выйдя через некоторое время из ступора, Эрик снял с шеи Петровича ремень и приложил пальцы к щеке водителя. Он не пульс искал — багровая полоса не оставляла сомнений в том, что мужчина мертв, — но хотелось понять, давно ли. Щека была не теплой, но и не ледяной. Значит, совсем недавно.

Он вытащил из заднего кармана джинсов сотовый телефон, убедился в том, что связи нет, и пошел к кабине, чтобы забрать свой рюкзак. Надо было выбираться из леса на трассу, выходить к людям, вызывать полицию.

Накинув на плечо лямку рюкзака, закрыв двери кабины и кузова, Эрик принялся вдевать в шлейки ремень. Пусть полиция разбирается, что здесь произошло, устанавливает, кто задушил Петровича и вывез груз, если, конечно, в кузове еще что-то было, кроме того, что лежит сейчас. И пусть ищут орудие убийства, но это не должен быть приметный ремень с кованой на заказ пряжкой с изображением дракона и отпечатками пальцев Эрика Шерра.

Сквозь темные стволы начали пробиваться первые солнечные лучи. Он быстро спускался с пригорка по сухой, раскатанной широкими колесами колее, поеживаясь от морозного предгорного воздуха и радуясь тому, что долго не было дождя, иначе ботинки увязали бы сейчас в грязи.

Первая разумная мысль посетила Эрика минут через десять после того, как он отошел от «Газели» с мертвым «грузом». Зачем он забрал ремень? Ведь когда на место преступления придет полиция, его никуда не отпустят. Будут допрашивать, обыскивать, возьмут на экспертизу одежду и быстро установят, что его ремень совпадает по ширине со следом на шее погибшего, да еще и микрочастицы с мертвого тела и коровьей кожи совпадут. Что он будет говорить? Что трупов не боится, насмотрелся, и вообще не брезгливый, а ремень ему дорог, и, поскольку никого не душил, то и забрал свою вещь... Кто ему поверит?

Вторая разумная мысль пришла сразу же вслед за первой. А ведь его чем-то опоили! Иначе ничем не объяснить, почему он, легко встающий каждое утро в пять утра и уже через полчаса выходящий на линию, не проснулся даже в тот момент, когда из его брюк вытянули ремень, а, очнувшись, испытал дикий приступ головной боли и никак не мог прийти в себя. До сих пор еще не пришел.

А опоить его какой-то отравой мог только Петрович, угощавший чаем с травяным настоем из своего термоса перед тем, как пересел за руль. Или это произошло чуть раньше, когда они после выезда за город остановились на заправке заполнить бак и выпить в кафе капучино. Кто-то мог подсыпать снотворное в его стаканчик, пока он выходил в туалет. Опять-таки тот же Петрович. Но зачем ему это делать? Он мертв, и это его оправдывает.

А его, Эрика, не оправдывает даже содержание в крови снотворного. Если его вообще обнаружат. Есть ведь и такие вещества, которые определить невозможно. Кроме того, у полиции возникнет версия, что он мог и сам что-то выпить, чтобы обеспечить себе алиби. Кто определит, когда именно он очнулся? Может, как раз в то время, когда его сообщники подъехали, чтобы убить Петровича и увезти содержимое «Газели».

Стоп! Что же это за такой ценный был груз, из-за которого могли человека убить? А, может, вся эта поездка изначально была инсценировкой? Тогда чьей? Владельца «Газели» — индивидуального предпринимателя, занимающегося грузоперевозками? Хозяина груза? Или Петровича? Но его удушение явно инсценировкой не являлось.

Шерр двигался к просвету между деревьями и внезапно оказался на открытом пространстве. Впереди протекала речка, через которую был перекинут длинный подвесной мост — дощатый настил на металлических тросах. Справа за низким плетеным забором выстроились в ряд несколько срубов и кирпичное строение. Эрик определил, что это база отдыха, и свернул к ней, надеясь, что там обязательно кто-то будет. Однако территория выглядела нежилой. Не кричать же: «Есть кто живой?» Мертвого он сегодня уже видел.

И вдруг к нему неожиданно подскочил крупный белый пес. Эрик напрягся, ожидая лая или нападения, но собака выражала явное дружелюбие, спокойно глядя на него карими глазами и виляя пушистым хвостом. А когда Эрик вошел в незапертую калитку, пес последовал за ним. Дверь в кирпичный сарай была заперта на крючок снаружи. Он открыл ее и увидел стеллажи с инструментами, садовый инвентарь и два недорогих, но вполне приличных велосипеда. Вот что ему сейчас было нужно!

— Я прокачусь по делам и верну на место, — пообещал Эрик псу и закрутил педалями в сторону моста.

Он все пытался понять, где находится — эти места явно были ему незнакомы. Проехав через мост и вкатившись на крутой пригорок, Эрик увидел станичную улицу с двумя рядами двухэтажных домов, как кирпичных, так и сложенных из бруса. Улочка выходила на широкую асфальтовую дорогу. И что теперь делать? Катить дальше, искать отделение полиции? Зачем? Чтобы стать подозреваемым номер один в краже груза и убийстве водителя? Сидеть в следственном изоляторе и пытаться через решетку доказывать, что он этого не делал? А какое ему вообще дело до всего случившегося? И кто вообще знает, что он вышел в этот рейс? Он же не оформлял никаких документов. На словах с Петровичем договорился прокатиться и помочь разгрузиться за определенную сумму. А если менты найдут в «Газели» отпечатки пальцев, так их ни в каких базах нет. Да, в мобильнике водителя найдут номер его телефона. Но он зарегистрирован на одну знакомую, которую пять лет назад Эрик попросил купить сим-карту. Теперь надо просто от нее избавиться. Имеется в виду, от симки. От той женщины он давно избавился. К тому же она даже фамилии его не знала. Просто Эрик. Мало ли в России Эриков.

— Все, домой, в убежище, — пробормотал Шерр, вытащил из телефона аккумулятор, кинул оба предмета в рюкзак и достал из него вязаную шапочку.

Он подумал, что едущий вдоль дороги велосипедист даже в такую рань не вызовет в станице подозрения. Только куртка на нем была слишком яркая — красная, с серыми замками, слишком приметная. Эрик снял ее и вывернул. Черная плисовая подкладка — самое то. Издалека никто и не поймет, что это изнаночная сторона.

Справа — очередная станичная улица, растянувшаяся вдоль дороги.

Катясь вдоль трассы с редкими в этот час машинами, Эрик читал про себя «Отче наш», надеясь, что самым страшным преступлением, которое он сегодня совершил, останется кража велосипеда. Долго крутить педали с непривычки было трудно, несколько раз приходилось останавливаться, чтобы передохнуть. Во время одного из привалов на обочине он съел под деревом бутерброд, который брал с собой в дорогу и о существовании которого совсем забыл. Очень хотелось пить, но зайти в придорожный магазинчик он не решился. Главным было добраться до домика, который они с Мишей сняли только накануне. До этого они жили в трехкомнатной квартире, каждый в своей комнате. В третьей иногда появлялась хозяйка, которая обитала на даче, но считала своим долгом раз в неделю наведаться, перестирать свои вещи, проверить, все ли в порядке и сделать ряд замечаний своим жильцам. Вообще-то квартирантами они были идеальными,

не пили, не курили, гостей не водили, содержали свои комнаты и кухню в чистоте, но пожилая женщина все же находила повод поворчать. То цветочки не политы, то сковородки не помыты. Какое им, собственно, было дело до ее цветочных горшков, а ей — до их личных сковородок? Хуже всего, что она оставалась ночевать, и ее телевизор полночи тарахтел на приличной громкости. Правильнее сказать, на неприличной.

Они с Мишей были чужими друг другу людьми, но жить вместе оказалось удобно. Эрик просыпался в пять утра и уезжал таксовать, пока сосед еще спал, так что сталкивались они только по вечерам, иногда общались за чаепитием на кухне, а чаще отсиживались по своим углам, каждый за своим ноутбуком.

После очередного визита хозяйки Эрик предложил Михаилу:

— Я не могу себе позволить снимать отдельную квартиру. Ты, как я понимаю, тоже. А что, если мы найдем жилье на двоих, но без визитов хозяйки? Миша с идеей охотно согласился, сам нашел в Интернете подходящий вариант, и они за два дня перевезли свои вещи в другое жилье. В снятом кирпичном доме были три небольших комнатки и такая же по размерам кухня, зато просторный холл, и все это со свежим ремонтом.

Эрик не успел переночевать в своей новой спальне даже одну ночь, и сейчас его больше всего радовало то, что никто не знает, где он теперь живет. Кроме Миши, конечно, но это надежный мужик, ему даже можно рассказать, что случилось, посоветоваться.

От велосипеда надо было избавляться. Эрик заехал под автомобильный мост, прислонил угнанный транспорт к опоре, решил проверить, есть ли в карманах мелочь на автобус, и, надев медицинскую маску, отправился на остановку. Через десять минут он уже был в двух шагах от дома.

Войдя в широкий проулок и заметив рядом со своей старенькой «шкодой» относительно новую машину той же марки с московскими номерами, Эрик счел, что к кому-то из соседей приехали гости. Он вставил ключ в замочную скважину металлической калитки и с удивлением обнаружил, что она не заперта. Михаил что, не пошел на работу? А когда ступил на порог их квартиры, оказалось, что в ярко освещенном холле за обеденным столом сидит какой-то грузный мужчина за шестьдесят, с одутловатым лицом и густыми каштановыми волосами. Гость с трудом поднялся, опираясь на столешницу, сделал шаг навстречу Эрику и радушно произнес:

— Здравствуйте!

Эрик невольно попятился назад и резко спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Меня Володя зовут. Я из Москвы, — по-прежнему радушно ответил незнакомец.

— Я не спрашиваю, как вас зовут, и откуда вы взялись, — отрывисто и злобно проговорил Эрик, — я спросил: «Что? Вы? Здесь? Делаете?»

Об амазонках и журналистках

Алексей Мудров спустился по ступеням в полуподвальное помещение, слегка щурясь от резкого перепада света — с яркого солнечного на приглушенно-сумрачный, и направился в самый дальний угол кафе. Следом за ним сразу же устремилась темноволосая официантка, почтительно приветствуя на ходу постоянного клиента.

Когда Мудров снял легкую куртку, повесил ее на вешалку и присел за столик, отгороженный от зала решетчатой деревянной перегородкой, девушка положила перед ним меню, содержание которого он знал наизусть, и спросила:

— Сначала кофе?

Он кивнул. Здесь его предпочтения знали, поскольку, по крайней мере, два-три раза в неделю, он приходил сюда для встреч с самыми разными людьми. Место было выбрано не случайно. Во-первых, кафе принадлежало его другу, а, во-вторых, оно располагалось в самом центре города, и добираться было удобно из любого района.

Сюда же приезжали и другие сотрудники МАРСа — юристы, эксперты и журналисты, которые по каким-либо причинам не желали встречаться с клиентами в офисе. Чаще из-за опасения возможных провокаций, ведь в конторе их устроить проще, чем в общественном месте

Вообще-то «Международное агентство специальных расследований и противодействия коррупции» по первым буквам названия складывалось в аббревиатуру «МАСР», но она не прижилась, слово «МАРС» произносилось привычнее и удобнее, оно и стало названием агентства в обиходе, как и шутка: «Есть ли жизнь на Марсе?»

По воскресеньям генерал-лейтенант полиции обычно встречался не с клиентами, коллегами или друзьями, а со своим внуком-лейтенантом, оперуполномоченным уголовного розыска. По превратности судьбы, после окончания Краснодарского университета МВД Константин попал в тот же отдел полиции, в котором начинал свою карьеру Алексей тридцать пять лет назад после Омской школы милиции.

Тогда была милиция, а не полиция. И способы совершения преступлений, как и методы их раскрытия, во многом отличались от нынешних. И технические возможности раньше были совсем другими — как у злоумышленников, так и у тех, кто их ловил. А вот люди, как заметил Воланд, все те же.

Эту тему частенько обсуждали дед и внук Мудровы, так как оба увлекались криминологией и психологией, очень тесно связанными друг с другом науками.

Константин появился, когда Алексей уже допил свой кофе и просматривал новости в сотовом телефоне.

— Ты что такой сияющий, будто только что раскрыл очередной «висяк»? — спросил дед, пожимая руку широко улыбающемуся внуку.

— Нет, не раскрыл. Но ребята прикольный случай рассказали на эту тему. Вызывает на днях бабушка-старушка наряд. Она с осени на даче не была. И вот приехала и обнаружила, что у нее не только все металлические трубы и тазики из сарая стащили, так еще и стояк во дворе своротили. Последнее обстоятельство хозяйку крайне огорчило. Ну, ребята думают, как бы так ловчее оформить «отказняк», и объясняют: «Вы же понимаете, что вас на даче полгода не было. В какое именно время произошла кража, сейчас выяснить невозможно, как и установить виновных лиц. Следов после всех дождей и снегов, ясное дело, не осталось. Это будет просто «висяк». А бабушка им резонно отвечает: «А меня не интересует ваш «висяк», меня интересует мой стояк».

Алексей рассмеялся вслед за внуком:

— Старушка-то права! Свой стояк всегда важнее чужого «висяка». А вообще, как там у вас в отделе?

— Все как обычно. Дурдом «Ромашка». Надо все, и сразу, и еще вчера... Отвлекаюсь от работы только на дело «амазонок».

— А с чего ты вдруг опять им увлекся?

— Так ведь второй процесс идет, суд присяжных рассматривает очередные доказанные эпизоды.

— Я что-то упустил этот момент. Хотя это не так важно, виновные все равно уже осуждены. Ну, будет Инесса сидеть не двадцать один год, а двадцать четыре — невелика разница, пожизненное женщинам все равно не дают. Но теперь до скончания века будут идти эти судебные процессы. Там ведь на счету банды более тридцати убийств, не считая сотни краж.

— Некоторые произошли еще в то время, когда ты возглавлял Ростовский главк, — отметил Константин.

— Да, я хорошо это помню. Самым нашумевшим делом «амазонок» стало убийство двух милиционеров вневедомственной охраны в Новочеркасске. Бандиты разбили стекло в стоматологии, и сработала сигнализация. Сотрудники подъехали на машине, но вышли из нее, как всегда, расслабившись, даже не взяв с собой оружия. Они никак не ожидали, что в них сразу стрелять начнут. В результате бандиты мгновенно уложили из обреза двух молодых парней ... Я выезжал на место преступления. Машина

была расстреляна так, будто в нее из пулемета стреляли. Командир спецназа выразил мнение, что это грамотно организованная засада. Всех поразил такой необоснованный расстрел. Из-за чего? Всего лишь, чтобы пистолет и автомат забрать? Необоснованная жестокость и дерзость нападения. Что еще было примечательно, стреляли не магазинными патронами, а использовали поражающие элементы, нарезанную кусочками проволоку и гвозди. Я тогда дал указание создать группы, и у каждой была своя разработка: одни занимаются ножницами, другие — проволокой, третьи — порохом, четвертые — оружейными магазинами, где патрон мог быть приобретен. Каждая группа ежедневно отчитывалась, кто что сделал.

— Как это — заниматься ножницами? — уточнил Константин.

— Как правило, таких ножниц выпускается определенное количество, и в свободном доступе они не продаются. Их приобретают организации, где перекусывают металл. Каждое изделие оставляет свой индивидуальный след, свою царапину для идентификации. Искали места пересечения — где эти ножницы могли «встретиться» с этим патроном, порохом и проволокой...

— И не нашли...

— Нет. Слишком большой объем работ. Но далее банда стала использовать оружие, захваченное у погибших сотрудников вневедомственной охраны, и убивать из него других милиционеров и гражданских.

— Я читал описание внешности преступников, составленное по рассказам свидетелей. Трое молодых мужчин в черных куртках и брюках, в балаклавах, рост — от метр — семьдесят до метр — восемьдесят, — заметил Константин.

— Вот именно. Трое молодых мужчин, — повторил Мудров-старший. — Кто же мог подумать, что это были мужчина, женщина и молодая девушка... Когда стали отрабатывать жилые массивы и пути отхода вероятных преступников, один из жителей города, который рано утром проходил в этом районе, рассказал, что видел, как навстречу шли две женщины и мужчина. Как позже оказалось, это они и были. Но не верилось, что две женщины участвовали в убийстве. Если бы свидетель сказал, что двое или трое мужчин, было бы более вероятно, тогда бы подумали, что, например, кто-то поздно из гостей возвращался — муж, жена и взрослая дочь. Потому что и действовала банда долго и дерзко, что никто и предположить не мог, кто входит в ее состав. Сколько раз они уходили во время планов-перехватов. Останавливают машину, а в ней мужчина, его жена и дочь. Ну, кто бы их заподозрил? А ведь позже эта парочка стала и младшую дочь брать с собой в «командировки». Поставь себя на место полицейского, который останавливает машину, а в ней двенадцатилетняя девочка с родителями...

— Чем больше пытаюсь изучить психологические портреты этих личностей, тем более омерзительными и бесчеловечными они мне кажутся, — передернул плечами Константин.

— Ты часто встречаешь обаятельных и человеческих преступников? — усмехнулся генерал-лейтенант.

— Таких тварей, как эти «амазонки», лично еще не видел. Двадцатилетний Роман влюбляется в Инессу, которая старше его на десять лет, убивает ее мужа, и уже через месяц начинает жить с вдовой, а потом и с одиннадцатилетней падчерицей Викой! Такой вот гарем за высоким забором. Роман ненавидит ментов, потому что его на службу не взяли. Инесса ненавидит ментов, потому что ее гаишник бросил. И тогда они выслеживают и убивают в лесочке этого гаишника с его любовницей... А потом убили в частном доме двух тринадцатилетних девочек, которые случайно зашли не вовремя и застали Романа и Инессы за грабежом. Кстати, одна из этих девочек была крестной дочерью Инессы...

— Ты собрался все преступления этой банды мне пересказывать?

— Нет, конечно, — рассмеялся лейтенант, — ты и так все знаешь.

— Ну и ты знаешь, что участников банды взяли еще в сентябре тринадцатого года. И во многом при их задержании помогли хорошо отработанные профессиональные действия сотрудника вневедомственной охраны. Мы тогда их хорошо натренировали. Парень, несмотря на гибель своего напарника и собственное ранение, сумел застрелить организатора банды, ранить его приемную дочь и вызвать подмогу. Но столько лет с тех пор прошло. Виновные давно осуждены, зачем опять ворошить старые дела, если новых предостаточно?

— Но в одном эпизоде я бы поспорил. Я потому так внимательно сейчас перечитываю все сведения об «амазонках», что не верю в их участие в убийстве командира нижегородского СОБРА, его жены и двоих детей. Считаю, что это громкое убийство на них просто списали. Романа при задержании застрелили. А Инессе-то все равно — убийством больше, убийством меньше... Она вообще на камеры красуется, с удовольствием демонстрирует, как и кого убивала. Но я тут натолкнулся на интересный материал. Одна журналистка провела расследование...

— Фраза «одна журналистка провела расследование» напоминает мне выражение «одна бабка сказала», — слегка нахмурился Алексей, отодвигая от себя пустую тарелку. — Если помнишь, именно журналисты окрестили банду «амазонками». На том основании, что рядом с местом их очередного преступления нашли нож с гравировкой «Моей любимой амазонке». Кстати, этот нож не имел к банде никакого отношения... Помнишь, ты и сам хотел в детстве стать криминальным журналистом?

— Хотел. Я помню ту печатную машинку, которую ты мне подарил на Новый год, такую оранжевую с белыми клавишами. Дядя Володя позже сказал, что это был твой подарок. Все тогда уже на компах печатали, а тут — настоящая машинка... Это так круто было.

— Кстати, я никогда не спрашивал: а почему ты все-таки передумал в журналистику идти?

— Наверное, понял, что самому ловить жуликов интереснее, чем писать о том, как это делают другие, — пожал плечами Костя. — Или осознал, что пресса давно перестала восприниматься всерьез... Не верят ей и не боятся.

— Ну, не скажи, смотря как статье ноги приделать. Ну и что там раскопала ростовская журналистка?

— Московская. Она приводит интересные аргументы.

— Кстати, о журналистках... — Алексей вдруг заметил сквозь решетчатую перегородку высокую блондинку, собирающуюся присесть за столик в зале, встал, помахал рукой и окликнул ее:

— Аста, иди к нам!

Девушка приветственно помахала рукой в ответ и направилась к кабинке.

— Алексей Палыч! Здравсти! Рада вас видеть!

— Я тебя тоже, — тепло улыбнулся Мудров-старший. — Присаживайся и знакомься — мой внук Костя.

Аста Брока, унаследовавшая от отца-латыша восточно-балтийский тип внешности, имела отнюдь не нордический характер, темпераментом она пошла в свою маму-казачку. Улыбнувшись и кивнув в сторону лейтенанта, красавица с ярко-синими глазами уселась на стул напротив генерал-лейтенанта и восторженно произнесла:

— Алексей Палыч! Я вам сейчас такое расскажу! Я нашла папу мальчика! Представляете, за один день. Сама!

Визитка маньяка

Михаил Заречный возвращался с работы пешком и представлял, что его ждет в доме, который они с Эриком на днях сняли. Наверняка его сосед уже вернулся после рейса, а Владимир уехал. Станный все же тип этот москвич!

Когда Заречный, как обычно, в восемь утра вышел из калитки, навстречу ему двинулся стоявший у «шкоды» с московскими номерами полный мужчина в демисезонной куртке, которая явно была ему велика, и смущенно произнес:

— Здравствуйте, а я вот стою и думаю, удобно ли уже вас беспокоить, или еще слишком рано.

— А зачем меня беспокоить? — удивился Михаил. — Вы по какому вопросу?

— Я — Владимир. Из Москвы. Это я с вами договаривался о заселении сегодня утром. Вы же Андрей, хозяин дома?

— Нет. Я квартирант.

— А когда съезжаете?

— Что значит, съезжаю? Мы вчера только заселились.

Мужчина явно растерялся, отступил к своей машине и растерянно произнес:

— А как же я? Мы с Андреем договаривались, что я сегодня с утра приеду, заплачу и поселюсь.

— А! Так это вы выбрали дом по фото в объявлении, а посмотреть отказались и обещали сразу вселиться. Андрей говорил, — припомнил Михаил. — Но вы же ему не перезвонили, и на его звонок не ответили, вот он и решил, что вы передумали. Кроме того, вы собирались пожить пару месяцев, а нам жилье нужно на долгий срок. Конечно, для хозяина этот вариант предпочтительнее, так что мы легко договорились.

— И что же мне теперь делать? — мужчина выглядел совершенно обескураженным.

— Поищите на сайтах другие объявления. Их сейчас валом.

— У меня на телефоне Интернета нет. Навигатора тоже. Я это объявление в газете нашел и полагал, что дело решенное...

Заречному вдруг стало жалко этого толстяка, на лице которого, несмотря на двойной подбородок и черные круги под глазами, застыло по-детски обиженное выражение. Решение помочь ему возникло само собой, но все же надо было подстраховаться, и он сказал:

— Паспорт покажите.

Владимир охотно полез во внутренний карман куртки и протянул документ. Заречный раскрыл паспорт и сфотографировал на сотовый телефон первый разворот и страницу с пропиской, после чего предложил:

— Давайте сделаем так. Я вас оставляю в доме и включу свой ноутбук. Можете отдохнуть и поискать объявления на сайтах. В пять вечера я вернусь. Может, раньше придет мой приятель Эрик. В общем, дождитесь кого-нибудь из нас. Надеюсь, до этого времени вы подберете для себя подходящий вариант с поселением. А если вдруг надо будет срочно уехать, то закройте дверь и положите ключ под коврик.

Дойдя до конца проулка и обнаружив машину московского гостя на том же месте, Михаил понял, что несостоявшийся квартирант еще не уехал. Однако за столом в холле сидел не он, а Эрик.

— Привет! — поздоровался Михаил, скидывая куртку. — Представляешь, выхожу утром, а у калитки...

— Это чудо в перьях уже рассказало мне свою трогательную историю, — перебил его Эрик.

— И где оно?

— Ужин готовит. Говорит, питаться надо горячими блюдами.

— Дело говорит. А квартиру он себе нашел?

— А что, должен был искать? Что-то я не заметил, чтобы он этим занимался. Вроде фильм какой-то смотрел.

Михаил заглянул в свой ноутбук, открыл журнал посещений и, не обнаружив в нем поисковых запросов на тему «Снять квартиру», задумчиво произнес:

— Действительно. Наш московский гость предпочитает Феллини. Высокий, однако, интеллектуал!

— Слушай, Миша, у меня проблема. Пойдем ко мне, надо пошептаться.

По ходу рассказа лицо у Заречного становилось все более озабоченным, но он не перебивал своего собеседника до тех пор, пока тот не закончил свою речь вопросом:

— Как думаешь, Миш, «Газель» с трупом уже обнаружили?

— Думаю, да. На ней же стоит GPS маячок?

— Понятия не имею. Это же не международная транспортная компания. Просто частник, занимающийся перевозкой грузов по краю, может, еще в соседние области. Если трекер и стоит, то сейчас это без толку, связи в том районе нет никакой! Но ясное дело, хозяин и получатель груза уже давно бомбят звонками владельца «Газели», а тот — Петровича. Наверняка об исчезновении машины уже заявили в полицию. Может, уже и видео с дорожных камер наблюдения просматривают. ...

— Могут еще местные жители брошенную «Газель» приметить, поинтересоваться, почему стоит, внутрь заглянуть, — предположил Заречный и спросил: — А что вы везли?

— Петрович сказал, что некий бывший криминальный тип дом в Адлере себе построил, отправил своему дизайнеру предметы декора, мебель тоже какую-то...

— В общем, тебе крупно повезло. Помимо ментов на тебя будет охотиться еще и хозяин груза... Криминальный тип, говоришь?

— Ну, во-первых, никто ничего особо ценного так запросто не отправит, — возразил Эрик. — Во-вторых, я же нигде официально не трудоустроен, потому ни за что не отвечаю. Только Петрович знал, что я с ним еду.

— Это тебе так кажется. Кстати, кто он такой, этот Петрович, как зовут, сколько ему лет?

— Лет сорок. Зовут Петр, но ему казалось, что Петя как-то несолидно звучит, вот и окрестил себя...

— Ясно. Я-то думал, что он твоего возраста, под шестьдесят. А тут оказывается, что он уже Петрович, а ты все еще Эрик. А документы свои ты, на радость доблестной полиции, случайно в «Газели» не оставил?

— Нет, я их не доставал. Как положил в потайной карман рюкзака, так и лежат.

— Проверял?

— Нет, даже не подумал как-то об этом. — Эрик поднял с пола рюкзак, поставил его себе на колени, раздвинул молнию на потайном кармане, мгновенно побелел и выдохнул: — Все, трындец мне! Нет ни паспорта, ни прав. Их вытащили так же легко, как ремень из моих брюк! Как же я не догадался проверить! Одурманенный был. Наверняка документы куда-нибудь под коврик в машине засунули...

— Влип ты, конечно, конкретно, — покачал головой Михаил. — Но ничего, отсидись пока, вместе придумаем, что можно сделать в этой ситуации.

— Блин, я теперь не только не выездной, но и не выходной! Шагу нельзя будет ступить, даже в магазин выйти! Полный трындец!

— Насчет магазинов не беспокойся, не дам с голода помереть.

— Спасибо, Миша! А кто такой этот московский гость? — вдруг встрепенулся Эрик, опуская рюкзак на пол. — Тебе не кажется, что этот зяблик очень уж подозрительно именно сегодня здесь объявился?

— Вряд ли. Скорее, совпадение. Хотя...

Словно почувствовав, что речь идет о нем, Владимир крикнул из холла:

— Миша, Эрик, все готово, идите ужинать!

На столе были расставлены три тарелки, разложены салфетки и столовые приборы. По центру — сковородка с жареной картошкой и вазочка с маринованными овощами. Владимир положил на стол блюдо с тушеной говядиной, и тут зазвонил его сотовый телефон. Он вышел на кухню, и до квартирантов донеслось:

— Все в порядке, до Воронежа доехал, поселился в гостинице. Завтра с утра пораньше на Москву...

— Интересное кино, — пробормотал Эрик. — Не Феллини, конечно, но тоже занимательно. Что это все-таки за тип? И как вовремя он именно сегодня появился! Ты все еще считаешь, что это случайно?

— А вот сейчас у него и спросим.

Владимир вернулся в холл и с трудом опустился на стул, у него явно были проблемы с суставами, что не удивительно при таком весе.

— Утром ты мне сказал, что сегодня приехал из Москвы, — спокойно начал Михаил, переходя на «ты». — И вот кому-то рассказываешь, что уже

в Воронеже сидишь. Зачем приезжал-то? Фильм Феллини на моем компе посмотреть?

— Я не говорил, что сегодня приехал, — испуганно ответил Владимир и принялся быстро и сбивчиво объяснять: — Меня Сашка, двоюродный брат, осенью еще привез в Краснодар на машине. Я полгода у него жил. Дом он строит, и я ему помогал. А сегодня Сашка меня утром проводил. Он думает, что я назад в Москву поехал. А я не могу туда. Мне там некуда! Я с собой хотел покончить, и покончил бы, если бы Сашка меня не забрал. Но я же вечно не могу у него жить, там семья, жена. А куда податься? Он денег мне дал. Вот я и решил пока жилье снять, может, куда пристроиться. Нельзя мне в Москву! Не выживу я там. А Сашка волнуется. Ну, я и сказал, что еду...

Михаил молча накладывал в свою тарелку поджаренную до хрустящей корочки картошку. Сегодня утром он принял решение по Владимиру. Пусть сейчас это сделает Эрик. И тот сказал:

— Ладно, перетащим для тебя диван в пустую комнату. Ночуй пока.

Пропавший папа

Аста Брока приехала в МАРС поработать за компьютером, поскольку у нее забарахлил ноутбук, и его пришлось отнести в мастерскую на диагностику, а самой воспользоваться офисным. Она вставила в разъем USB шнур смартфона и скачала на экран звуковой файл с записью интервью руководителя Бюро экспертных исследований Рудольфа Браилова. Это, скорее, было не интервью, а его рассказ о недавно завершеном расследовании с уточняющими вопросами Асты. Предстояло написать статью для журнала «Крими-Мир».

Журналистка только приступила к расшифровке записи, как в дверь постучали. В кабинет вошла немолодая женщина с короткими светлыми волосами, в стеганой белой куртке и спросила:

— Это Международное агентство специальных расследований? Я правильно попала?

— Да, правильно. Но сейчас никого из сотрудников нет, — ответила Аста. — К нам обычно просто так не приходят, а заранее созваниваются или подают обращение на сайте.

— Да я все собиралась позвонить, телефон ваш из рекламы записала, но он куда-то делся. А на сайтах писать не умею. Тут по делу в ваш район приехала, вот и решила зайти.

— Хорошо, тогда изложите мне вашу проблему и оставьте номер телефона, по которому с вами можно связаться, вам обязательно позвонят. Как вас зовут?

— Татьяна Владимировна.

Конечно, Брока могла просто оставить женщине визитку директора агентства, но раз уж клиент сам объявился, было неразумно его потерять.

— Аста, — представилась журналистка в ответ и предложила: — Да вы присаживайтесь.

— Я хочу разыскать папу своего внука. Моя дочь умерла, и не хочется, чтобы мальчик оставался круглым сиротой. Ему десять лет всего. А у его отца есть еще дети от первого брака, и мой Женька мог бы познакомиться с братьями и сестрами. Денег нам никаких не надо, только общение.

— Расскажите мне все, что знаете об этом человеке, а я запишу. Имя, возраст, где живет, чем занимается.

— Зовут Сергей Танаев, тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года рождения... Это все, что я знаю.

— А чем он занимался? Как ваша дочь с ним познакомилась? Когда они в последний раз встречались?

— Познакомились они в Геленджике, в каком-то дорогом отеле, лет двадцать пять назад. Уле всегда надо было все самое лучшее, вот она и приехала отдыхать в этот отель. Ну и Сергей там тоже был. Познакомились.

— Уля — это полное имя? — уточнила Аста.

— Нет, ее звали Ульяна. У них роман длился лет пятнадцать. Вместе они почти не жили, то он к ней приезжал, то она к нему летала. Я его и видела только один раз. И вот мне дочь сказала, что беременна, спрашивала, что делать. Я говорю: «Рожать, конечно. Тебе почти тридцать пять. Тянуть больше некуда». Родился Женька. Сергей приехал, когда мальчику было полгодика, сделал тест ДНК, и все, больше Уля с Сергеем не встречались. По крайней мере, я об этом ничего не слышала...

— А чем он занимался? Где жил?

— Занимался бизнесом в разных городах. Ульяна летала на встречи с ним то в Москву, то в Нижний Новгород, то еще куда-то.

— Так что же, отец не стал помогать сыну? Денег не слал?

— Сергей сказал, что помог Уле в этой жизни уже достаточно, она с этим согласилась и на алименты подавать не стала. Какую-то сумму он ей оставил на первое время, пока она не работала.

Асту подмывало спросить, чем занималась дочь Татьяны, и что с ней случилось, но не хотелось показаться бестактной и разбередить раны женщины, потерявшей ребенка. Она взглянула на листок блокнота, в котором делала записи, и вдруг поразилась:

— Пойдите, но, судя по году рождения, этому Танаеву уже шестьдесят шесть лет! Он вообще жив еще? Не может же такого быть, чтобы за десять лет он ни разу не дал о себе знать и не захотел увидиться с сыном.

— Такие не умирают, — улыбнулась Татьяна Владимировна. — Да, Сергей мой ровесник. Уля была моложе его на двадцать лет. А вот ведь как Бог распорядился. Она отметила свой юбилей — сорок пять — и ночью умерла от сердечной недостаточности — последствия ковида сказались. Скоро годовщина будет. Так что с Женькой сейчас живу я и мой муж. И очень хочется, чтобы мальчик увидел отца, познакомился с братьями или сестрами, я уж не знаю, кто там у Сергея от первого брака.

— Я передам нашему директору все сведения, — пообещала Аста, а когда за посетительницей закрылась дверь, задумалась. Понятно, что с такими «подробными» сведениями обращаться за помощью в поисках отца мальчика в полицию бессмысленно. Другое дело, если бы этот человек был жителем Краснодарского края, тогда еще могли бы пробить по базе регистрации. Не так уж много обнаружилось бы Танаевых в возрасте шестидесяти шести лет. Но по всей России! Никто не станет рассылать запросы по всем регионам страны, он ведь не фигурант уголовного дела. Можно было, конечно, подать в суд на алименты, после чего разыскивать сгинувшего папашу стали бы уже судебные приставы. Но, насколько журналистке было известно, не слишком исполнители стараются с розыском должников.

Ей стало интересно, как станут действовать сотрудники Агентства, если возьмутся за это дело. Как бы поступила она сама? Для начала попробовала бы пройти по социальным сетям. Аста забила данные в Одноклассники, ВКонтакте и еще на пару сайтов. Сергеев Танаевых выплыло не так много, но все они не подходили по году рождения. Хотя он ведь мог поставить и другую дату, раз завел в свое время роман с девушкой на двадцать лет моложе себя.

Ей вдруг стало обидно за всех женщин сразу. Вот так, выходи замуж, рожай детей... А потом ты уже старуха, а твой муж в пятьдесят пять лет заводит малыша!

Она попробовала зайти с другой стороны. Набрала в поисковике «Сергей Танаев, руководитель, директор, предприятие». Ничего подходящего. Ну, если он был бизнесменом, должен же какой-то след от его деятельности остаться! Не мог же он всю жизнь нелегально зарабатывать. И тут ее осенило. Индивидуальный предприниматель! Данные на них обязательно публикуются в открытом доступе.

Сергей Викторович Танаев числился не предпринимателем, а учредителем в двух действующих ИП — базе отдыха «У реки» и фирме «Вертикаль» по возведению и ремонту зданий и сооружений. И база, и фирма находились в Самаре. Это было уже что-то. Хотя директором обоих предприятий значился другой человек, некий Коржаев, он же не мог не знать своего учредителя и не иметь его координат!

Набрав номер базы отдыха, Аста услышала в трубке:

— Служба размещения.

— Здравствуйте, я — журналист из Краснодара, разыскиваю Сергея Викторовича Танаева. Это по личному вопросу. Для него есть очень важная информация.

— Я не знаю такого, — холодно ответила девушка.

— А как связаться с вашим директором Коржаевым?

— Оставьте ваш номер, я ему передам.

Точно такой же разговор состоялся и с сотрудницей «Вертикали».

— Девушка, пожалуйста, это очень важно, — взмолилась Аста, продикував номер своего телефона.

Далее оставалось только ждать. День перевалил за вторую половину. Аста была всецело поглощена обдумыванием свалившейся на нее жизненной истории и ожиданием звонка. Расшифровывать диктофонную запись, из-за которой она сегодня явилась в контору, совершенно не хотелось. Но ведь она и не обязана делать это прямо сейчас. Потерпит статья в журнал, не опоздает.

Звонок с незнакомого номера раздался около четырех часов. Не поздоровавшись и не представившись, мужчина раздраженным голосом спросил:

— Вы зачем Танаева разыскиваете, по всем базам звоните?

— У меня для него очень важная личная информация. Пожалуйста, дайте мне номер телефона Сергея Викторовича, или передайте ему мой. Я живу в Краснодаре.

— Нет у меня его номера, — зло ответил невидимый собеседник и неприязненно спросил: — Если я вдруг как-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь его встречу, что ему передать?

— Если вы как-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь его встретите, передайте, что... — Аста стала лихорадочно соображать, как Танаев называл свою любимую женщину. Вдруг не Уля, а Яна? И на всякий случай выпалила редкое по сегодняшним временам полное имя: — Ульяна умерла!

— А что это значит? — явно опешил собеседник. Все-таки такими вещами как смерть обычно не шутят.

— Он поймет.

Следующий звонок раздался примерно через полчаса.

— Здравствуйте, Аста. Это Танаев. У меня сложные отношения с Коржаевым, но он все же передал мне ваш номер. Что случилось?

И она принялась рассказывать о сегодняшнем визите бабушки мальчика и то, что стало ей известно о смерти Ульяны, и про то, что мальчик надеется узнать своих родственников.

— Я предлагал Уле жить вместе, она сама не захотела, — начал оправдываться Сергей Викторович, но Асте это было уже неинтересно, и она сказала:

— Давайте я перекину вам номер телефона Татьяны, а ваш номер отправлю ей. Созвонитесь.

— Я обязательно скоро приеду повидаться с сыном, — твердо пообещал Танаев.

Нажав на кнопку отбоя, Аста сразу же принялась набирать цифры, записанные в блокноте, чтобы обрадовать бабушку. И та действительно очень обрадовалась, принялась горячо благодарить за помощь.

Конечно, Аста могла о визите Татьяны Владимировны вообще никому не рассказывать. Но на следующий же день встретила в кафе Мудрова, обедавшего с внуком, и не выдержала, тут же похвасталась своим первым, пусть и несложным, расследованием.

Что такое «Не везет?»

Эрик проснулся поздно. Для него поздно. То есть не в пять утра, как обычно, а в семь. Накануне он попросил Владимира купить бутылку водки. Тот согласно кивнул, обулся, натянул куртку, пересчитал купюры в портмоне и ушел.

Вернулся он из супермаркета, тяжело дыша и прихрамывая, поставил на пол в прихожей два больших полиэтиленовых пакета, протер носовым платком пот со лба, поморщился от боли, проговорил:

— Таким манером точно похудею, — и обессилено рухнул на стул.

Эрик поднял пакеты, отнес их в кухню, мысленно укорил себя за то, что заставил нездорового человека таскать тяжести, и принялся выкладывать на стол упаковки с продуктами.

— А ты что две бутылки взял?

— Подумал, может, Миша тоже захочет выпить.

— Нет. Он вообще никогда в жизни ни грамма спиртного не выпил. Принципиальный трезвенник. А ты?

— Ну, я могу пару рюмочек пропустить. Но больше ста грамм — нет, норма у меня такая..

Не считая двух рюмок, которые он поднял, Эрик прикончил всю бутылку один. О чем рассказывал новый знакомый, он уже не помнил, да и не слушал, погружившись в собственные невеселые мысли. Главной из них была одна: ему никогда по жизни не везло. С ней он заснул, не дождав-шись возвращения Михаила, с ней же и проснулся.

Голова была тяжелой, его мучило. Состояние было почти такое же, как в тот момент, когда он очнулся на пассажирском сиденье проклятой «Га-

зели». Он оглянулся в полумраке, заметил на стуле у дивана стакан воды и жадно выпил ее всю. Интересно, это он налил себе воды на ночь, или Владимир позаботился? В любом случае, не полегчало, даже еще сильнее затошнило. Что за черт, такого с ним никогда не было! Впрочем, у него вообще ничего не было: ни жены, ни детей, ни дома, а теперь еще и документов.

Как же так вышло? Куда подевалась полная надежд молодая жизнь? Почему она привела его, красивого и умного парня атлетического сложения, к такому плачевному исходу? Увы, ему никогда не везло. И все же в такое дерьмо, как несколько дней назад, он еще никогда не вляпывался, и в таком ужасном положении еще никогда не оказывался.

В кухне что-то загремело, и Эрик, поморщившись от возобновившейся головной боли, вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

— Доброе утро, — радостно поприветствовал его Владимир. — Хочешь кофе?

— Хочу кого-нибудь убить, — мрачно отозвался Эрик и спросил: — А Миша спит еще? Он вчера поздно пришел?

— Он не приходил.

— Как это, не приходил? — удивился Эрик.

— Да так. Как уехал вчера утром на твоей машине, так больше и не появлялся.

Очень легкое убийство

Неопрятного вида мужчина неопределенного возраста стоял, прислонившись спиной к стене одноэтажного дома из красного кирпича, и потягивал пиво из жестяной банки. Его широкие коричневые штаны украшали масляные пятна, продранная в нескольких местах стеганая куртка была немного тесновата, голову обтягивала тонкая трикотажная шапочка. Правая щека похмелявшегося была расцарапана, а под левым глазом синеватыми разводами расплылся внушительных размеров синяк. Но любоваться «красавчиком-маргиналом» было некому, узкая улочка многолюдностью не отличалась.

Блуждающий взгляд мужчины время от времени останавливался на красном тряпичном баннере, растянутом на железном заборе. Надпись гласила: «Продается», под ней выстроились в ряд нарисованные цифры номера телефона. Самого дома не было видно, только покатую шиферную крышу. Стало быть, строение старомодное. Да и земельный участок невелик, пара соток, скорее всего...

И тут в переулок въехал красный «Форд». Водительская дверь распахнулась, и из салона неловко вылезла пышная дама лет пятидесяти в крас-

ной, под цвет машины, дубленке и с такой же яркой помадой на полных губах. Вслед за ней показались мужчина и женщина средних лет, оба в синих джинсах и коротких куртках.

«Красная дубленка» встряхнула черными, как смоль, волосами, провела в воздухе рукой вдоль забора и торжественно произнесла:

— Фасад длинный, здесь можно поставить широкие ворота и сделать въезд для машины. Место во дворе есть. Сейчас сами все увидите.

Троица вошла во двор, откуда продолжал доноситься зычный женский голос:

— Домик, конечно, небольшой, всего три комнаты, но добротный, фундамент высокий, люди же для себя строили. Сейчас перебрались в другой город, поближе к детям. Коммуникации все центральные...

Вышла троица минут через пятнадцать. Закрывая калитку, риелтор предложила:

— Вы, конечно, подумайте, посоветуйтесь, но я бы вам рекомендовала остановиться именно на этом варианте. Определяйтесь, а то у меня в воскресенье еще два просмотра.

— Мы подумаем, — пообещала клиентка, и пара удалилась, а риелтор присела у забора.

Бомж продолжал следить за ней и вдруг заметил, что женщина подсунула руку под забор. Он сразу догадался — ключ на металлический уголок положила! Надо же, как ему повезло!

Выждав минут двадцать после отъезда красной машины, мужчина перешел дорогу, присел у забора и стал шарить под ним, пока не нащупал одинокий ключ. Затем аккуратно открепил растянутый баннер, сложил полотно квадратиком и, скользнув в калитку, закрыл ее за собой на ключ.

Железная дверь дома была заперта на два врезных замка, но бомжу туда и не надо было. Зато небольшое кирпичное строение закрывалось на задвижку снаружи. Он ее отодвинул и обнаружил внутри помещения строительный верстак, а на стенах деревянные полки с садовыми инструментами и пустыми стеклянными банками. Мужчина снял со спины выдавший виды рюкзак и вытащил из него целлофановый пакет. В пакете лежали черная демисезонная куртка и серая бейсболка. Стянув с себя засаленные штаны и драную куртку, он остался в синем джинсовом костюме и подошел к стоящему на подоконнике овальному зеркалу в пластиковой оправе. На то, чтобы оттереть разрисованное лицо, понадобилось несколько влажных салфеток. Ну вот, теперь оставалось немного подождать. Где-то с часик.

Услышав звук подъехавшего к соседнему дому белого джипа, незваный гость включил свет в помещении и фонарь над крыльцом дома. Распахнув

калитку, он дождался, пока из машины выйдет водитель, мужчина среднего роста в черной кожаной куртке. Он опять, как и в предыдущие два дня, приехал один, но на этот раз без пакетов с продуктами.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнувшись, поздоровался бывший бомж. — Вы здесь живете?

— Да, — ответил приехавший мужчина и нажал на брелок сигнализации, чтобы закрыть машину. А вы...

— А я — ваш новый сосед. Ну что, давайте знакомиться! Андрей.

— Андрей, — представился в ответ сосед и восхищенно произнес: — Надо же, мы тезки! Вы купили этот дом?

— Задаток сегодня отдал, ключики взял. На днях поедем с риелтором документы оформлять... Слушай, тезка, загляни ко мне на секундочку, пожалуйста. Я тут не могу разобраться в одной небольшой проблемке. Может, подскажешь по-соседски, что к чему. — Он распахнул дверь мастерской и сделал приглашающий жест: — Вот смотри...

Как только мужчина вошел в помещение, злоумышленник схватил его сзади крепкими руками за голову и с силой резко ее крутанул. Раздался хруст сломанных шейных позвонков. Подхватив обмякшее тело под мышки, липовый тезка бережно опустил его на бетонный пол лицом вверх и обшарил карманы брюк и куртки убитого.

В кожаном портмоне оказалась толстая пачка пятитысячных купюр и две пластиковые карты. Наверняка бизнесмен недавно получил за заказ крупную сумму наличными. Это хорошо. Можно, конечно, еще опустошить банковские счета покойника из его же личного электронного кабинета, это дело техники, но мужчина не хотел рисковать. Уж слишком гладко все прошло, такое легкое получилось убийство, что не стоило искушать судьбу ради денег, которых могло оказаться не так много. Сейчас важнее было время.

Убийца надел новую куртку, положил похищенные купюры во внутренний карман и застегнул его на молнию. Из сотового Андрея он извлек сим-карту, протер ее влажной салфеткой, кинул картонный квадратик на верстак, а мобильник кинул в пакет, где лежало старье, в котором он пару дней бродил по окрестностям. Оставалось только выключить свет в мастерской и во дворе, протереть выключатели и закрыть за собой калитку.

Ключ на прежнем месте он оставлять не стал. Пусть у риелтора возникнет дополнительная проблема, которую придется решать, что потребует того же бесценного времени. Чем позже обнаружат тело, тем лучше.

Мужчина направился к стоящим за металлической решеткой мусорным бакам. В один из них, который был менее заполнен, бросил целлофановый пакет, предварительно вытащив из него сотовый, и зашагал в сторону переулка, ведущего к железнодорожному мосту.

На середине моста он постоял немного, посмотрел на скопление грузовых составов с вагонами и цистернами на запасных путях, как делал это несколько последних дней, наблюдая за нужным домом сверху, затем достал из кармана ключ от калитки и закинул его на плоскую крышу вагона. Раздался тихий металлический всплеск. Интересно, в какие края уедет ключик?

Спустившись по лестнице, он прошел мимо длинного бетонного блока, на котором лежало грязное ватное одеяло. Это было место ночлега одного из обитающих вблизи привокзальной площади бездомных. Сейчас они были заняты важным делом. Какая-то благотворительная организация взяла на себя миссию раз в сутки привозить бомжам горячий ужин. Вот и сейчас все выстроились в стройную очередь к раскладному столу. Кареглазая девушка в голубом халате раскладывала из чугунных котлов в пластиковые мисочки пшенную кашу и тушеную говядину.

Оглянувшись по сторонам и не заметив, чтобы на него кто-нибудь смотрел, мужчина положил под одеяло мобильный телефон убитого. Вот теперь все. Теперь можно спокойно сесть в автобус.

Откинувшись головой на спинку сиденья, он воспроизвел в памяти облик своей жертвы. Блеклые голубые глаза, глубокие морщины на лбу, редкие светлые волосы, выделяющийся даже под курткой животик делали убитого намного старше его сорока шести лет. И что в нем нашла такая роскошная женщина?

Своя жизнь дороже

Эрик каждый день проверял криминальные новости на сайтах краевой полиции и Следственного комитета. Сообщений об убийстве водителя «Газели» не было. Вбивал в поисковик ключевые слова из этой истории в надежде, что о ней пронюхают журналисты и что-нибудь напишут «по сообщению источника». Ни строчки ни в одном издании. Не нашел он и свое фото из паспорта в разделах о розыске пропавших лиц или подозреваемых в совершении преступления. Оставалось гадать: то ли труп до сих пор не обнаружили, то ли это преступление было слишком мелким для публикации. Незнание мучительно терзало, заставляла прокручивать в голове всевозможные сценарии развития событий. И все они казались безнадежными, за исключением одного: полиция нашла настоящего убийцу, а он, Эрик, больше не подозреваемый, и может свободно выходить на улицу и оформлять новые документы. А, может, и старые ему полицейские вернут. Хотелось на это надеяться, но верилось в такое чудо с трудом.

А тут еще Михаил уехал в неизвестном направлении на «школе», которая, возможно, уже числится в розыске. И даже позвонить ему нельзя,

потому как опасно вставлять сим-карту в телефон, можно обнаружить свое местоположение.

Утром третьего дня после исчезновения Михаила Эрик вошел в его комнату. На ключ она не запиралась, в принципе, и нечего там было запереть, полки в деревянном шкафу были практически пустыми. У Эрика тоже было немного вещей, но такой аскетизм просто подавлял.

Во втором отделении шкафа на нижней полке стояли летние туфли, выше — спортивная сумка. Эрик открыл ее и обнаружил трикотажный спортивный костюм, а под ним — кнопочный телефон, зарядку к нему и пистолет ТТ. Покрутив в руках опасную игрушку, на всякий случай протер ее подолом майки, чтобы удалить отпечатки пальцев. Денег в комнате Михаила он не обнаружил, хотя заглянул даже под матрас.

Он успел выйти в холл до того, как Владимир вернулся из магазина, в который он отправлялся каждое утро пополнять съестные припасы. Ни к чему кому-то было знать, что он, Эрик, копался в чужих вещах, тем более, что он в них обнаружил. Вот откуда у Заречного пистолет, и зачем он ему нужен? И куда он сам подевался? Ехал на «шкоде», и его задержала полиция? Попал в аварию? Не мог же Мишка продать его машину на запчасти и скрыться с деньгами! Не та сумма, из-за которой стоит марать свое имя. А что ему вообще о Заречном известно? В съемной квартире они прожили вместе чуть меньше года и друзьями не стали. Общались изредка, если вдруг случался совместный ужин. Что Миша успел о себе рассказать?

Родился он в Харькове, там же учился в школе и институте. Бизнесом начал заниматься со студенческих времен и очень в этом преуспел. Переехал в Луганскую область, был депутатом местного Совета, занимался политикой. Имел собственный крупный вещевой, он же продуктовый, рынок, большую квартиру и несколько джипов. В четырнадцатом году, после Майдана и государственного переворота на Украине поддержал идею о независимости Луганской и Донецкой республик и стал «врагом государства».

После окончания военных действий тот город, в котором Михаил жил и имел свой бизнес, оказался «за границей». Украинской армии и карательным отрядам удалось отвоевать часть Луганской области. Заречный потерял все — рынок, квартиру, машины. Потом создал в Москве «Фонд помощи» и несколько лет занимался тем, что возил в самопровозглашенные республики гуманитарную помощь.

Последние три года живет в Краснодаре. С бывшей женой и двумя взрослыми сыновьями не общается. Работает менеджером в магазине по продаже электроинструментов. Паспорт у него гражданина ЛНР, поэтому каждые три месяца приходится пересекать границу и возвращаться обратно, чтобы не превышать срока в девяносто дней, во время которых он может находиться на территории России без визы.

Когда Заречный уезжал, он обычно предупреждал, что его не будет дня три. Но в Луганск он ездил в прошлом месяце. Изредка Миша исчезал на одну ночь без объяснения причин, ведь он не обязан был отчитываться перед соседом. И Эрик думал, что причина — женщина. Что же могло случиться сейчас? Мысли бегали по кругу, при этом благоприятных объяснений не находилось.

Из мрачных раздумий его не вывело и появление Владимира с очередным пакетом продуктов, которые он сразу же принялся раскладывать по полкам холодильника.

— Ты чего такой мрачный? — спросил Владимир, выйдя из кухни с кружкой кофе в руке и присев за большой стол в холле. — Надеюсь, сегодня тебе опять не хочется кого-нибудь убить?

— Хочется. И не кого-нибудь, а конкретного человека. Правда, я не знаю, кто он. Но этот зяблик меня жестко подставил. Надеюсь, я узнаю, кто он такой, — мрачно ответил Эрик и философски продолжил: — А вообще люди массово не убивают друг друга по двум причинам: либо потому, что им нет от этого никакой выгоды, либо из страха понести наказание перед законом.

— А ты смог бы убить?

— А я и убил. Двоих. Мужчину и его сына-подростка. Можно сказать, что даже троих. Мать ребенка сошла с ума. В психлечебнице она.

— Как так? — пораженно уставился на Эрика Владимир. — Зачем ты это сделал?

— В аварии это произошло. На трассе.

— Ну, это не тот пример, — облегченно выдохнул Владимир. — Это опасная ситуация на дороге. Такое с каждым водителем может произойти.

— И происходит. А дело было так. Я ехал по трехрядке с уширением по третьей полосе, как обычно, то слева, то справа. И вот с той стороны полоса обгона заканчивалась, начинался отбойник, мы все построились в колонну по одному. И тут... Зяблик на «тойоте» летит, как на Формуле-1, четверых уже обошел, а пятый — рейсовый «Икарус». Уширение закончилось, а Шумахер все летит, тормозить не собирается, и я понимаю, что мне триндец.

Любой дэпээсник сказал бы: «Ты в своем ряду, никуда не виляй, потом сам же виноват будешь. Просто тормози». Я так и сделал, но все-таки в последний момент перед ударом вильнул резко влево, потом так же резко вправо, и опять влево, чтобы остаться на трассе. Это меня и спасло. Удар пришелся по касательной, а если бы в лоб, он бы меня к заднему сиденью навечно припечатал. Шумахеру повезло меньше: от удара по моей машине его отбросило на «Икарус», который он все-таки обогнал... Потом уже я узнал, что этот зяблик ехал с сыном-подростком. Оба скончались на

месте. Но у меня была секунда на выбор: чья-то жизнь или моя. Я выбрал свою, она дороже.

— Не снятся они тебе, эти муж, жена, ребенок?

— Нет, не снятся, — зло ответил Эрик. — Потому что я был прав!

Лучший почерк для преступника

Когда Мудров вошел в кафе, его внук уже сидел в их любимой кабинке. Парень поднялся, чтобы обнять деда, они одновременно сказали друг другу: «Хорошо выглядишь», и оба рассмеялись.

За обедом генерал-лейтенант спросил:

— Мы в прошлый раз с тобой не договорили. Почему ты все-таки считаешь, что командир нижегородского СОБРА, его жена и двое детей — это не дело рук банды «амазонок»?

— Сейчас поясню. Итак, на трассе «Дон», неподалеку от станции Аксайской, нашли брошенный автомобиль, в нем — четыре трупа: муж, жена, девочка-школьница и шестилетний мальчик. Убийцы пустили в ход и огнестрельное оружие, и холодное.

— Что, впрочем, «амазонки» всегда и делали. И стреляли, и пускали в ход ножи.

— Это да, — согласился лейтенант и продолжил: — Но в данном случае за рулем был не обычный гражданин и даже не простой полицейский. Стал бы подполковник СОБРа подпускать к себе бандитов, если в его машине жена и двое детей? И что это за идея, досрочно возвращаясь из санатория, вдруг решить «поспать в лесочке»? Прямо-таки верх легкомыслия. Кроме того, на теле девочки было обнаружено тридцать семь ножевых ранений. Это зачем бы «амазонки» стали так зверствовать? Они ведь убивали только для того, чтобы убить. Задача всегда была одна: не оставить свидетелей и завладеть добычей, будь то ювелирка, деньги или даже продукты. А это дикое зверство очень похоже на месть или устрашение. В первые дни после происшествия во всех телевизионных сюжетах озвучивалась версия, связанная со служебной деятельностью подполковника. За три месяца до смерти он приезжал в командировку в Ростовскую область и что-то очень серьезное там накопал, то ли о трафике наркотиков, то ли по незаконному обороту оружия. Но далее журналисты говорить об этом резко прекратили. Бандитское нападение — и все.

— Ты же в курсе, что тогда баллистическая экспертиза показала, что семью застрелили из охотничьей «Сайги»? — спросил Алексей. — Проверяли все «Сайги» района и алиби их владельцев. Охранник местного рынка добровольно принес свое оружие, и его обвинили не только в убийстве

семьи собровца, но в ряде других преступлений амазонок. Мужчина отсидел два года. Но поскольку гладкий ствол не оставляет следов, то доказать, какое конкретно оружие использовалось, было невозможно. И генпрокуратура отказалась утверждать обвинительное заключение...

— Ну да, — кивнул Константин. — Сначала на охранника повесили другие дела амазонок, а потом на них — убийство этой семьи. Даже мать погибшего собровца не верит, что виноваты «амазонки». Она уже десять лет ходит по инстанциям и пытается добиться справедливости. Хочет найти истинных убийц своего сына. Если верить матери, то лица ее погибших сына и невестки были сильно изуродованы, а на запястьях остались следы от наручников, то есть получается, что их пытали... Это тоже Инесса с Романом делали при помощи своих дочек?

— Костя, тут я тебе ничего не могу сказать. Если помнишь, я МВД Ростовской области возглавил в июле десятого года, а это убийство произошло годом раньше, так что на место преступления я не выезжал и тела не видел. А я всегда в таких случаях лично выезжал.

— Дед, я верю, что ты бы отнесся со всей ответственностью, — улыбнулся Константин и добавил: — Но в этом деле еще много нестыковок. Например, при осмотре места происшествия было написано, что убийцы ничего из ценностей не тронули. Зато четыре года спустя золотые украшения собровца и его жены вдруг нашли при обыске в доме «амазонок»! В общем, не верю я, что с подполковником и его семьей расправились именно они, не их это почерк.

— Да не было у них четкого почерка! Они то готовились к преступлениям, выслеживали жертву, изучали распорядок дня, то спонтанно нападали чуть ли не на первого встречного. Иногда заранее знали, у кого и что можно взять — ценности или оружие, а порой убивали и хватали все, что под руку попадет, — возразил Мудров и глубокомысленно завершил: — Лучший почерк для преступника — отсутствие всякого почерка, меньше шансов попасться. А что касается подозреваемых, смотри, сам никого зря не посади.

— У меня дежавю? Это же опять ваша Аста? — Костя слегка привстал со стула, опершись руками на столешницу. — Стоит только нам с тобой заговорить об амазонках и журналистках — она тут как тут.

Мудров-старший обвел глазами зал и тоже увидел девушку, присаживающуюся за столик. Как и в прошлый раз, он поднялся, приветственно помахал рукой и пригласил ее присоединиться к мужской компании. Аста подошла к ним, поздоровалась и смущенно сказала:

— Я, наверное, буду вам мешать. У вас же свои разговоры.

— Ничего секретного, — возразил генерал-лейтенант. — Что тебе заказать?

— Я уже обедала, а вот кофе с удовольствием выпила бы.

Мудров-старший взглянул на часы и поднялся:

— Молодежь, извините, но я вынужден вас покинуть, дела. Так что кофе попьете без меня.

— Ну, как там у вас жизнь на МАРСе? — спросил Константин, когда перед ним и Астой поставили по чашке капучино.

— Жизнь кипит! Все куда-то бегает и что-то делают. Я сотрудников почти не вижу, они же у нас к месту не привязаны. Иногда вылавливаю кого-нибудь по телефону, чтобы расспросить, есть ли что-то интересное мне рассказать. На днях закончила статью об очередном завершённом расследовании Агентства. Можешь почитать на нашем сайте.

— Обязательно прочту. А что там с историей про найденного папу? Имеет она продолжение? Он уже пообщался с сыном?

— А тебе это действительно интересно? — неуверенно спросила Аста.

— Конечно, иначе бы не спрашивал.

— Тогда расскажу. Только давай прогуляемся до моего дома. Погодка чудесная, не хочется сидеть в подвале.

Погода радовала ярким солнцем, которое еще не пекло, а нежно ласкало. Костя и Аста расслабленно шли по тенистой аллее вдоль цветочных клумб, и она рассказывала:

— Папа и сын не только созвонились и обменялись фотографиями, но уже и лично встретились. Сергей только в субботу от меня узнал, что Ульяна умерла, а в четверг уже приехал на машине из Москвы. Бабушка Жени мне позвонила и пригласила к ним в гости. Мне было неудобно соглашаться, все же совершенно незнакомые люди, но уж очень хотелось увидеть этого папу и его сына. Это так трогательно было! Представь, оказывается у этого Сергея аж пятеро детей и столько же внуков! Дочери от первого брака уже сорок лет, сыну — тридцать восемь. Потом у этого бизнесмена был еще роман с одной женщиной, родился сын. А после того, как Ульяна родила Женьку и отказалась жить с Сергеем, он снова женился. Причем, последняя жена младше его на целых тридцать лет! — Аста произнесла последнюю фразу с явным осуждением. — В этом браке появилась девочка, уже в первый класс ходит.

— Да, плодовитый оказался папаша. Но зато у Жени обнаружилось сразу столько родственников!

— Это да. Старшим брату и сестре этот мальчик в сыновья годится. Сомневаюсь, что им интересно будет общаться. Но у этой истории неожиданно обнаружилась и другая сторона. Не знаю, как правильно, «обратная» или «оборотная». Представь, я уже собралась домой уезжать, со всеми попрощалась, вышла в проулок к своей машине, и вместе со мной —

пожилая соседка Татьяны, зовут Лена. Она в соседнем доме живет, через забор. Мы с ней разговорились, и она мне такое поведала! Оказывается, Ульяна окончила медицинский институт, но ни одного дня нигде не работала. В двадцать лет она познакомилась с Сергеем, ему тогда сорок было, и он купил ей небольшой кирпичный домик с участком земли, на котором она выстроила солидный особняк. Понятно, тоже на деньги любовника. А маленький домик стала сдавать квартирантам. Кстати, особняк впечатляет. Огромная кухня-столовая с мебелью из натурального дерева, мраморная лестница с коваными перилами, несколько спален с ванными, да еще и спортзал с тренажерами... И сама Ульяна — красавица необыкновенная, я видела ее большую фотографию на камине: высокая, стройная, с большими голубыми глазами и светлыми волосами ниже плеч.

— А в чем же обратная, или оборотная сторона истории?

— В причине смерти Ульяны. Татьяна мне сообщила, что ее дочь умерла от последствий ковида. А соседка Лена рассказала совсем другое. Она считает, что Ульяна была эскортницей. В промежутках между встречами с Сергеем она куда-то часто уезжала, или же к ней на выходные приезжали на дорогих иномарках какие-то компании, мужчины и женщины, которые привозили большие пакеты с едой и выпивкой. Так Ульяна пристрастилась к спиртному. Она и с ребенком просидела меньше года, потом сдала его маме и отчиму и продолжила разгульный образ жизни.

Параллельно у нее был какой-то любимый мужчина, но женатый. И вот полтора года назад он объявил Ульяне, что развелся и хочет создать с ней семью. Она была на седьмом небе от счастья, не ходила, а летала, пить бросила, и компании больше не приезжали. А потом любимый мужчина попросил у нее денег на развитие бизнеса, дескать, чтобы они уже до конца дней ни в чем не нуждались. Она взяла кредит в три миллиона рублей и отдала ему.

— Надо думать, после этого любимый мужчина перестал выходить на связь и внес номер ее телефона в «черный список», — предположил оперативник.

— Так и было. А когда она его разыскала, то ли на работе, то ли дома, заявил, что ничего у нее не брал. Ее кредит — ей и выплачивать. И тут Уля запила всерьез. Соседка говорит, что на нее взглянуть было страшно, черная вся ходила. В день рождения к Ульяне приехали гости, посидели и уехали. А ближе к ночи она постучалась в окно кухни своего квартиранта — в ее маленьком домике тогда одинокий мужчина жил. Он открыл окно, и в этот момент женщина рухнула на землю. Квартирант схватил свой телефон и вылез через окно в их общий двор. Вызвал «скорую», хотя сразу же понял, что она уже не дышит...

— Сколько таких историй, — сочувственно произнес лейтенант и добавил: — Пострадавшие иногда обращаются в полицию, но если нет нотариально заверенной сделки или хотя бы долговой расписки, то с мошенника ничего не взыщешь.

— Ну да. Татьяне пришлось продать квартиру и машину, чтобы выплатить кредит. Так что теперь они с мужем живут в доме Ульяны вместе с мальчиком. Но мать не хочет признавать, что у дочери сердце остановилось от огромной дозы алкоголя, вот она и говорит, что Ульяна умерла от ковида и от горя. Еще сказала за столом: «Этот гад живет и радуется, а моя дочь уже год в земле лежит».

— Интересная у тебя профессия, — перевел Константин тему разговора. — Я в детстве тоже хотел стать криминальным журналистом.

— А я — работать в полиции.

— И почему не стала?

— Мама и моя рижская бабушка в один голос умоляли меня этого не делать, говорили, что я — это все, что у них осталось. У меня папа полицейским был. Они с мамой познакомились в Риге, когда она приехала туда с подругой в отпуск. Сразу же влюбились друг в друга, быстро поженились. Но детей заводить не спешили, карьеры строили, я у них появилась только через восемь лет после свадьбы. А когда мне было шесть лет, папа погиб, и мама решила вернуться в Краснодар, так что в первый класс я уже здесь пошла...

— Имя у тебя красивое, — снова перевел тему Константин. — Кажется, в переводе с греческого оно означает «горожанка», а со скандинавского — «божественная красота». Ну и где живет «Божественная Красота»? Улица Красная практически закончилась.

— Я живу в том же доме, где находится кафе, в котором мы сидели, — озорно рассмеялась Аста. — Так что пошли обратно, тебе же все равно придется туда возвращаться, потому что ты припарковал свой крутой скутер у моего подъезда!

— Из тебя получился бы отличный опер. Твои окна выходят во двор?

— Во двор. И на улицу — тоже, — снова рассмеялась Аста.

— Отличный наблюдательный пункт, — сыронизировал лейтенант.

И тут журналистка смутилась. Выходило, что она за ним шпионила. Высматривала. Черт подери, как неудобно получилось!

Гуманитарная помощь и любимая женщина

Около семи вечера Эрик Шерр сидел в холле съемного домика перед ноутбуком и смотрел очередную часть криминального сериала. Из-за гром-

кости он не услышал звука поворачиваемого в замке ключа и буквально подскочил, когда на пороге возник Заречный.

— Ты где был? — выдохнул Эрик и укоризненно добавил: — Третьи сутки пошли, блин!

— Пойдем, пошепчемся, — вместо ответа предложил Михаил и, сняв кроссовки, проследовал в носках в комнату Эрика. Тот растерянно двинулся за ним.

— Вот, за твою тачку, — сказал Заречный, вытащил из внутреннего кармана ветровки перетянутую резинкой пачку пятитысячных купюр и бросил ее на разложенный диван.

— Сколько здесь?

— Сто тысяч.

— Надо же, — обрадовался Эрик, подял деньги и сунув пачку под подушку. — Спасибо, не ожидал, думал, меньше дадут.

— Торговаться я умею.

— А я вот не умею. Так что еще раз спасибо тебе. На полгода хватит продержаться, если моя ситуация не разрешится раньше. А где ты был? Я аж извелся весь.

— Ездил с любимой женщиной в поездку.

— У тебя есть любимая женщина?

— Не похоже? — улыбнулся Миша и предложил: — Пошли ужинать, я голодный как черт. А наш повар так старается, что и при закрытой кухне запахи разносятся по всему дому.

Пока он мыл руки и переодевался, Эрик носил из кухни в холл готовые блюда, раскладывал на столе тарелки и столовые приборы.

— Аппетитно выглядит, — похвалил Михаил, оглядев сковородку с молодой тушеной капустой, блюдо с запеченной в духовке целой курицей и вазу с салатом из свежих овощей. Он сел на стул и заявил довольному похвалой Владимиру: — С завтрашнего дня будешь поставлять в дом продукты.

— Так я же и так, — растерянно протянул Квитко и удивленно приподнял кустистые брови. — Все ведь покупаю на свои деньги.

— За деньги каждый купит, а теперь будешь бесплатно поставлять.

— Это как? Воровать, что ли?

— Зачем воровать? Я тут поднял старые связи, договорился с директором одного супермаркета. Они каждый день около полуночи выносят на улицу продукты, у которых вскоре истекает срок годности.

— Так они же порченые, — брезгливо поморщился Эрик, накладывая в свою тарелку капусту.

— Ничего подобного. Даже после истечения срока, указанного на упаковке, товар еще несколько дней вполне съедобен. А Владимир будет по-

лучать то, что еще не скоро пропадет. Ты не волнуйся, в очереди с бомжами стоять не придется, тебе будут передавать специально сформированную коробку. Потом разберешься, что в духовку, что в морозилку. В конце концов, если, к примеру, помидоры чуть примяты, их можно на томат пустить.

— Конечно, а из творога и кефира сырники напечь, — обрадовано согласился Квитко. — Это отличная идея, как тебе только такое в голову пришло!

— Да не сейчас пришло. Я этим три года занимался, когда на Донбасс гуманитарную помощь возил.

— Расскажи подробнее, как это происходило, — попросил Эрик.

— Я был депутатом Луганского областного совета. И в одном из городов области у меня был собственный продуктово-вещевой рынок, магазины, офисы...

Когда в четырнадцатом году началась война, у нас образовался гарнизон. Базировался он на территории моего предприятия, сто тридцать ополченцев размещались там в офисах, в основном, местные парни, вооруженные автоматами и пистолетами. И я неофициально стал как бы куратором этого гарнизона.

В один из дней я спросил: «Пацаны, как вы дальше собираетесь жить, кто вас будет обеспечивать? Не будете же с протянутой рукой обращаться к населению. Раз пришли, два пришли, а потом вас и местные перестанут кормить. Надо решать вопрос, чтобы из России продукты возить, больше нам неоткуда». Было лето, тепло, на блокпостах противники Майдана собирали на помощь ополчению. Поехал я в Москву, у меня там друзья детства, братья-близнецы, бизнесмены. С ними договорился, потом еще по церковной линии, и мне быстро оформили благотворительный фонд. Главное, появилась печать, под которую я мог получать помощь. Договорился об аренде складов, куда станут свозить продукты, нашел людей, которые будут их пополнять.

Вылетел я из Москвы в Ростов в тот день, когда в мой город зашли украинские войска и националистические батальоны. Вокруг города разведчики насчитали более ста шестьдесят единиц тяжелой техники. Был у нас парень по кличке «Слон», и он мне так самоуверенно говорит: «Ерунда, Миха! Россия нам поможет, ждем». В результате, ночью командиры ополченцев приняли решение, что никто не отступает, а наутро гарнизоны стали уходить, последние — уже даже вплавь. Кто остался, утром приходит к месту базирования — а там уже БТР с украинским флагом. И что мне оставалось делать? На обочину упал и сутки полз, куда глаза глядят. Так что возвращаться мне было некуда. Доехал автобусом до границы с Луганской областью, вышел и спрашиваю у таксиста, кто сейчас на границе стоит? Какая-то

нацгвардия, говорит. Решил, что лучше пешком пройти десять километров, чем на транспорте попасться. Добрался до Луганска, там друг живет. Но связь с гарнизоном потерялась, и я не знал, где теперь ребят искать, ну и начал ездить туда и обратно, гуманитарку возить.

— А что бы было, если бы ты в свой дом вернулся? — спросил Владимир, который так увлекся рассказом, что даже есть перестал.

— Расстреляли бы без суда и следствия. Я же был объявлен врагом государства, — пожал плечами Заречный. — Мог быть и другой вариант. Людей, которых у нас хватало в четырнадцатом году, отправляли в харьковское СБУ. Привозят избитого человека с мешком на голове. «А кто это?» — «Депутат областного совета». — «А что он сделал? Воевал, убил кого-то?» — «Да нет. Просто он от партии регионов». И харьковские эсбэшники не понимали, что с человеком делать. Зато киевские очень хорошо понимали. Тогда немало людей в застенках сгинули.

— Ужас какой, — вздохнул Владимир, — один ведь народ.

— Не сказал бы, — нахмурился Заречный. — За тридцать лет после развала Советского Союза выросло целое поколение, которому так мозги промыли, что они считают себя особенным народом. Видел я их школьные учебники — вся история наизнанку. — У него вдруг кольнуло сердце, потому что его собственные сыновья как раз относились к поколению, которому «промыли мозги», и теперь они со своим отцом были по разные стороны «баррикад». — Так вот, — продолжил Михаил, — я приезжал в Москву за грузами, в Краснодаре тоже пункты сбора помощи организовал. И возникали ситуации, когда груз есть, а как его везти, непонятно. Обращался к казачеству, предлагал: «Я вам дам груза на одну машину, а вторую вы доставите туда, куда я вам скажу». В Москве был склад фармацевтической компании, там я познакомился с девушкой-сотрудницей, туда лекарства на списание свозили. До окончания срока годности оставалось еще два месяца, а в аптеках медикаменты с полок уже снимают. Фурами лекарства и перевязочные материалы возил, учебники в школы, продукты. И надо было еще мародерам не попасться.

— А на какие деньги ты жил? — поинтересовался Владимир.

— Квартиру мне друзья-предприниматели в Москве снимали. Билеты на самолет покупали. Бывало, в Москву прилетел, а денег нет не только на такси, но даже на метро. Подходил к сотрудникам метрополитена, показывал депутатское удостоверение, и меня всегда пропускали.

— И до какого времени ты возил эти грузы? — спросил Эрик.

— До семнадцатого года.

— А потом у россиян иссякло желание помогать Донбассу?

— Нет, потом ситуация изменилась, у меня случился инсульт. Три месяца лежал в Луганске в доме у друзей, они меня на своей машине на капель-

ницы возили. Потом долго еще отходил. Так что стало мне не до прыжков из самолетов в автобусы и фуры и обратно...

После того как квартиранты разошлись по своим комнатам, Эрик включил на ноутбуке фильм, который смотрел до появления Михаила, но вникать в чужие криминальные передраги не хотелось, со своими бы разобраться. Он щелкнул мышкой по значку «пауза» и выглянул в коридор. Заметив, что в Мишиной комнате горит свет, поскребся в дверь и почти сразу же ее открыл:

— Не спишь?

— Заходи. — Заречный захлопнул крышку ноутбука и развернулся на вращающемся кресле к Эрику: — Я так понимаю, раз ты ничего не говоришь, то сведений в инете по своей истории не нарыл?

— Нет.

— Я тоже просматривал криминальные новости и сайты ведомств. Думаешь, труп до сих пор не нашли?

— Я вообще не знаю, что думать. Голова кругом. Мечусь тут, словно зверь в клетке. Хорошо, хоть Вовка со своей бесконечной жратвой отвлекает. — Эрик присел на край дивана и в третий раз за вечер спросил: — А где ты был?

— Я же говорил. Ездил в поездку с любимой женщиной. У нее командировка была, гостиница оплачена, так что могли себе позволить провести две ночи в Анапе.

— А кем она работает?

— Журналист.

— Журналист? — встрепенулся Эрик. — Так она же может помочь узнать...

— Не может, — перебил Михаил. — Мы это с ней уже обсуждали. Во-первых, Катя работает не в криминальном отделе, ее темы — искусство, культура, образование, религия. Во-вторых, она могла бы попросить что-то разузнать коллегу, который сотрудничает с пресс-службами. Но как это будет выглядеть? «Здравствуйте, товарищи полицейские! Там в одной станичке труп в «газельке» лежит. Вы его уже нашли? Или дать вам точные координаты?» Надо подождать, пока появится информация по линии полиции или Следственного комитета.

— Так ты ей все про меня рассказал, — укоризненно констатировал Эрик.

— Не переживай, Катька — моя боевая подруга, она не сдаст.

— А как вы познакомились?

— Как раз по теме нашего сегодняшнего разговора. Во время сбора гуманитарной помощи. Я был в Краснодаре на сборном пункте, с приемщицами общался, а тут Катька подъезжает на своем джипе и начинает багажник разгружать. Пятилитровые канистры с подсолнечным маслом, пятикило-

граммовые мешки с сахаром и мукой. Вещи теплые привезла женские и в довершение — коробка с детскими игрушками. Я помогал выгружать, разговорились, и Катя попросила взять ее с собой в Луганск. Она тогда хотела сделать интервью со священником на тему «Гражданская война с православной точки зрения». На следующий день мы с ней поехали на ее джипе вслед за грузовой «Газелью» с гуманитаркой. Пару раз ночевали в доме у моих друзей... Ну, так вот и началось.

— А почему ты не живешь с ней? Или она замужем?

— Нет, разведена. Только зачем я ей? Без жилья и имущества, старше на восемь лет, да еще после инсульта. Не хочу в будущем стать для нее обузой. Вот, кстати, и Катя — Миша указал глазами на завибрировавший на столе сотовый телефон, и прошептал: — Извини.

Эрик поднялся, вышел из комнаты и, прикрывая за собой дверь, услышал тихий Мишин голос:

— А если без паники?

Надежды и приговоры

В воскресенье Аста Брока периодически бегала из спальни в кухню, глядя через кружевной тюль на входы в кафе и свой подъезд. Она пыталась засечь момент, когда на своем скутере подъедет Константин. Но ни парня, ни его ярко-синего «коня» не наблюдалось. К двум часам дня она решила, что Мудров-младший мог прийти на традиционную встречу с дедом и пешком, по крайней мере, стоило проверить эту гипотезу.

Девушка надела узкие черные брючки и свободный белый джемпер, провела щеткой по волосам, подкрасила ресницы. Перед выходом из квартиры она посмотрелась в зеркальную дверцу раздвижного шкафа и осталась довольна своим отображением. Молода, свежа, хороша!

Спустившись по лестнице в полуподвальное помещение, Аста прошла в сумрачный зал, взглянула в дальний угол, но Мудровых в кафе не было.

Брока выбрала свободный столик, присела и, обводя взглядом зал, увидела двух мужчин, сидящих за соседним столом. Она их сразу узнала: директор МАРСа Дмитрий Григорьев и руководитель Бюро экспертных исследований Рудольф Браилов. Здесь она видела их впервые.

Рудольф сидел к ней лицом, но делал вид, что не замечает. Приглашать ее за свой столик он не собирался, и дело не в секретных мужских разговорах, а в личной неприязни. В последнее время Асте казалось, что Браилов ее избегает, а при встречах смотрит то ли презрительно, то ли пренебрежительно, и не понимала причину такого отношения. Вроде ничего плохого она ему не делала.

Пару недель назад журналистка попросила Браилова дать ей интервью, на что он ответил весьма озадачившей ее фразой: «А почему я должен тра-

тить свое время, нервы и деньги?» Она растерялась, потому что толком не поняла смысла его тирады. Ну, время — еще понятно, оно для адвоката и эксперта важно. Но причем тут нервы? Разве деловой и дружеский разговор с сотрудником Агентства обязательно должен стоить каких-то треволнений? Кроме того, каждый материал в журнале — дополнительная реклама для потенциальных клиентов. Зачем адвокату отказываться от известности? А деньги вообще тут причем? Если мужчина имеет в виду, что во время общения в кафе купит девушке чашку кофе, так она и сама в состоянии за нее заплатить. Если уж он такой бедный или жадный.

Вскоре Браилов поднялся и пошел по залу к выходу, делая вид, что не замечает журналистку.

— Здравствуйте, Рудольф, — окликнула она его.

— Здравствуйте, — ответил он нейтральным голосом, не останавливаясь.

— А когда у вас будет время дать мне интервью?

— Какое интервью? Я же совсем недавно рассказывал вам о своем последнем процессе.

— Да. Но мне хотелось бы написать не об отдельном деле сотрудника Агентства, а о вас как о человеке, о личности в целом. Ну, элементы биографии, взгляды, привычки, личная жизнь...

Рудольф приблизился к столику Асты, отодвинул стул и, присев напротив, уставился на нее пораженным взглядом, как будто впервые видел:

— Личная жизнь, говорите? Это так интересно? Я должен перед вами вывернуться наизнанку? Устроить душевный стриптиз? Ладно, давайте попробуем. Включайте свой диктофон.

Аста торопливо нажала на значок диктофона в сотовом телефоне и придвинула его поближе к собеседнику.

— Итак, я родился в семье хронических алкоголиков и до шестого класса учился в школе для умственно отсталых детей...

— Не хотите говорить, и не надо. А издеваться незачем! — Аста схватила телефон и выключила диктофон.

Рудольф поднялся, церемонно поклонился, официальным тоном промолвил: «До свидания», и ушел.

Брока была готова расплакаться. Ну, что она ему такого сделала! Кто он вообще такой! Пижон, эстет, рисовщик! Строит из себя черти кого и обращается с ней подчеркнуто вежливо, а, по сути, по-хамски!

— О, Аста, привет, — подошел к ее столику Григорьев, плотный, бритый наголо, в синем костюме, похожем на полицейскую форму без ведомственных знаков отличий. Шеф сел на стул, с которого только что встал Браилов, и спросил: — Ты тоже любишь это кафе?

— Живу я в этом доме, потому и хожу сюда, — сердито отозвалась Аста.. — Дмитрий, вот скажите, почему Браилов ко мне так относится?

— Как?

— Неприязненно!

— Не замечал... — Дмитрий казался искренне удивленным.

— Вот сейчас попросила его дать мне интервью, а он такую ахинею понес! В открытую издевался!

— У Рудольфа сейчас непростая жизненная ситуация, так что ему пока не до интервью. И потом, Аста, не такой уж это сложный в журналистике жанр. Если собеседник интересный, разговорить его можно запросто, надо только заранее собрать о нем информацию и не задавать глупые вопросы в стиле «расскажите мне чего-нибудь». Мне кажется, тебе пора попробовать провести собственное журналистское расследование, а не только с чужих слов тексты набирать.

— Вы думаете, у меня получится? — Асте, с одной стороны, стало обидно, что шеф практически приравнял ее труд к расшифровкам диктофонных записей, а с другой — подумалось: может, она действительно годится на нечто большее?

Тут у Григорьева зазвонил телефон, он взглянул на дисплей и сказал:

— Извини, Аста, но надо ответить. Заодно и покурю на свежем воздухе.

Вернулся он быстро и снова извинился:

— Прости, надо бежать. Пока!

А в это время Браилова по указанному адресу подвез на своем джипе помощник. Адвокат, сидевший на заднем сиденье и читавший по пути текст приговора по уголовному делу, конечно, не подозревал, что окажется в ненужном месте в ненужное время. Он мгновенно отреагировал на удивленный вопрос водителя: «Что это тут происходит?», поднял голову от бумаг и увидел две полицейские машины и одну «скорую». Из распахнутых кованых ворот частного двора выходили двое мужчин в халатах салатного цвета с носилками, на которых лежало прикрытое белой простыней тело.

К джипу помощника адвоката подошел полицейский и сурово предложил:

— Документы предъявите, пожалуйста!

«Ну, вот, кажется, приговор приведен в исполнение, — подумал Рудольф. — И у полиции есть основания подозревать, что если это сделал не лично я, то некто по моей прямой указке».

О воспитанных бомжах и профилактике

На месте преступления Константин оказался первым. Он как раз проезжал мимо того самого проулка, в котором произошло убийство, когда ему позвонил шеф. Ответив на звонок, оперуполномоченный повернул налево и подъехал к нужному дому. У железных ворот стояли белый джип,

красный «форд» и дородная женщина лет пятидесяти, которую Мудров сразу же про себя окрестил «Пожарной машиной» за красную куртку и такую же яркую помаду. Женщина быстро и нервно курила, но, увидев подкатившего прямо к забору парня на скутере, бросила сигарету в траву и мгновенно забралась в свою машину.

Ну что же, не в первый раз такая реакция на его появление, впрочем, неудивительная. На полицейского Костя явно не был похож. К тому же прибыл через несколько минут после поступившего в дежурную часть сообщения, что происходит нечасто. Оперативник снял мотоциклетный шлем, уложил его в кофр, достал служебное удостоверение и приложил его в открытом виде к стеклу «форда». Испуганное выражение на лице женщины сменилось на понимающее, она разблокировала двери и неловко выбралась из машины.

— Здравствуйте. Это вы обнаружили тело? — сразу перешел к делу лейтенант.

— Да. Я — риелтор, Перцова Анна Артуровна. Дом этот на продажу выставлен. Я с клиенткой приехала, а тут...

— Где?

— В сарае. Только вы сами идите, я больше не хочу на это смотреть.

— Хорошо, ждите здесь.

Константин прошел во двор и заглянул в открытую дверь то ли кладовой, то ли мастерской. Не хотелось думать о покойнике цинично, но на ум тут же пришло выражение, что труп явно «не первой свежести». Ни следов крови, ни следов борьбы, а так как в выходные дни шел дождь, во дворе и на улице не будет отпечатков обуви.

Судя по неестественному положению головы, у мужчины сломана шея, определил оперативник. И его вдруг охватило чувство невосполнимой утраты, но не по погибшему, а по расследованию уголовного дела. Он интуитивно почувствовал: безнадежный «висяк»...

Мудров вернулся к машинам, у которых переминалась с ноги на ногу риелтор, и спросил:

— Вы же не в первый раз сюда приезжаете?

— Нет, далеко не первый. Никак не продается дом. А сегодня молодую женщину привезла, беременная она, для матери жилье ищет. Я только сарай открыла... Девушка тут же на улицу побежала, и вывернуло ее там под кустами. А пока я в полицию звонила, она к остановке почти бегом понеслась. Но у меня есть ее координаты, если что.

Оперативник понимал, что беременная клиентка в этой истории вообще ни при чем. Можно ее, конечно, потом допросить, но ничего существенного для дела это не даст.

— Погибший вам не знаком? Не видели его раньше?

— Вроде нет. У меня память на лица хорошая, хотя у этого человека лицо сейчас как-то не очень...

В проулке показались двое молодых полицейских, оба в форме. Костя определил их как участковых. Опорный пункт полиции, насколько он помнил, отсюда в пяти минутах хода, скоро здесь будет столько народа, что не протолкнуться. Следователи, эксперты, санитары, понятые... И обязательно высокое руководство, как же без него, если убийство...

В то время, когда Аста безнадежно высматривала из своих окон скутер Константина и его самого, он сидел на пластиковом стуле, стоящем на траве, и подставлял лицо и открытые части тела ярким лучам солнца.

В это воскресенье они с дедом приехали в гости к Владимиру Леонтьеву, полковнику милиции в отставке, другу детства и бывшему сослуживцу Алексея Мудрова.

«Старшие по званию», как шутя называл Костя деда и его друга, сейчас сидели в деревянной беседке в похожих спортивных костюмах и тихо беседовали. Из дома вышла жена Владимира Вера, осторожно спустилась по ступенькам крыльца и прошла по выложенной декоративным камнем дорожке в беседку.

— Костя, — донесся оттуда голос Мудрова-старшего, — иди к нам!

Лейтенант нехотя поднялся и пошел к беседке, где Вера расставляла тарелки с закусками. Из дома выскочил четырнадцатилетний сын Владимира и Веры, вприпрыжку добежал до стола, поставил на него две пластиковые бутылки с пивом и умчался назад.

— Никак от компа не оторвется, в воскресенье разрешаем ему поиграть, так он и поесть забывает, — улыбнулся Владимир и спросил у Кости: — Как служба идет, молодежь?

— Нормально. В эту пятницу, как положено, на районе состоялась очередная пьяная поножовщина. Сорокалетний мужик зарезал в собственном доме своего соседа и ранил его племянника. Но тут все ясно и понятно. А вот в прошлую пятницу убийство произошло интересное. Но, чувствую, не раскроем. По крайней мере, пока все глухо.

— Что так? — спросил Владимир, разливая пенный напиток по пивным кружкам.

Зная, что его собеседники все еще живо интересуются работой уголовного розыска, лейтенант отхлебнул из кружки пива и стал подробно рассказывать:

— В общем, частный дом был выставлен на продажу. На заборе, как положено, перетяжка с номером телефона риелтора. Я эту даму мысленно окрестил «пожарной машиной».

— Вся в красном? — предположил генерал-лейтенант.

— Ага. Да еще и голос такой, что запросто может изобразить сирену. И так, в позапрошлую пятницу она приехала к дому на своей машине вместе с клиентами, показала им все. Причем, ключи от дома она носила с собой, а от калитки — оставляла на металлическом уголке внизу забора. И вот в воскресенье она снова приезжает, уже с другими клиентами, смотрит — перетяжки на заборе нет, ключа на том месте, куда она его прятала, — тоже. Сначала подумала, что хозяева приезжали, может, передумали продавать, или сами нашли покупателей. Позвонила им, те не в курсе, что случилось. Ну и дама, чтобы не терять клиентов, потащила их на другой объект. В понедельник она вызвала слесаря, он вскрыл замок, поменял личинку. Риелтор забрала новый комплект ключей, во двор заходить не стала, и сразу же умчалась по другим адресам. И вот во вторник она приезжает с молодой беременной женщиной, осмотр начинается с хозяйственного строения, открывает дверь — а там труп мужчины со свернутой шеей. Как потом выяснилось, это Андрей Мурашов, он жил в соседнем доме, перед воротами которого остался его джип.

— То есть, мужчина откуда-то приехал, машину во двор не загнал, а зачем-то зашел в соседний двор, где ему свернули шею? — уточнил Владимир и взял с тарелки тоненький ломтик вяленой пастромы.

— А он никогда машину во двор и не загонял, нет такой возможности, дом стоит недостаточно далеко от ворот.

— Камер в проулке, конечно, нет, и никто ничего не видел? — усмехнулся генерал-лейтенант.

— Но почему же «никто ничего»? Риелтор с крутой фамилией Перцова в пятницу после обеда видела на противоположной стороне улицы какого-то бомжа. Когда они приехали с клиентами, он подпирал спиной кирпичный дом, что стоит наискосок от выставленного на продажу. Уезжала — бомж еще стоял. Но описать его толком она не смогла, ни возраста, ни внешности — оборванный, побитый, и все.

— Стало быть, он мог видеть, как она ключи под воротами оставляла, — вставил полковник.

— Возможно. Также на этого маргинала обратила внимание бабушка-старушка, видела его из окна своей избушки. Она еще удивилась: пиво выпил и банку в мусорный бак отнес. Какой нынче воспитанный бомж пошел! Но, увы, мусор до обнаружения трупа уже, конечно, вывезли.

— Я однажды общался с бомжом — кандидатом наук, так что, как говорится, от тюрьмы и от сумы... — философски заметил Владимир и спросил: — А с какой точностью определили время смерти?

— Та же пятница, около девятнадцати часов. Но, если учесть одно обстоятельство, можно сказать точнее: девятнадцать-пятнадцать. Именно

в это время телефон погибшего пропал из сети. Сим-карту преступник вытащил и оставил на верстаке, а сотовый, по-видимому, унес с собой. Аппарат с тех пор не включался. Кошелек убитого пуст.

— И что, никаких следов? Ни отпечатков обуви или пальцев, ни биоматериалов? — спросил полковник.

— Нет. Ни на выключателях, ни на сим-карте, ни на кошельке погибшего. Один момент меня вообще поразил. Перетяжка, которую преступник снял с забора. Вряд ли он делал это в перчатках, ведь на ткани могли биоследы остаться. Так он что сделал? Кинул ее в пустое цинковое ведро, оно стояло на отрытом месте за хозпостройкой. В выходные пошел дождь и заполнил полведра... Похоже, этот жулик учел даже прогноз погоды.

— И что, этого Мурашова никто не хватился? Четыре дня его никто не искал? Чем он занимался? Семья? — засыпал внука вопросами дед.

— С женой Мурашов развелся два года назад. Отношения неприязненные, они совсем не общались. Я с ней говорил. Рассказала, что бывший муж требовал с нее половину стоимости их квартиры, нажитой в браке. Пришлось выплатить. Деньги дали ее родители.

— А дети?

— Один сын. Он сейчас в армии, в Крыму служит. Насчет любовницы неизвестно, звонки за последний год в основном по работе. Был у него цех по изготовлению натяжных потолков, несколько бригад на объекты выезжали. В выходные дни никто шефа не искал. Когда он в понедельник не появился на рабочем месте, решили, что ушел в запой. Пару раз за последний год такое уже случалось, поэтому никто не стал кипиш поднимать. — Костя допил из кружки, отодвинул ее на край стола и поднялся: — Если никто не возражает, я еще позагораю.

— Давай, — кивнул хозяин дома.

— Что думаешь по поводу убийства этого Мурашова? — спросил у него Алексей, когда лейтенант покинул беседку.

— Пока не определился. Слишком мало данных. На простое ограбление не похоже. Слишком сложно для того, чтобы забрать сотовый и деньги. И бомж этот странный. Возможно, он следил за домом, выполнял чье-то задание.

— А может, просто ошивался по округе, — предположил генерал-лейтенант и рассмеялся: — Их там полно в районе вокзала, иногда переходят по мосту в город, достопримечательности осматривают.

Вечером во время ужина разговор на тему преступлений продолжился.

— А сам ты что думаешь по поводу убийства этого Мурашова? — спросил Владимир у Константина.

— Деньги или месть, — ответил Костя, ежась от наступающей вечерней прохлады и накидывая на плечи ветровку. — Если Мурашов не оставил

иного завещания, (а это вряд ли), то его дом и предприятие достанутся сыну. Так что жена, недовольная несправедливой, с ее точки зрения, делжкой после развода, могла бывшего заказать. Ну, он мог и еще кому-то насолить. Пока расширяем поиск среди его знакомых.

— Если убийца сумел ловко и без особого шума свернуть человеку шею, то он может иметь отношение к спортсменам или медицине, — предположил полковник.

— Таких у нас в стране может оказаться целый миллион, если не больше, — заметил Мудров-старший.

— Мальчики, вы опять все про полицию? — вошла в беседку Вера. — Идите уже в дом, чаю там попьем, на улице прохладно. Костя, ты же останешься у нас ночевать?

— Конечно, останусь, — с улыбкой ответил Константин, и в этот момент у него зазвонил сотовый телефон...

Опера, угрозы и духи

Во вторник, вернувшись с работы, Михаил скинул у вешалки кроссовки, поздоровался с суetyащимся на кухне Владимиром и прошел в комнату Эрика, который лежал на диване в спортивных штанах и трикотажной майке с раскрытой книгой в руках. Он прикрыл за собой дверь и тихо сообщил:

— Ну что, спешу тебя обрадовать. Петровича твоего в «Газели» нашли, и ты — подозреваемый номер один в его убийстве.

— Откуда знаешь?! — резко подскочил Эрик, и тяжелый том с грохотом упал на деревянный пол.

— Ко мне на работу сегодня опера приходили, — ответил Михаил и, взглянув на тисненные золотом буквы названия лежащей на полу книги, удивленно проговорил: — Надо же, «Преступление и наказание». Сам он вряд ли стал бы перечитывать Достоевского, но Эрику этот роман сейчас, наверное, казался актуальным.

— А как они тебя нашли?

— По биллингу. Знаешь такое слово? Ну, вот. Мы же с тобой целый год почти каждую ночь находились в одной квартире. Стало быть, напрашивается вывод, что жили вместе. Выяснить, где я бываю вместе со своим телефоном каждый рабочий день, не проблема.

— Я об этом не подумал...

— А я подумал. И был готов. Поэтому заранее разработал версию, которую сегодня и озвучил доблестным полицейским.

Эрик непонимающе уставился на Михаила:

— Но мой номер оформлен на женщину, с которой у меня были отношения несколько лет назад.

— Думаю, опера позвонили на другой ее номер, и она сказала, что покупала тебе сим-карту. Хотя это и неважно. Ясно же, что это ты «таксовал» и годами курсировал по всему городу и за его пределами, а не она. И с Петрови-чем незадолго до его гибели созванивался ты. Но это все детали. Ты главное уловил? Ищут тебя! Других версий у следствия, по-видимому, нет.

— Да я так и предполагал с самого начала, — обреченно выдохнул Эрик. — И что ты сказал ментам?

— Почти правду. Но когда в реально правдивый рассказ вторгается единственная не соответствующая действительности фраза, она прекрасно вписывается в общий контекст. Итак, я изложил следующую версию событий. Во время локдауна, когда все сидели по домам, я не мог работать и, соответственно, оплачивать съемный домик, в котором жил. Тогда я нашел по объявлению комнату в квартире, а во второй жил ты. Общались мы мало, так что толком о тебе ничего не знаю. Потом мои заработки восстановились, и пару недель назад мы с тобой решили перебраться в частный дом, чтобы жить без визитов хозяйки, которая нас доставала своими замечаниями. Собрали вещи и вечером приехали по адресу. Как ты помнишь, все так и было. Но... Я сказал операм, что, когда мы подъехали к новому жилью, тебе кто-то позвонил. Ты поговорил по телефону и заявил мне, что передумал вселяться. Помог занести в дом мои вещи, а сам со своим скарбом уехал. А наутро вдруг объявился еще один претендент на жилье, и я обрадовался, что у меня будет сосед, с которым можно платить за дом пополам.

— Ну да, почти так все и было, — кивнул Эрик и с надеждой в голосе спросил: — Как думаешь, сюда менты уже не заявятся?

— Надеюсь, что нет. Мне показалось, они были удовлетворены моими ответами. Но, в крайнем случае, ты же знаешь, что делать.

На случай появления незваных гостей, Владимир с первого дня получил инструкции. Если кто-то позвонит в калитку, он тянет время с открыванием двери, а Эрик тем временем вылезает через окно кухни на задний двор и поднимается на чердак. Вариант, при котором полиция явится с ордером на обыск, мужчины не рассматривали. — такое развитие событий казалось маловероятным.

Вспомнив о том, что накануне Миша говорил по телефону со своей любимой женщиной и произнес фразу: «А если без паники?», Эрик решил перевести тему разговора и спросил:

— А как там твоя Катя? С ней все в порядке?

Заречному не хотелось отвечать на этот вопрос и вводить соседа в курс дела, но Эрика надо было как-то отвлечь от его личных проблем, поэтому Михаил ответил:

— Не совсем. С ее дочкой Аней произошла неприятная история. В воскресенье, когда мы вернулись из Анапы, Катя занималась домашними де-

лами, а дочь зависала на сайте, потом выскакивает в кухню и верещит: «Мама, меня хотят убить!»

— А сколько девочке лет?

— Тринадцать. В общем, Катька начинает выяснять, что случилось. Оказалось, что Ане вдруг начал писать некто неизвестный с рисунком волка на аватарке, и задавать вопросы: «Твою маму зовут Катя? А младшую сестренку — Лиза? А квартира у вас номер семьдесят пять? А учишься ты в тридцать третьей школе?» Аня машинально отвечает: да, да, да... Далее следует вопрос: «Ну и что, твои близкие живы-здоровы?» — «Спасибо, да. А вы кто?» — «А я тот, кто хочет тебя убить». Девчонка, конечно, перепугалась и заблокировала этот аккаунт, но через пару минут ей пришло сообщение уже от другого пользователя с таким текстом: «Я хочу отрубить тебе пальцы. Сначала на руках, потом на ногах. А уже потом убить. Чтобы ты была уверена в моих намерениях, спроси у своей сестры, кто к ней подходил сегодня возле секции, в которой она занимается». Ну, представляешь, что с ребенком было?

— Да, представляю. Действительно, ужас и для мамы, и для девчонки, — сочувственно отозвался Эрик. — И что Катя сделала?

— Для начала позвала Лизу и спросила, кто к ней подходил, когда она на гимнастику шла. Девочка говорит, что подошел какой-то незнакомый ей мальчик, светленький, кучерявенький, судя по возрасту, старшеклассник и сказал: «Ты Лиза? Передай Ане привет». Вот после этого рассказа дочка Катя и позвонила мне, вся в истерике.

— И что ты ей посоветовал?

— А что тут можно посоветовать? — пожал плечами Заречный. — Сделать скриншот этих сообщений и подать заявление в полицию. Катя с утра вызвала такси, так как в свою машину сесть боялась, Лизу в школу отвезла, а сама с Аней в полицию поехала. В отдел по делам несовершеннолетних. Специалисты там, судя по Катиному описанию, те еще. Дежурная ПДН, девушка лет двадцати трех, худенькая, маленькая, черноволосая, вся такая лапочка, вся такая миленькая... Начала записывать, и сообразить не может, как все это происшествие правильно изложить. Катя даже стихами об этой сотруднице высказалась: «Вижу, стала буксовать, и пришлось ей диктовать»... Так что Катька теперь работает на удаленке и провожает девчонок в школу и обратно. Ждет, пока из полиции позвонят и сообщат, как продвигается дело.

— Как думаешь, что бы все это значило?

— Дочки у Кати правильные, не проблемные. Учатся хорошо, спортом занимаются, с неблагополучными подростками не водятся. Скорее, эта попытка запугать Аню — чья-то зависть или ревность. Но осторожность

не помешает. По крайней мере, пока эта ситуация не разрешится, — завершил рассказ Заречный и заявил: — Есть хочу. Чем там наш повар сегодня порадует?

— Мы с Володькой пельменей налепили.

Михаил пораженно посмотрел на Эрика и неуверенно спросил:

— Ты это серьезно?

— Вполне. Володька вчера ночью навез кучу пачек с разным фаршем, мы с утра все это в один тазик вывернули, смешали, специй добавили. Он тесто раскатывал, я пельмешки лепил. Несколько досок заморозили...

— Ну, вы и таланты. Так нам скоро второй холодильник понадобится.

— А мы уже подключили второй, который стоит в кладовке. Он, как оказалось, хоть и старенький, но вполне фурычит.

— Молодцы! — похвалил Михаил так искренно, что у Эрика заметно улучшилось на строение.

За что свернули шею бизнесмену?

Когда Константин присел за столик, подошла официантка, чтобы забрать пустые тарелки, так как Алексей Мудров и Владимир Петров уже успели пообедать.

— Рад вас видеть, Владимир Николаевич, — поприветствовал лейтенант полковника в отставке.

— Ну, здравствуй, молодая смена, — отозвался Петров. — Что нового в криминальном мире?

— Домушники опять активизируются, — улыбнулся Константин. — Насиделись, бедолаги, без работы, пока все население из-за пандемии по квартирам было заперто. Так что теперь жулики принялись улучшать свое материальное положение.

— Ты же вроде не по кражам? — заметил Петров.

— Да, но тут на днях, пока вор в квартире орудовал, неожиданно хозяин вернулся. Жулик ринулся бежать, а пенсионер попытался схватить злоумышленника. Завязалась драка, в результате хозяин получил удар в висок дубовым табуретом... Удар оказался смертельным.

— Поймали? — спросил Алексей.

— Не мы. На шум из соседней квартиры выскочили мужчина с взрослым сыном, скрутили жулика и вызвали полицию. Так что нам и бегать никуда не пришлось, только место преступления осматривать.

— Это хорошо, конечно, что преступник задержан, но сколько раз учили население не пытаться геройствовать, тем более, если силы не равны, — ворчливо проговорил Владимир Николаевич.

— Да, пенсионера жалко, ему шестьдесят семь было, мог бы еще вполне себе пожить, — с искренним сожалением в голосе произнес лейтенант, а его дед спросил:

— Что есть будешь?

— Ничего. Я тут сдуру после ночного дежурства слопал по пути домой чебурек, так до сих пор мутит, — досадливо поморщился Костя. — Крепкого чая выпил бы.

— Экая молодежь пошла нынче нежная, — хохотнул Петров. — Мы в свое время только чебуреками и питались. По кафе расхаживать ни времени, ни денег не было. Сутками работали.

— И кто вам был за это особо благодарен? — усмехнулся Константин. — Начальство или граждане?

— Особых благодарностей за свою работу оперативникам ждать не стоит, тебе это хорошо известно, — покачал головой полковник в отставке.

Пока они таким образом беседовали, Мудров-старший разлил чай по трем чашкам, хлебнул из своей, обжегся, поставил ее на блюдце, взялся за сотовый телефон и углубился в просмотр то ли сообщений, то ли новостей, и Константин, мельком взглянув на деда, вдруг заметил, что выражение его лица резко изменилось. Вообще-то генерал-лейтенанту было несвойственно открыто выражать свои эмоции. За долгие годы оперативной и руководящей работы в МВД у него выработалась привычка изображать беспристрастность при любых обстоятельствах, но сейчас он был явно чем-то поражен и молча протянул внуку свой телефон со светящимся дисплеем.

Константин взглянул на открытую на экране статью, и выражение лица у него стало таким же озадаченным, как несколько минут назад у деда. На сайте «Крими-Мира» красным цветом светился заголовок: «За что свернули шею бизнесмену?»

«Пятничным вечером руководитель фирмы по установке натяжных потолков подъехал к воротам своего дома на собственном джипе, после чего живым его больше никто не видел. Кроме убийцы. Труп предпринимателя был обнаружен в следующий вторник в сарае соседнего дома, выставленного на продажу. Обнаружила тело риелтор, которая привезла клиентов. По заключению судебно-медицинской экспертизы причиной смерти стал перелом шейных позвонков. Алкоголя и наркотиков в крови погибшего не обнаружено.

Соседи бизнесмена в день его гибели видели околачивающегося поблизости мужчину, напоминающего по внешнему виду бомжа. Однако вряд ли маргинал сумел бы замыслить и совершить настолько «идеальное убийство», что у следствия до сих пор нет ни следов преступника, ни определенных версий о причинах преступления. «Крими-Мир» располагает сведениями о том, что

незадолго до своей гибели предприниматель одолжил у своей знакомой три миллиона рублей, которые отказался возвращать. Но единственный ли это неблагоприятный поступок мужчины, за который ему могли отомстить?»

Автор публикации — Аста Брока. Ну, конечно, кто бы сомневался!

— Интересно, откуда она все это взяла? — спросил Константин у деда.

— Сам удивился. Потом подумал, что у девчонки, скорее всего, есть знакомства в Следственном комитете.

— Может, конечно, и так. У вас в МАРСе многие могут этим похвастаться. Но она пишет то, чего и в уголовном деле нет. Например, про три миллиона, которые у кого-то взял и не вернул этот Мурашов. А это уже мотив... Дай-ка мне телефон этой Асты.

— А ты не взял у нее номер? — Мудров-старший принялся листать список контактов в своем телефоне. — Она у меня твой взяла.

— Зачем? — удивился лейтенант.

— Сказала, что может понадобится информация или консультация для написания очередного материала. А вообще, по-моему, нравишься ты ей... Лови номер! — На телефоне Константина раздался звук пришедшего сообщения. — Кстати, обратил бы ты на девочку внимание.

— С такой девочкой надо серьезные отношения заводить. А мне еще ипотеку столько лет выплачивать.

— А с Настей, стало быть, отношения несерьезные, и ипотека значения не имеет? — улыбнулся Мудров-старший.

— Откуда ты знаешь про Настю?

— А я, по-твоему, уже не настолько Зоркий Сокол, чтобы не успеть заметить, от кого тебе сообщения приходят? Не хочешь, чтобы кто-то знал имя твоей девушки, зашифруй ее.

— Надо подумать на эту тему, — рассмеялся Костя.

Аста уже второй час подряд периодически подбегала к окну кухни, чтобы взглянуть на припаркованный у ее подъезда синий скутер. Сердце то сжималось, то бухало: Костя в кафе. Ей очень хотелось спуститься и, как это бывало прежде, присесть за столик, чтобы попасться ему на глаза. Но сделать это было очень страшно, казалось, она этим визитом опять вторгнется в родственное общение, и дед с внуком могут просто сменить место встреч, чтобы девушка им больше не мешала. Ее раздумья прервал звонок телефона. Аста взглянула на экран, нажала на кнопку и произнесла:

— Да, Константин. Добрый день.

— Аста, ты дома?

— Да. Работаю, — ответила она, стараясь говорить официальным тоном.

— А не могла бы оторваться от дел и зайти в кафе под твоим домом?

— Ну, в принципе, могла бы. Вы с Алексеем Павловичем сидите, как всегда, в дальней кабинке?

— Один сижу. Спускайся. Жду.

Один? Это что, приглашение на свидание? Аста уже давно надела летнее платье с коротким рукавом и легкий пиджачок, но не могла выйти из дома так вот сразу, будто только и ждала приглашения. Прежде чем закрыть дверь на ключ, она еще минут десять металась по квартире.

Наконец собралась с духом и, появившись перед столиком, за которым ее ждал Константин, с горделивой улыбкой знающей себе цену женщины царственно, как ей казалось, опустилась на стул. Но выражение ее лица тут же сменилось на растерянное, когда он протянул ей сотовый, на экране которого отображалась ее последняя статья, и вместо приветствия строго спросил:

— Что это?

— Как что? Понятно же. Мой материал.

— Откуда сведения?

— Как журналист, я не обязана разглашать источники информации. — Аста уже взяла себя в руки и принялась защищаться. Что за нападки!

— Как журналист, вы имеете право препятствовать расследованию уголовного дела? — Константин говорил вкрадчиво-грозным тоном, но Аста заметила, что в его глазах играют смешинки, и просто спросила:

— В чем дело-то? Что не так?

— А в том, что я работаю по этому делу. Если нужна была официальная информация, могла бы обратиться. Но меня интересует, откуда — неофициальная? Например, об исчезнувших трех миллионах.

— Я не знала, что это твой район. А что касается информации, так и быть, помогу следствию. Продам за чашку капучино.

Константин махнул рукой, подзывая официантку, заказал два кофе, и журналистка начала говорить:

— Помнишь, я вам с Алексеем Павловичем рассказывала, как нашла мальчику папу? Ну, так вот. На днях мне позвонила бабушка Жени и сообщила, что бывшего мужчину ее дочери убили. Это он занял у Ульяны три миллиона и отказался отдавать. После этого Уля запила и умерла от сердечной недостаточности. А Татьяне Владимировне пришлось продать их с мужем квартиру, чтобы погасить кредит, который Уля брала под залог своего дома.

— А откуда Татьяна Владимировна знает об убийстве Мурашова?

— Там давняя история. У Ульяны была подруга-одноклассница, зовут Мира. Естественно, мама Ули ее с детства знает. Когда Мира отмечала в кафе свое двадцатилетие, она пригласила на торжество и Улю, и новую

подружку— однокурсницу. А та пришла с молодым мужем. Это и был тот самый Мурашов. Ну и у них с Улей сразу возникла взаимная симпатия, потом они периодически в разные годы встречались, но разводиться Мурашов не собирался. Сделал это только тогда, когда сын в армию ушел, пообещал Ульяне жениться на ней, ну а дальше ты знаешь... Так что бывшая жена Мурашова, которой полиция сообщила об его убийстве, все рассказала подруге Мире, а Мира — Татьяне.

Костя задумчиво рассматривал расплывающееся на поверхности кофе молочное сердечко. Потом спокойно спросил:

— То есть ты оказала медвежью услугу Татьяне Владимировне — объявила ее главной подозреваемой по делу?

— Почему? Она, конечно, говорила, что этот гад живет, а ее дочь в могиле, но это же не факт, что мать Ули убила Мурашова из мести. Еще скажи, что пенсионерка свернула мужику шею!

— Могла кого-нибудь нанять... Кстати, а что насчет найденного папы мальчика? Он ведь тоже мог отомстить за смерть бывшей любимой женщины и матери своего ребенка.

— Не мог, — решительно возразила Аста. — В ту пятницу, когда произошло убийство, мы большой компанией находились в доме, где сейчас живет Татьяна с мужем и внуком. Это была годовщина смерти Ули. Все сидели за столом с пяти до восьми вечера, никто никуда не уезжал, ни Татьяна, ни ее муж, ни Сергей. Так что у всех алиби. У меня, кстати, тоже. — На последней фразе Аста рассмеялась и наконец-то взялась за чашку с кофе.

— Понятно, — помрачнев, произнес лейтенант и саркастически добавил: — Виновника смерти Ульяны убивают аккуратно в день ее гибели. И у всех ее близких людей есть алиби. Даже журналиста на всякий случай пригласили, чтобы и пресса, если что, засвидетельствовала. Тем временем наемный убийца расправляется со своей жертвой и даже вынимает из сотового сим-карту, чтобы четко обозначить точное время убийства. Все отлично складывается!

— Татьяна Владимировна не стала бы мне звонить и рассказывать эту историю, будь она в нее замешана!

— А ее несостоявшийся зять?

— И это вряд ли. Я же тебе рассказывала, сколько у него бывших жен, возлюбленных и детей! Он Улю десять лет не видел, зачем ему ввязываться в преступление?

— Я подумаю об этом... — Косте, невзирая на выпитый кофе, отчаянно хотелось спать, он потер покрасневшие от бессонной ночи глаза и устало признался: — Я после ночного дежурства.

— Если бы люди могли спать как дельфины! — рассмеялась Аста.

— А как спят дельфины?

— О, у них самый удивительный сон среди млекопитающих. Семичасовой и «однополушарный». Пока левое полушарие мозга спит, глаз с этой стороны закрыт, а правое полушарие в это время отвечает за дыхание, ведь дельфин дышит воздухом, и ему необходимо постоянно всплывать на поверхность. При этом открытый правый глаз присматривает за детенышем и оценивает возможную опасность. Потом наоборот. Отдыхает правое полушарие, а левое работает, контролируя ситуацию.

— Да, жаль, что я не дельфин, — вздохнул Костя.

Когда вас убьют — тогда и приходите

Разуваясь в прихожей, Михаил услышал доносящийся из кухни незнакомый мужской голос, который звучал как-то странно гулко. Мужчина говорил:

— Я что-то не пойму, где ты обитаешь. Звонил твоей жене, так она не видит следов твоего присутствия ни в квартире, ни на даче.

Заречный заглянул в кухню и увидел сидящего за столом Владимира в растянутой майке, обтягивающей обширный живот. Он шинковал широким ножом молодую капусту. Слева от разделочной доски лежал сотовый телефон. Квитко приветственно кивнул соседу, на секунду прижал палец к губам и принялся отвечать невидимому собеседнику:

— Так я же заказ получил на отделку квартиры, там и живу. Сейчас проводкой понемногу занимаюсь.

— Наверное, не столько проводкой, сколько готовкой, как у меня? Опять лопаешь немерено?

— Да нет, Саш, я диету соблюдаю. Даже еще не съел те банки, что вы мне с Ленкой в багажник загрузили, тушенка и соленья еще остались...

Заречный усмехнулся и отправился в ванную мыть руки, после чего зашел в комнату Шерра, прикрыл за собой дверь и спросил:

— Слыхал, как Володька по громкой связи брату задвигает, что живет в Москве в квартире у клиента и делает там ремонт?

— Это ты еще не знаешь, как он дочери заливает, что ходит по врачам, чтобы оформить себе пенсию по инвалидности. Тот еще зяблик, — хохотнул Эрик, захлопнул книгу, которую читал, и положил ее на спинку дивана. — Кстати, дочка у него та еще! Он говорит, что «воцековленная», а я сказал бы, что блаженная. Бросила аспирантуру в Москве, живет с мужем на каком-то хуторе у монастыря, преподает в церковной школе и детей штампует одного за другим. Последнего вообще дома в ванной рожала...

— Вот как. Тогда понятно, что ей не до отца. Но, похоже, наш сосед из той категории граждан, что готовы как угодно изворачиваться, только бы не выйти из зоны комфорта. Что он вообще делает, когда не готовит?

— Фильмы смотрит на твоём компе. Чем не комфорт? Он бы и в своей московской квартире тем же занимался, если бы его не бесил бойфренд жены, как он его называет. Володька готов и грохнуть его, если бы не боялся сесть.

— Да, в тюрьме так кормить не будут, — рассмеялся Михаил и уже серьезно добавил: — Только грохнуть ему надо не бойфренда, а свою жену. Если уж она пошла по пути привода в хату одного мужика, так и другого приведет.

— Верно подмечено, — согласно кивнул Эрик и неожиданно спросил: — Интересно, а сколько сейчас стоит заказать человека?

— Для меня лично — бесплатно. Если бы я попросил, — беспечно повел плечами Заречный. — В девяностые годы мужики запросто задавали вопрос: «Кого надо убить? Нам просто работа нужна». Тогда это стоило от ста до пятисот долларов. Кто-то мог даже расплатиться убийством за долги, или таким вот образом дружескую услугу оказать. У меня один бывший школьный приятель есть... В классе он меня не трогал, я был «не его тема».

И вот уже двухтысячные годы. Встречаю как-то этого Вову. А я знал, что он уже отсидел за бандитизм. И вот идет мне навстречу этот Вова, невысокий, коренастый, отсидевший. А у меня в городе уже было большое хозяйство, торговые центры, магазины, парковки, что-то в аренде, что-то в собственности, цирк Шапито на моей площади. Я предложил пойти ко мне в кабинет, выпить кофе. А он так растерялся: «А я тебя не дискредитирую? Кто ты, а кто я...» Я говорю: «Вова, пошли все на хрен, ты же мой одноклассник. А дети у тебя дети есть?» — «Ну да, дочка». Я ему тогда пачку билетов на этот Шапито, у меня же их куча, цирк рассчитывался за аренду земли этими билетиками. И он так растрогался! А потом через время пришел и говорит: «Мы тут решили подвинуть местных авторитетов, уже пару магазинов сожгли, кому-то морду набили. Тебе спасибо, что ты ко мне так отнесся. Если что-то надо, скажи. Хочешь — кого-то напугаем, хочешь — убьем. Нам ничего за это не надо»...

— Значит, если что, можешь обратиться? — вкрадчиво спросил Эрик.

— А ты что, всерьез решил кого-то заказать?

— Да нет, конечно, это я так. Ты мне другое скажи. Среди работников автомастерских есть криминальные элементы?

— Открою тебе страшную тайну, — рассмеялся Михаил. — Там вообще без криминала не обходится. Что ты задумал?

— Хочу, чтобы джип один угнали и заплатили мне за него, — жестко выговорил Эрик.

— Что за джип?

— Японец. Одной моей постоянной клиентки.. Баба под пятьдесят, вся из себя расфуфыренная. Застукала мужа на измене, частного детектива

наняла, развод затеяла, в суде фотки мужа с молодой любовницей предъявила. Вся такая обиженная и оскорбленная жена! И хвасталась мне, как делалась «по справедливости». Мужу — одна квартира, поменьше, ей — другая, побольше, ему — один джип, подешевле, ей — другой, подороже. А сама права купила и водить толком не умеет. Познакомились, когда она такси вызвала. Я подъезжаю, а она меня просит отвезти ее туда-то и туда-то на ее джипе. Потом несколько раз просила проехать по такой-то улице в такое-то время. Оказалось, что мы катили навстречу ее мужу, который в то время на работу ехал. Хочу, говорит, чтобы этот гад видел меня в машине с красивым мужчиной.

— А что, ты красивый, — хмыкнул Михаил и спросил: — Не соблазнила?

— Нет.

— А что главное для обманутой женщины? Утереть нос своему бывшему! И как ты представляешь угон ее джипа?

— У меня ключи есть. Эта мадам однажды попросила отвезти ее в торговый центр, и пока она там несколько часов шопингом занималась, я сделал копии с ключей ее джипа. Но она-то об этом не знает. Сама сейчас в Кисловодске у родителей. Каждый год с весны до осени там сидит, так что машины хватятся нескоро. К тому же стоит джип во дворе многоэтажки в «слепой» зоне, камер наблюдения поблизости нет. Документы в бардачке. Далее — дело техники, вернее, техников. Можно липовый договор купли-продажи нарисовать и перегнать этого «японца» в другой регион. На пару лямов он точно тянет.

— Ты же понимаешь, что столько тебе не дадут.

— А хоть сколько. Хоть «лимон», хоть половину. Мне деньги нужны, идея есть.

— Что за идея?

Эрик поднялся с дивана, подошел к завешенному тюлем окошку и осторожно выглянул через него во двор, словно опасался, что их могут подслушать:

— Не могу же я вечно здесь сидеть, как крыса в трюме, боясь даже за дверь выйти, чтобы соседи не увидели. Если полиция ищет не убийцу, а меня, значит, надо, чтобы кто-то искал убийцу.

— Решил нанять частного детектива?

— Круче. Я тут в Инете раскопал сайт одной солидной конторы. Называется «Международное агентство специальных расследований». Увидел их эмблему на сайте и вспомнил, что в городе катается автомобиль с наклейками названия и логотипом этой конторы. Почитал об их деятельности. Гарантируют конфиденциальность и положительный результат. Посмотрел

список сотрудников. Там такие крутые челы! Юристы, правозащитники, эксперты, бывшие опера. Кроме того, агентство возглавляет Дмитрий Григорьев, он в прошлом криминальный журналист и следователь, и в замах у него числится сам Алексей Мудров!

— А кто это?

Эрику хотелось театрально воскликнуть: «Как! Ты не знаешь, кто такой Мудров?!», но он не стал впадать в пафос и просто ответил:

— До недавнего времени сам не знал. А сейчас внимательно изучил его биографию. Выпускник Омской школы милиции, в Краснодаре начинал работать обычным опером в райотделе. А потом поочередно возглавлял МВД трех различных регионов России. Дослужился до генерал-лейтенанта. Сейчас в вузе преподает право. Я, конечно, понимаю, что не он лично возьмется за мое дело. Но представляешь, какие люди стоят за этим агентством?

— Ну что, идея с частным расследованием действительно хорошая, — поднялся с кресла Заречный. — Я поговорю с ребятами из автомастерской. Давай ключи от джипа и координаты его стоянки.

Эрик выдвинул верхний ящик компьютерного стола, протянул Михаилу ключ замка зажигания, брелок сигнализации, будто заранее их приготовил, и спросил:

— Как продвигается дело с угрозами дочке твоей любимой женщины?

— Уже закончилось. Как и ожидалось, ничем. Аня пришла в школу и рассказала всем, как она ходила с мамой в полицию, как писали заявление. Через день подходит к ней ее лучшая подруга Вика и и смиренно кается: «Я обиделась на тебя из-за того, что ты стала больше дружить с Машей, и попросила своего друга ВКонтакте, чтобы он тебя напугал, тогда ты снова со мной дружить будешь. Я этого парня не знаю, он сказал, что живет в Красноярске».

— Наивная детская логика, — улыбнулся Шерр.

— Наивная. Но какая опасная! Эта малолетняя дурочка слила незнакомому парню все персональные данные: как зовут сестру Ани, маму, а также домашний адрес, номер школы, все номера телефонов, в какое время кто уходит из дома, в какое возвращается. Какому-то непонятному мужику, фотографии которого она даже не видела! Только волка на аватарке!

— Хороша подруга! В тринадцать лет заказала, чтобы подругу напугали, а в шестнадцать что закажет — чтобы изнасиловали или убили? И что полиция?

— Ничего. Катя съездила в отдел по делам несовершеннолетних, рассказала о признании Аниной одноклассницы. И вот уже не молоденькая девушка, которая ранее принимала заявление, а опытная тетя-полицейская со странной фамилией Брока заявила: «Мы возбудить уголовное дело не

можем, потому что не было угрозы действием». Получается, что отрубить пальцы на руках и ногах и убить — это угрозы бездействием. И даже если человек кричит: «Я убью тебя», а в руках у него ничего нет, это не считается преступлением!

Катя пыталась объяснить, что для нее не принципиально, будет ли возбуждено уголовное дело. Принципиально, чтобы этого человека нашли. Аня теперь и в школу одна ходить боится, и ночью с криками подсакивает. Важно знать, кто присылал девочке угрозы. Одноклассница Ани полагала, что это якобы парень из Красноярска, а вдруг это зек из Елизаветинской колонии строгого режима, который через неделю выйдет на волю и явится по известному ему адресу?

Из коридора донесся голос Владимира, приглашающего соседей к столу, и Эрик, взявшись за ручку двери, завершил разговор саркастической фразой:

— Это называется, «когда вас убьют, тогда и приходите».

Минус девять заповедей

Брайлов всегда ставил законы Божьи выше законов государства. Для него спРАведливость — это РА — свет, сияние. Не существует отрицательных профессий, каждый выполняет в этом мире свою роль — и вор, и убийца, и насильник. Бог подводит тех или иных людей под что-то индивидуальное, чтобы они выполняли какую-то личную функцию.. Каждый человек живет по-своему, но в него особенная программа заложена. Так считал адвокат и действовал соответственно.

Много лет назад Рудольф учился вместе с человеком, ставшим впоследствии федеральным судьей. И вот как-то к адвокату обратился за помощью отец шестерых детей, который вляпался в неприятную историю, потому что ему надо было их кормить. Что-то украл на производстве, потому что зарплаты не хватало, и ему светил «пятерик». Брайлов пришел к бывшему однокласснику и попросил:

— Помоги. Ты будешь рассматривать дело моего клиента, и мне нужно, чтобы ты человеку дал условный срок.

— А что я с этого получу? — беспардонно поинтересовался служитель Фемиды.

— Человек пустой, у него ничего нет.

— Но тебя же он нанял, раз ты ко мне пришел!

— А я ни копейки не собираюсь получить с этого человека. Я просто хочу ему помочь.

— Ну, тебе я могу поверить, потому что знаю твой характер. Но сам я альтруизмом не занимаюсь, и, если уж здесь нахожусь, то должен зара-

батывать деньги. Принесешь мне вот эту сумму, — судья набрал на калькуляторе пять цифр, — и мы решим вопрос. А не принесешь — мне наплевать, дети у него, не дети, получит реальный срок. Пять лет.

После этой встречи Рудольф отправился в свой офис, присел за стол у окна и думал, думал... А потом его вдруг осенило. Компромат надо накрыть на этого судью, вот что! И тогда еще вопрос, кто кому платить будет.

Адвокат поставил перед своими помощниками задачу. В итоге в течение одной недели выяснилось, что есть человек, который управляет квартирами, оформленными на родственников этого служителя Фемиды. В общей сложности у него оказалось сто десять квартир в Краснодаре, а также в Геленджике и Анапе. Судья квартиры покупает, а управляющий — бывший риелтор — ремонтирует, обставляет мебелью и сдает в аренду. Кроме того, последив за судьей, помощники Браилова выяснили, что они с женой очень любят заниматься групповым сексом — удалось застукать весьма «горячую» вечеринку на загородной базе отдыха.

В итоге через десять дней Рудольф снова появился в кабинете судьи и спокойно заявил:

— У меня есть информация для тебя. И стоит она условного срока для моего клиента.

Тот усмехнулся:

— Интересно, что же это за информация такая?

И Браилов поведал обо всем, что удалось накопать, подтверждая свои слова фотографиями, текстами и документами.

Судья откатился на кресле назад, поднял руки вверх, показывая жестом, что сдается, рассмеялся и сказал:

— Твоя взяла. Договорились!

Многодетный отец до сих пор звонит Браилову на все праздники, поздравляет, благодарит. Он не был профессиональным преступником, просто жизненные обстоятельства вынудили его пойти на кражу. И Рудольф считал, что каждого судьба может довести до крайности, при которой он совершит осуждаемый поступок. Самое главное — оставаться человеком, а в его понимании судья, который занимается извращениями и имеет сто десять квартир, — это он преступник, а не тот мужик, который, ради того, чтобы своих детей прокормить, украл что-то там у себя на предприятии.

Два месяца назад к Браилову обратился солидный бизнесмен, нужно было решить очень крупное дело в Арбитражном суде. Клиент пояснил:

— Я прав. Но готов заплатить за то, чтобы дело было решено строго по закону. Иначе заплатит другая сторона, а я проиграю.

У Браилова был на примете человек, который мог все организовать, в прошлом сотрудник полиции Игнатов. Полковник назвал сумму, которую

хотел получить за свои услуги, и обнадежил: все сделаем. Рудольф получил от бизнесмена деньги и передал их Игнатову.

Но с самого начала все пошло не так, о чем ни Браилов, ни его клиент, конечно, даже не догадывались. Полковник одновременно узнал две новости. Первая — плохая. Его двадцатипятилетняя любовница втихаря спит с его сыном. Вторая — еще хуже. У него самого онкология, неоперабельная опухоль мозга. И тогда Игнатов решил эти деньги никому не отдавать. Жить ему оставалось два-три месяца, и он попытался провести их по полной программе. Рестораны, сауны, спиртное по тысяче долларов за бутылку, черная икра и ложками, и плошками... Таким образом он умудрился очень быстро «похоронить» двести тысяч долларов.

Браилова он обманывал, уверял, что сумму передал, обо всем договорился... И тут — бабах! Дело пошло в тартарары. Клиент проиграл.

Игнатов не отвечал на телефонные звонки. Надо было выслеживать его и вылавливать. Причем, поскольку дело было дорогостоящим и деликатным, подключать «специально обученных людей» было невозможно, и пришлось заниматься этим лично.

У выхода из очередного загородного клуба адвокат, в буквальном смысле слова, схватил пьяненького полковника за шкирку и потащил в джип своего помощника. Швырнув Игнатова на заднее сиденье и захлопнув дверцу машины, Браилов зловещим тоном спросил:

— Ты что сделал, скотина?

— Да вот как-то так получилось. Умираю я, пару-тройку месяцев осталось, решил их отгулять, — замямлил посредник.

— Ты думаешь, что скоро умрешь, и потому ни за что не отвечаешь? Я тебе клянусь, что ты уйдешь в мир иной, а следом за тобой — твоя жена, сын и любовница! Ты взял деньги и не сделал дело! Ты обманул моего клиента! Человек хотел выиграть по закону!

В итоге, когда приехали по адресу клиента, полковник честно сказал:

— Рудольф Александрович ни в чем не виноват, во всем виноват я. Я вам гарантирую, что все верну.

И назвал конкретный срок. Через неделю.

В назначенный день Браилов позвонил, но полковник не взял трубку. На следующий день Рудольф поехал к нему и увидел перед домом дома толпу сотрудников полиции и санитаров, выносивших из ворот особняка тело, накрытое простынкой.

И все! Первый подозреваемый — это он, Браилов. Полицейские сразу же, как только он подъехал к дому Игнатова, попросили его предъявить документы. Он показал удостоверение начальника бюро экспертных исследований Международного агентства специальных расследований.

В данной ситуации оно было актуальнее, чем паспорт, которого, к тому же, не имелось.

— Браилов? — Оперативник что-то припомнил. — Это ваш звонок был в телефоне погибшего последним.

— Вероятно. Игнатов — мой клиент. Мы предварительно договаривались о встрече. Вчера я ему позвонил, чтобы уточнить время, и он не ответил. Но я-то знаю, что у человека рак, забеспокоился, приехал удостовериться, что все в порядке. Он умер?

— Умер, да. И, судя по следам побоев на его лице и теле — совсем не от рака, — усмехнулся молодой полицейский.

Вот тогда внутри у Браилова все сжалось. Его запросто могли задержать до выяснения обстоятельств. Конечно, он и не из таких передраг выпутывался, но отправляться в камеру в его планы на тот момент не входило. В другие моменты — тоже. И тут адвокат увидел среди выходящих из двора особняка мужчин знакомое лицо — следователя СК, кинулся к нему как к родному и с тяжким вздохом произнес:

— Привет, Виталий. Похоже, я потерял своего клиента. Хотелось бы знать, при каких обстоятельствах.

— Сейчас еще пока ничего не ясно. Ты поезжай, Рудольф. Как что-то прояснится, я тебе позвоню.

И вот, пять дней спустя, Браилов возвращался домой после встречи с этим следователем. Они очень мило пообедали на открытой веранде кафе. Виталий с удовольствием поведал Рудольфу, что случилось с полковником. Слава богу, оказалось, что у Игнатова по всему дому были установлены скрытые камеры, и на них — записи, кто и как его убивал. Ночью приехали четыре человека, которые стали избивать его за другую сумму, которую он точно так же не отдал. Как рассказал следователь, полковник извивался на ковре, прикрывая голову руками от ударов, истерически хохотал и выкрикивал: « Да что вы мне сделаете? Мне жить-то осталось всего ничего».

И оказался прав. Камера зафиксировала, как Игнатов вдруг захрипел и затих. Причиной его смерти оказался обширнейший инфаркт.

Клиент-бизнесмен, отдавший адвокату гонорар, никаких претензий к Браилову не имел. Это действительно был форс-мажор. И дело еще можно было отыграть в апелляционной инстанции — в Арбитражном суде.

— Ну что, джип твоей мадам-разведенки ребята отогнали в мастерскую, деньги отдадут позже, когда решат вопрос с продажей, — сообщил Михаил через несколько дней после того, как получил ключи от машины.

— Спасибо, Миш, — с благодарностью в голосе отозвался Эрик. — Знаешь, никогда не думал, что окажусь в таком положении, когда не толь-

ко денег нет, но и возможности их честно заработать. Если даже мой вопрос решится, и я буду свободен, что я смогу в свои шестьдесят? Кому я нужен? В рабочий дом, где за тяжелый труд дают койку и похлебку, и то не возьмут. Силы у меня уже не те.

— Не драматизируй. Пока еще не все так страшно.

— А что будет, если нарушить одну заповедь?

— Останется девять, — рассмеялся Заречный.

— То есть, следуя твоей логике, если нарушить девять, то останется одна... Похоже, после того как я практически украл чужой автомобиль, получается, что я только одну заповедь и не нарушил.

— Это какую же?

— «Не лги». Понятно, что все врут, но дословно эта заповедь звучит так: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

— Ну, это еще не поздно исправить, — саркастически заметил Михаил.

Полицейские династии

— Ну что, все еще читаешь в Инете об «амазонках»? — спросил Алексей Мудров у внука во время их традиционного воскресного обеда в кафе.

— Новых публикаций нет, все заглохло. Или судебные процессы постоянно откладывают из-за пандемии, или журналистам эта тема уже неинтересна. Но зато другая стала очень актуальна. В свое время ты должен был, хотя бы заочно, знать одного крупного бизнесмена. Он потом стал народным лидером, возглавил область, и вдруг сейчас... арест, Лефортово, обвинения в заказных убийствах, которые случились десятилетия назад...

— Я знаю, кого ты имеешь в виду, тоже читаю прессу, — нахмурился генерал-лейтенант.

— И что думаешь по этому поводу? Этот человек действительно ранее заказывал своих конкурентов? Или сейчас это политический демарш против человека, который попер в политику без разрешения и согласования властей, и за это ему шьют то, чего он не совершал?

— Сложно сказать. — Мудров задумался, покрутил на блюдечке пустую чашку из-под кофе, которую не успела унести официантка, и добавил: — До настоящего прошлого подобных людей почти невозможно докопаться.

— Но, рано или поздно, все тайное становится явным, — философски заметил Константин.

— Не все. Или слишком поздно, — резюмировал генерал-лейтенант и резко перевел разговор на другую тему: — Что-то Асты сегодня опять не видно. Как она поживает?

— Не знаю. Не звонил. Зато понял, почему она тебе так нравится.

— И почему же?

— Она очень похожа на мою бабушку в молодости. Такая же стройная, красивая блондинка с длинными волосами.

— Пожалуй, — согласился Алексей. — Только Маргарита ниже ростом, и глаза у нее темно-синие, а у Асты — светло-голубые.

— Ладно, позвоню, если ты настаиваешь.

Костя набрал номер и заговорил в трубку:

— Привет, Аста. Мы с дедом кофе пьем. Не хочешь к нам присоединиться? Болеешь? Может, тебя навестить? Какой у тебя номер квартиры? Сейчас зайду.

— Вот и хорошо. Навестишь нашу заболевшую сотрудницу, а я поехал, — сказал Мудров-старший, поднимаясь.

А младший спросил:

— Надо же взять ей традиционные в таких случаях апельсины. Только вот где? В кафе продадут?

— Если и продадут, то дорого и в нарезанном виде, — улыбнулся Алексей. — А до рынка бежать далековато, не заставляй девушку долго ждать. Лучше проводи меня до машины, я тебе апельсинов отсыплю, я сегодня фруктами и овощами затаривался...

Аста очень обрадовалась звонку Кости и тому, что он зайдет в гости. Ее даже не тревожил собственный внешний вид. Мама говорила, что женщина не обязательно должна постоянно выглядеть «на все сто». Она имеет право и болеть, и ходить без макияжа, потому что она — живая женщина, а не картинка журнальная. Мама считала, что мужчинам больше нравятся естественные девушки, но это только в том случае, если они рассматривают их как возможных претенденток на серьезные отношения. Так что подкрашиваться и наряжаться Аста не стала, сойдет и махровый домашний костюмчик с пандой на груди.

Когда раздался звонок в дверь, она еще раз взглянула на себя в зеркало вещевого шкафа, подумала: «А все же бледная поганка! Хорошо хоть, что какой-никакой румянец на щеках проглядывает из-за температуры», и повернула ручку задвижки.

Костя протянул ей целлофановый пакет и сказал:

— Привет! Апельсины. Хорошо выглядишь для больной.

— Спасибо. Заходи, не разувайся. У нас в доме это не принято. — Аста взяла пакет и пошла в кухню: — Чай, кофе?

— Чай. Кофе мы с дедом уже пили.

— Он такой замечательный! В смысле, твой дед.

— Ты ему тоже нравишься. Потому что очень похожа на мою бабушку.

— Вот как? Интересно. Твой дед до сих пор так любит свою жену, что ему нравятся похожие на нее девушки?

— Не совсем так, — ответил Костя. — Это долгая и сложная история. Мой дед и бабушка были одноклассниками, он любил ее с детства. И его друг Сергей — тоже. А после школы у бабушки с дедушкой случился уже взрослый роман. Но перед самым его уходом в армию они, по молодости и глупости, поссорились, и она даже не пошла на его проводы. А на следующий день прибежала к его дому, но было поздно, его уже отправили на призывной пункт. Сергей ее перехватил, всю в слезах, напоил шампанским и принялся успокаивать... Через какое-то время Маргарита поняла, что беременна, и вышла за него замуж. А то, что мой отец — сын Мудрова, выяснилось только тридцать лет спустя. Мне тогда восемь лет было. Дед после армии женился, он очень счастлив в браке, у него замечательная жена Светлана, две дочки и внуки...

Аста встала, чтобы выключить газ под засвистевшим чайником, и спросила:

— Как же тогда получилось, что ты носишь фамилию своего настоящего деда, а не того Сергея, который им считался?

— Закономерный вопрос. В выпускном классе, когда надо было подавать документы в университет МВД, я решил поступать в Краснодаре и объявил родителям, что хочу сменить фамилию. Мотивировал это тем, что у Мудрова две дочери, стало быть, фамилия не сохранится, а мне хотелось бы ее продолжить.

И еще была причина. Дело в том, что мой неродной дед оказался замешан в одну криминальную историю. Это мягко сказано... Но подробностей рассказывать не хочу. Мой отец сам же и расследовал то дело. Потом вынужден был из Омска переселиться в Москву, подальше от слухов. Но карьера у него в гору, к сожалению, не пошла. Мог бы достичь большего, но, увы, не получилось. Где-то я читал или слышал такое выражение: «Над тобой будет натянута невидимая нить. Ты ее не заметишь, но не сможешь перепрыгнуть». Именно это произошло с ним.

— И где твои родители сейчас?

— В Подмоскowie живут. Отец уже вышел в отставку.

У Асты зазвонил сотовый телефон, она сделала извиняющее лицо, вышла из кухни, и вскоре до Константина донеслась незнакомая ему речь. Когда девушка вернулась, он спросил:

— Ты знаешь латышский язык?

— А как же иначе? Я же в Риге родилась и росла там до семи лет. Папа у меня латыш, а мама этот язык с детства учила, потому что побывала

в Риге еще девчонкой и влюбилась в этот город. В моей семье в основном все на нем говорили. И с моей рижской бабушкой Астой я до сих пор только на нем и общаюсь.

— Тебя называли в честь бабушки?

— А ты догадливый, — рассмеялась Аста и предложила гостю: — Раз уж ты принес апельсины, может, и почистишь парочку? Терпеть не могу это делать.

— Ну, считай, что на сегодняшний вечер у тебя есть персональный чистильщик апельсинов. Ножик только дай.

После того как Костя разломил на дольки апельсины и разложил их на тарелке, Аста разлила зеленый чай по фарфоровым чашкам и предложила:

— А пошли в зал, там уютнее.

Лейтенант взял в руки два блюдца и осторожно пошел вслед за хозяйкой, внимательно глядя на чашки, чтобы не расплескать их содержимое. И он чуть не сделал это, когда увидел на каминной полке большой портрет в деревянной рамке, на котором была запечатлена троица в мундирах и фуражках. Смеющиеся парень и девушка и сурового вида седовласый морщинистый старик. Опустив чашки на журнальный столик, Костя удивленно воскликнул:

— О, так ты тоже из полицейской династии! Эти мужчина и женщина — твои родители? А с ними рядом — твой дед?

— Ага. Это родители приехали в Краснодар в первый свой отпуск после женитьбы. Я уже говорила, что мама Арина с детства влюбилась в Ригу. Ее класс поехал туда на экскурсию на зимних каникулах. Там она познакомилась с местной девочкой, а потом много лет с ней переписывалась. В следующий раз маме удалось попасть в Ригу только семь лет спустя, она тогда уже вуз окончила и в милиции работала. И вот они идут с этой латышской подругой по городу, а тут мой папа навстречу в форме. О, это самая романтическая любовная история, которую я когда-либо слышала в своей жизни! Останавливает ее и говорит: «Гражданка, я должен вас задержать». Она так поразилась: «За что?» А он смеется: «За красоту!» И тут Арина удостоверение из сумочки вытаскивает: «В таком случае, это я должна вас задержать. За приставания к девушке». Нет, ты представляешь эту сцену?

— Представляю. И что потом?

— А что потом? Мама вышла замуж и, ни минуты не раздумывая, перевелась в Ригу. Через какое-то время Союз взял да распался, а папа погиб. Мне к тому времени исполнилось шесть лет. Мама сорок дней после его смерти выждала и вернулась к родителям в Краснодар. И вся жизнь для нее началась сначала. Получение российского гражданства, восстано-

ление на службе... Спасибо связям деда, он же у меня был ветераном Великой Отечественной и после войны долгие годы в милиции служил...

Аста услышала, как в кармане джинсов Кости с тихим гулом завибрировал сотовый, и замолчала.

— Прости, ты так интересно рассказываешь, но мне пора, — сказал он.

— Пора, так пора, стараясь говорить нейтральным голосом, произнесла Аста. — Спасибо, что навестил.

— А ты неплохо выглядишь для больной, — снова повторил Костя в коридоре и вышел за дверь.

Она повернула задвижку на двери и в тот же момент почувствовала, как возникший при появлении Кости душевный подъем резко сменился спадом. Ее опять начало знобить, и она не выглянула в окно, чтобы посмотреть, как он садится на свой скутер и уезжает.

Когда было все

В пятницу Михаил вернулся с работы на час раньше обычного. Поздоровался с Владимиром, сидевшим в холле перед ноутбуком, и прошел в ванную комнату. Выйдя из нее, заглянул в комнату Эрика и удивленно спросил:

— А где наш сосед?

— Так он погулять пошел, — беспечно отозвался Квитко и поставил курсор мышки на кнопку «пауза».

— Как — погулять? — поразился Заречный.

— Да так. Засиделся, говорит, пойду, пройду. А что, Эрику вообще нельзя на улицу выходить? Он говорил, что вляпался в неприятную историю. Ему грозит что-то серьезное?

— Лет пятнадцать в колонии строго режима, — саркастически ответил Заречный, ушел в свою комнату и упал на диван, размышляя, что могло случиться, и не пошел ли Эрик сдаваться в полицию.

Шерр появился на пороге в то время, когда его соседи уже поужинали и пили чай. Владимир взглянул на него как на приведение, но тут же предложил:

— Садись, поешь.

— Спасибо, не хочу. Ты извини, нам с Мишей пошептаться надо.

Заречный прошел вслед за Эриком в его комнату, закрыл за собой дверь и спросил:

— Что случилось?

— Ничего такого. Вопрос хочу тебе задать. Ты рассказывал, как все потерял. Понятно, произошел передел Украины, и твое имущество оказа-

лось в другом государстве. Но вот ты мне скажи: а как у тебя появилось это все: рынок, магазины, квартиры, машины?

— Бизнесом занимался, — пожал плечами Михаил и сел на компьютерный стул.

— Но ведь для этого нужен был первоначальный капитал.

— Не было никакого первоначального капитала. Я был студентом, учился в Харькове, на лето приезжал к бабушке в Луганскую область, там был мой второй дом. Потом туда и перебрался. А бизнесом начал заниматься уже на третьем курсе. Никто из моих приятелей не хотел в офисе сидеть за сто долларов в месяц. Вопрос даже не в деньгах, нужна была «движуха». И вот мы, пацаны от девятнадцати до двадцати двух, занялись спиртом.

У меня был товарищ по школе, Юра, его папа курировал все сахарные заводы и пищевые фабрики в Харьковской области и имел больше связи с зерновиками. Что такое сахар? Сахар — это патока, патока — это спирт, зерно — это спирт. И вот как раз спирт и водку я стал фурами-молоковозами возить в Луганскую область. Привожу молоковоз, заезжаю во двор частного сектора, а у ворот стоит вереница машин — легковые, с прицепами, в них бочки... Машина спирта выходила около двадцати пяти тысяч долларов, и я отвечал за товар головой...

— Но ведь «крыша» нужна была, чтобы таким бизнесом заниматься! Кто вас крышевал? — спросил Эрик.

— Никто. Мы были молодые, непуганые и так нагло действовали, что все считали, что она у нас есть.

— Вот интересно получается... — Эрик поднялся с дивана и нервно заходил по комнате — Ты уже с двадцати лет начал делать большие деньги. И первоначального капитала у тебя не было, и «крыши» тоже. Но у тебя было все! Почему же у меня ничего не было?

— Почему — ничего? Была молодость, красота, здоровье и много самых разных возможностей.

— А я, получается, просто не смог ими воспользоваться! Конечно, я ведь рос без отца!

— Я тоже. Мои родители развелись, когда я совсем пацаном еще был, а дальше я считался только помехой для новой семьи отца, — холодно возразил Заречный и, подозрительно глядя на Эрика, спросил: — Я что-то не пойму, ты сейчас к чему клонишь? Хочешь объяснить, почему ты такой бедный-несчастный? Мне пожалеть тебя надо? Лучше объясни, какого черта ты сегодня уходил из дома, и что за важные у тебя были дела?

— Обогатился почти на триста тысяч.

— Вот как. И каким же образом?

— Ограбил офис одной финансовой организации.

— Ты что, серьезно? — Михаил выглядел крайне озадаченным. — И как ты это сделал?

— Просто. Выждал, пока на улице поблизости от их заведения не будет народа, зашел внутрь в черной маске и бейсболке, наставил на девушку пистолет, кинул ей на стол целлофановый пакет и тихо сказал, чтобы бросила в него деньги и свой сотовый. Она и бросила. Я вышел, свернул за угол, телефон выбросил в мусорный бак и зашел в открытый подъезд. Снял старую клетчатую рубашку, остался в серой майке, бейсболку другую надел и пошел себе дальше. Я десять лет таксовал, знаю в этом городе каждую подворотню. В том дворе камер нет. Потом свернул в частный сектор, там, в тупике, уже много лет стоит недостроенный дом. Деньги в барсетку переложил, а пакет с рубашкой, бейсболкой и маской закинул внутрь через проем окна. Вот и все.

— Постой, а пистолет ты где взял?

— Он был сувенирный. Зажигалка. Пришлось тоже выбросить. А ты думал, я из твоей спортивной сумки взял настоящий?

— Ну да, конечно... Я мог бы и сообразить. Ну, что сказать? То, что ты шарил в моих вещах — не самый страшный твой проступок...

— А по мне так, что позаимствовать задаром деньги у этих хапуг — не великий грех, — резко возразил Эрик.

— А если бы тебя в этом офисе схватили?

— Ну, не схватили же. А, может, мне уже все равно было, — пожал плечами Эрик и сразу перевел тему разговора: — А почему ты больше не едешь в Луганск?

— Уже не надо. Я получил российское гражданство.

— Ты не говорил.

— А ты не спрашивал, — ответил Михаил и сердитым тоном добавил: — А я лучше бы не спрашивал, зачем ты сегодня уходил из дома.

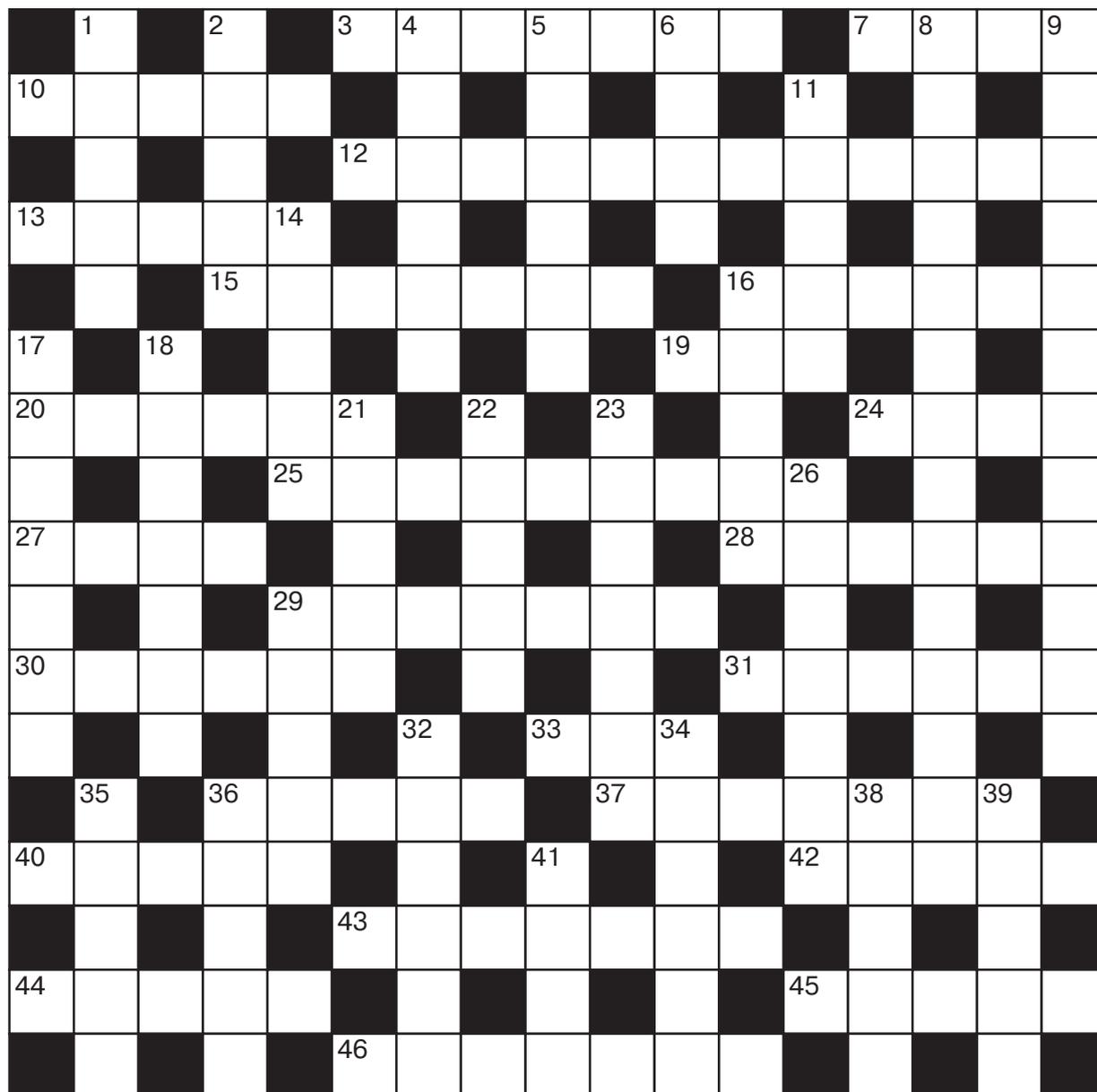
Эрику вдруг стало стыдно. До чего же он докатился — воровство, грабеж... А ведь он, хоть и попал в передрагу, но с голоду не умирает. Алексей никогда бы такого не натворил. А он, Эрик, теперь уже даже не мошенник, а закоренелый преступник.

— Миш, а может, ты сумеешь переправить меня в Луганск? — жалобно спросил он. — Наверняка же кто-то из твоих знакомых оттуда сможет перевести меня через границу.

— Я уже думал об этом. Можно попробовать. Но сначала давай используем все возможные варианты здесь... □

Окончание следует

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какой каблук можно отыскать в прическе? **7.** Праздник освящения меда. **10.** Какого короля воспитал волшебник Мерлин? **12.** «Пучок направлений». **13.** Какой драгоценный камень состоит в ближайшем родстве с графитом? **15.** «В меру упитанный муж-

чина в самом расцвете сил» (детский герой). **16.** Культовый писатель. За стихи бразильские власти его трижды арестовывали и подвергали пыткам! **19.** На что игроки ставят? **20.** Церковный староста. **24.** Какого мафиозо сыграл Тано Чимароза у Эльдара Рязанова? **25.** «Штатный

грамотей» в редакции. **27.** Какую карточную масть прежде называли «клуши»? **28.** Ноздря у кита. **29.** «Вымирающий» носитель информации. **30.** Слово технического звучания. **31.** Столица, где закалялась сталь. **33.** Выстроить логический ... **36.** Какая колхозница стала героиней балета Арама Хачатуряна? **37.** Заклинание в русском стиле. **40.** Какого металла в земной коре в 50 000 раз больше, чем золота? **42.** Ритмичный ... крыла. **43.** В каком жанре снят мультфильм «Пес в сапогах»? **44.** Торгпред фирмы. **45.** Что может насладить хозяин «дурного глаза»? **46.** Утреннее гурманство.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Основа «вольного стиля» в олимпийских соревнованиях среди пловцов. **2.** Кого часто считают «слегка чокнутым»? **4.** Ключ к аккаунту. **5.** Чем освежаются после бритья? **6.** Гоночное авто, что «ростом не вышло». **8.** Кто из врачей трудится под девизом «Вскрытие по-

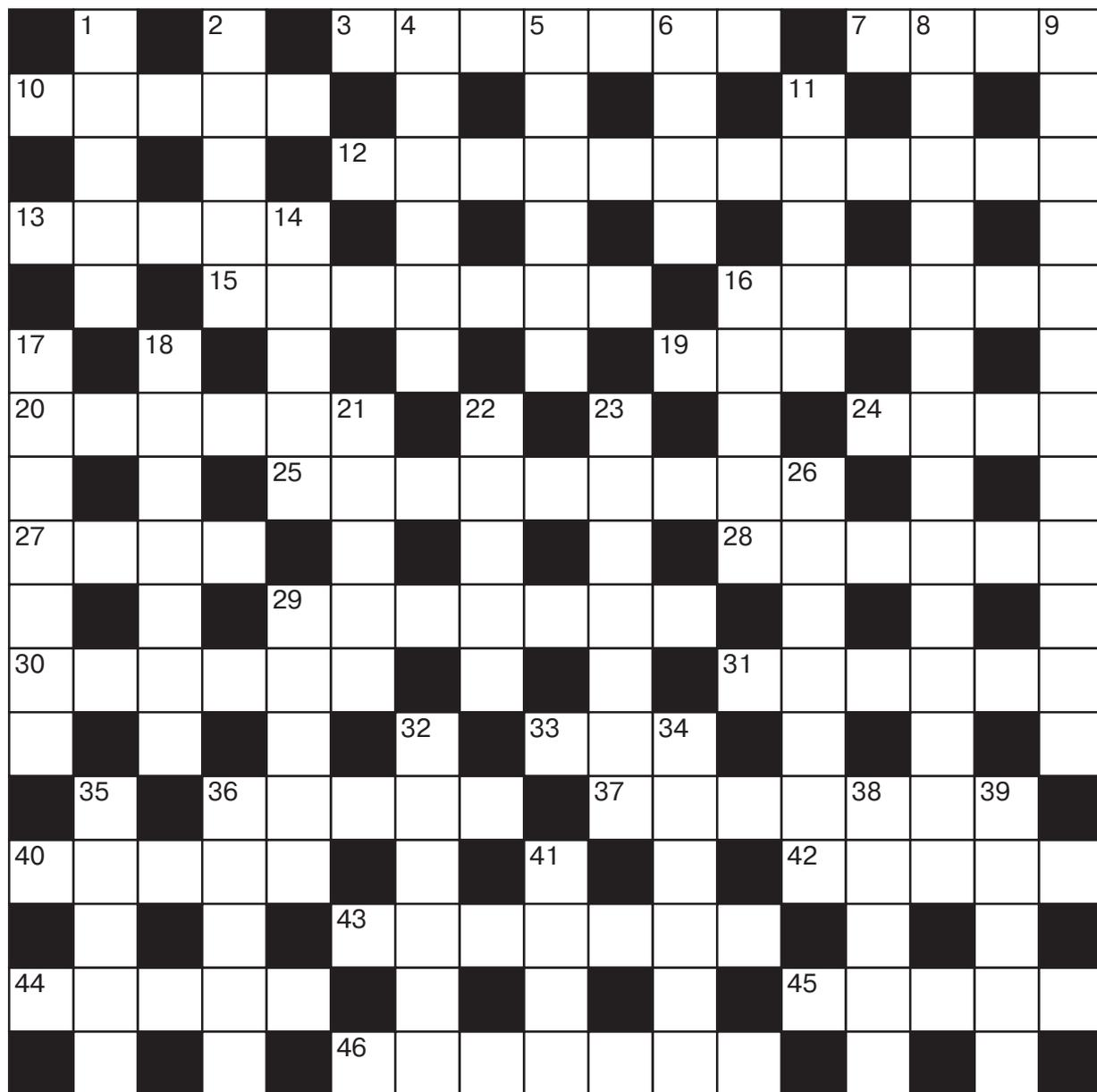
кажет»? **9.** «Цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла». **11.** Биатлонист ... Шипулин. **14.** Красный ... стал резиной Правителя Семи королевств из «Игры престолов». **16.** Секретер с бельем. **17.** Предмет из коронационного комплекта. **18.** Инфарктная мышца. **21.** Что можно любовно закрутить как на курорте, так и на службе? **22.** Краса и гордость туриста. **23.** Кого хотели изначально пригласить на роль Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи»? **26.** Чья трилогия стала основой телесериала «Дети Арбата»? **29.** У какой страны самое большое в мире число государственных границ? **32.** Какую азиатскую столицу ее жители называют «Серым городом»? **34.** Кто подставил библейского Самсона? **35.** Мадьяр, но иначе. **36.** Кто у христиан символизирует дьявола, поедающего проклятых? **38.** Чтоб его нести, большого ума не надо. **39.** Усадьба с ковбоями. **41.** Что подожгли в горах герои комедии «Спортлото-82»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Такси». **7.** Укус. **10.** Соверен. **12.** Аттракцион. **13.** Степлер. **14.** Амбидекстр. **15.** Пансион. **17.** Востриков. **20.** Ладан. **23.** Зорге. **24.** Сонет. **25.** Сигал. **28.** Закат. **29.** Касли. **30.** Карбонад. **32.** Договор. **35.** Дудник. **37.** Храп. **38.** Властелин. **41.** Мышь. **42.** Ненастье. **43.** Стриж. **44.** Крем. **45.** Разведка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Контрабас. **2.** Веспасиан. **3.** Сеченов. **5.** Автоматчик. **6.** Сертификат. **8.** Клипсы. **9.** Сандро. **11.** Склероз. **16.** Ной. **18.** Вокал. **19.** Ягель. **21.** Добродушие. **22.** Недолив. **25.** Садовский. **26.** Галоген. **27.** Академик. **28.** Зад. **31.** Дофин. **33.** Эрстед. **34.** Аптека. **36.** Клатч. **39.** Лена. **40.** Наив.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** На каком музыкальном инструменте играет мировой инвестор Уоррен Баффет? **7.** Бог подземных кладовых у славян. **10.** Сицилийский мускат. **12.** Русский художник, входивший в «Голубую розу». **13.** Какой поселок в Рязанской области знаменит «вене-

цианским кружевом»? **15.** Мармеладное дерево. **16.** Бывший денщик Петра Великого, ставший начальником первой в России полиции, учрежденной в Санкт-Петербурге 27 мая 1718 года. **19.** Лад азербайджанской музыки. **20.** Миндальный бисквит. **24.** Комик, который 18 раз

вел церемонию премии «Оскар». **25.** «Мыс кораблекрушений» на западе Крыма, который можно увидеть в приключенческом фильме «Бегущая по волнам». **27.** Язык у программистов. **28.** Аниме про покемонов по жанру. **29.** «Мост босоногих» в Венеции. **30.** «Книжная речь» норвежского языка. **31.** Фамилия отца Пабло Пикассо. **33.** Подходящий бубен для сазандари. **36.** Нож из Индонезии. **37.** Мучитель рабыни Изауры. **40.** Пророки Аллаха. **42.** Музыкальный гений, чьими партитурами его жена топила камин. **43.** Танец в основе белорусской игры «Селезень». **44.** «Оркестровый аврал». **45.** Французская сырная булочка. **46.** Лающий олень.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Род правителей Этерны. **2.** Вино пополам с соком. **4.** «Электронный мошенник». **5.** Одежда русских женщин крестьянского покроя. **6.** Заборчик на палубе. **8.** Псевдоним драматурга Евгения Шварца. **9.** Через что по-

кинул космический корабль герой диснеевского мультфильма «Тайна красной планеты»? **11.** Кого из обвиняемых на Нюрнбергском процессе нацистская верхушка сразу объявила предателем? **14.** Инструмент для быстрой заточки ножей. **16.** Какая флейта звучит в фильме «Гладиатор»? **17.** Какой собаке поэт Андрей Вознесенский посвятил свои первые стихи? **18.** Бесполой стиль. **21.** Жабр из мультика «В поисках Немо» с точки зрения ихтиолога. **22.** Грузинский овощной салат. **23.** Буква из монограммы. **26.** Переработка иностранного сырья с последующим вывозом готовой продукции. **29.** Античное «знание о сущности», развитое в русской философии Владимиром Соловьевым и Павлом Флоренским. **32.** Музыка «императорского двора» у японцев. **34.** Любимый фасон шляпы у Аль Капоне. **35.** Дворец плавания в Пекине. **36.** Дед из присказки. **38.** Короткий плащ римских воинов. **39.** Чудесная трава, отваживающая гостей от дома. **41.** «Пятый битл».

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Жираф. **7.** Плов. **10.** Шератан. **12.** Экстрактор. **13.** Целибат. **14.** Битбоксинг. **15.** Кальсес. **17.** Сумароков. **20.** Чинар. **23.** Никаб. **24.** Нерей. **25.** Токио. **28.** Жарок. **29.** Степс. **30.** Ориентир. **32.** Радонеж. **35.** Тонтон. **37.** Фило. **38.** Ноократия. **41.** Шисо. **42.** Сорренто. **43.** Хакне. **44.** Ильм. **45.** Хипстеры.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Верещагин. **2.** Гамилькар. **3.** Гамалес. **5.** Инclinатор. **6.** Антибиотик. **8.** Леткис. **9.** Вараги. **11.** Лаокоон. **16.** Сук. **18.** Витта. **19.** Шаспо. **31.** Невинность. **22.** Реюньон. **25.** Тараскони. **26.** Козопас. **27.** Топтушки. **28.** Жир. **31.** Кевир. **33.** Вионне. **34.** Шошоны. **36.** «Номад». **39.** Топи. **40.** Ярус.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

! ВНИМАНИЕ! **Анонс на №7-2024**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

« Во время переворота 1762 года Россия получила новую императрицу Екатерину II, и ее близкая подруга Воронцова-Дашкова сразу оказалась обласканной ею, получив орден и статус статс-дамы. А спустя несколько лет она была назначена президентом Императорской Российской академии, став первой в мире женщиной на таком высоком посту и много сделавшей для продвижения российской науки. Но, увы, всему когда-то приходит конец. Прошло время, и на российский престол взошел Павел I. Помня о том, что Дашкова принимала участие в перевороте против его отца, он лишил княгиню всех занимаемых ею должностей, лишил царского покровительства и отправил в ссылку, в Троицкое. Там Екатерина Дашкова и провела остаток своих дней. Именно в Троицком она написала свои знаменитые «Записки», и ее имя навсегда вошло в историю России.

Светлана Марлинская «Статс-дама, просветившая Россию»

« Александр Иванович Герцен — один из самых ярких русских публицистов-революционеров, писатель и философ. Сторонники реформирования государственного строя зачитывались каждым номером его «Колокола», и каждая статья, написанная им, буквально разбиралась на цитаты. Он прожил непростую, полную личных драм жизнь и прошел долгий путь к осмыслению того, что было ему неясно в русской действительности...

Юрий Осипов «Александр Герцен: "Борьба — моя поэзия"»

« 1880-е годы были годами великих открытий в области физики и электричества, периодом зарождения новой науки — электротехники. Именно электричество интересовало молодого ученого, только что окончившего физико-математический факультет Петербургского университета и изобретшего один из первых рентгеновских аппаратов. Но при этом основным направлением деятельности Попова было радио. 25 апреля (7 мая по новому стилю) он впервые представил свое изобретение на заседании Русского физико-химического общества и продемонстрировал созданный им первый в мире радиоприемник. Поэтому 7 мая отмечается как День Радио. Вообще большинство современных технологий, которыми мы пользуемся сегодня, берут свое начало именно в работах А.С. Попова, и стоило бы гордиться тем, что Александр Степанович предпочел работать в своей стране, ради русской науки...

Евгения Гордиенко «Попов и его Радио»

Окончание детектива Ларисы Королевой и Алексея Лапина **«Все и ничего»**

№6 июнь 2024